

серия

Н.Н. Платошкин

Весна и осень чехословацкого социализма

Чехословакия в 1938–1968 гг.

Часть 2

Университет Дмитрия Пожарского

Холодная война

Николай Платошкин

**Весна и осень чехословацкого
социализма. Чехословакия
в 1938–1968 гг. Часть 2.
Осень чехословацкого
социализма. 1948–1968 гг.**

«Русский фонд содействия образованию и науке»

2015

УДК 94(437)
ББК 63.3(4Чея)63

Платошкин Н. Н.

Весна и осень чехословацкого социализма. Чехословакия в 1938–1968 гг. Часть 2. Осень чехословацкого социализма. 1948–1968 гг. / Н. Н. Платошкин — «Русский фонд содействия образованию и науке», 2015 — (Холодная война)

ISBN 978-5-91244-164-6

В книге рассматривается история чешского и словацкого социализма в период с 1938 по 1968 год. В первой части особое внимание уделяется приходу компартии к власти в Праге в феврале 1948 года. Показательно, что именно эта дата считается на Западе «официальным» началом холодной войны. Но зарождение социализма в Чехословакии произошло еще в довоенное время, а авторитет коммунистической партии сильно окреп еще в годы Второй мировой войны, так как именно коммунисты составляли ядро антифашистского сопротивления. История социализма в Чехословакии имеет общие черты с развитием этой идеологии во всей Европе, так что изучение «весны чешского социализма» имеет значение для понимания европейской истории XX века в целом. Вторая часть книги посвящена освещению предыстории «пражской весны» 1968 года, которую правильнее было бы назвать «пражской осенью», так как она являлась скорее началом заката старой эпохи, чем зарождением чего-то нового. Оставив в стороне достижения и проблемы социализма, мы можем сказать, что данная книга – это история о том, как маленькая страна занимается государственным строительством, будучи втянутой в противостояние между двумя могучими сверхдержавами. Если капитализм страдает от кризисов перепроизводства товаров, то чехословацкий социализм «произвел» слишком много образованных и свободных людей. Именно они составили идейное ядро тех, кто раздувал ветер «пражской весны»,

в то время как «партийные аппаратчики» пытались проводить экономические и социальные реформы. К сожалению, практически все ошибки чехословацких реформаторов шестидесятых годов были повторены в перестроечном СССР. Возможно, история ничему не учит, но она дает возможность не потерять прошлое. Книга предназначена для историков, дипломатов, всех интересующихся историей холодной войны, международными отношениями и изучением социальной динамики в переходные исторические периоды.

УДК 94(437)

ББК 63.3(4Чея)63

ISBN 978-5-91244-164-6

© Платошкин Н. Н., 2015

© Русский фонд содействия
образованию и науке, 2015

Содержание

Предисловие	7
Глава 1. «Весна пражского социализма»: Чехословакия в 1948-1953 годах	8
Глава 2. Межсезонье: Чехословакия в 1953-1963 годах	100
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Николай Платошкин
Весна и осень чехословацкого
социализма. Чехословакия в 1938–
1968 гг. Часть 2. Осень чехословацкого
социализма. 1948–1968 гг.

© Платошкин Н. Н., текст, 2015

© Вороновская А. М., дизайн макета и верстка, 2016

© Горева Е. А., дизайн и оформление обложки, 2016

© Русский фонд содействия образованию и науке, 2016

Предисловие

События 1968 года вокруг Чехословакии до сих пор рассматриваются как незаживающая рана в отношениях русских, чехов и словаков. В умах многих они затмили собой и чувство «славянского братства», и благодарность Красной армии за освобождение Праги от фашистских захватчиков в годы Второй мировой войны.

Что же происходило в том памятном 1968-м? В Париже строились баррикады (протесты молодежи против «общества потребления»), американцы бомбили Вьетнам – и на этом фоне 20 августа в Чехословакию вошли сотни тысяч солдат и офицеров армий стран Варшавского договора. Почему это случилось?

Самая популярная на сегодня точка зрения состоит в том, что Москве не понравились реформы в Чехословакии – «Пражская весна», проходившая под лозунгом «социализма с человеческим лицом». Но стоит отметить, что реформы в Чехословакии начались еще в 1963 году и не против воли СССР, а при его действенной поддержке. Экономическая реформа проводилась в Чехословакии в полном объеме с 1 января 1967 года, а за образец во многом была взята «косыгинская реформа», которую в СССР осуществляли начиная с 1965-го. В Чехословакии шла реабилитация жертв политических репрессий, но и она проходила с некоторым запозданием по сравнению с хрущевской оттепелью.

Блестящий чехословацкий кинематограф первой половины 60-х годов («новая волна») по своему лирическому и гражданскому звучанию очень похож на советское кино эпохи «шестидесятников».

Приход к власти Александра Дубчека в Чехословакии в январе 1968 года осуществился с молчаливого одобрения Москвы. Во всяком случае, Брежнев отказался поддержать прежнего руководителя страны Антонина Новотного. В январе 1968-го Дубчека, или «Сашу», как его величал Леонид Брежнев, сердечно встречали в советской столице.

Почему же в августе того же 1968 года Брежнев уже не видел иного пути для спасения социализма в Чехословакии, чем ввод войск союзных армий стран Варшавского договора? Что же случилось в эти семь месяцев?

В истории Чехословакии – первой развитой страны в мире, начавшей строить социализм, – были и взлеты и падения, а также вмешательство внешних сил не только с Востока, но и с Запада. Какую роль сыграли США и СССР в инициации массовых политических репрессий, которые случились в Чехословакии в 50-х годах? В чем, собственно, заключались чехословацкие реформы 1968 года, и был ли у них шанс на успех?

На все эти вопросы и пытается дать ответ настоящая книга.

Если русские, чехи и словаки смогут разобраться в событиях тех дней, то для них появится возможность возрождения былых братских чувств, и между двумя (а на сегодня – тремя) бывшими странами социалистического содружества смогут снова возникнуть конструктивные политические и экономические союзы.

Глава 1. «Весна пражского социализма»: Чехословакия в 1948-1953 годах

После победы коммунистов в спровоцированном их противниками внутривластном кризисе февраля 1948-го «комитеты действия» партий и общественных организаций Национального фронта провели масштабную чистку своих рядов и госаппарата от открытых антикоммунистов и противников народно-демократического строя.

По состоянию на май 1948 года из 685 членов областных и 3971 члена районных комитетов действия в чешских землях коммунистов было почти 70 %, социал-демократов – 17 %, членов Чешской народной партии (ЧНП) – 4 %, национальных социалистов – 4 %, беспартийных – 5 %.

14 марта 1948 года комитет действия Национального фронта разработал инструкции по проведению чистки. Из общественной и политической жизни следовало исключить лиц, осужденных или преследуемых на основании закона о защите республики, всех, кто распространял подрывную литературу или использовал служебное положение для личного обогащения¹.

Уже к лету 1948 года были уволены с работы более 9500 человек, в том числе 5800 – с государственных и национализированных предприятий и 2500 – с государственной службы. На другую работу перешли 1432 человека². К 11 сентября 1948 года из государственных органов уволили 5539 человек.

Из университетов было «вычищено» 7000 студентов и 500 преподавателей. Учащиеся вузов в 1948 году в основном были детьми богатых и зажиточных семей, что объясняет сильные антикоммунистические настроения, царившие в студенческой среде.

Из местных органов самоуправления – национальных комитетов – комитеты действия вычеркнули более 40 тысяч человек.

Наиболее активные противники режима были арестованы, хотя к этой мере в 1948-м старались прибегать лишь в исключительных случаях. Всего в 1948-1949 годах в Чехословакии было арестовано по политическим мотивам 262 500 человек. 241 до 1960 года казнили. Более двух тысяч заключенных в 1948-1968 годах умерли в тюрьмах и лагерях.

Многие противники КПЧ предпочли уехать в эмиграцию. Треть всех офицеров чехословацкой армии (примерно 5 тысяч) были вынуждены подать в отставку. Речь шла, прежде всего, о тех, кто воевал в годы Второй мировой войны на западном фронте.

Комитеты действия были образованы во всех некоммунистических партиях Национального фронта. Эти органы взяли на себя функции руководящих структур партий и начали очищать их от противников сотрудничества с КПЧ.

27 февраля 1948 года в центральном органе главной антикоммунистической партии ЧСР – Чешской национально-социалистической партии (ЧНСП) – газете «Свободное слово» было опубликовано обращение к членам партии «комитета действия» ЧНСП. Список из 34 подписей открывали фамилии министров от ЧНСП Шлехты и Неймана и председателя Национального собрания (парламента) Давида. В документе решительно осуждалась политика прежнего руководства ЧНСП, которая и привела к правительственному кризису. Бывшие вожди национальных социалистов (Зенкл, Рипка, Странский) были исключены из партии. Новое руководство ЧНСП заявило о стремлении вернуть партию на социалистический

¹ Янин А. А. Решающее сражение. М., 1978. С. 109.

² Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 264.

путь. Это нашло свое отражение и в новом названии – теперь бывшая ЧНСП стала именоваться Чехословацкой социалистической партией.

Фактически новое руководство партии приступило к исполнению своих обязанностей после 15 января 1949 года, когда состоялась конференция, принявшая новую партийную программу.

Министр внешней торговли национальный социалист Рипка, которого до февраля 1948 года прочили в преемники президента Бенеша и который, собственно, и был зачинщиком правительственного кризиса, бежал в Англию и попытался возобновить там деятельность ЧНСП в эмиграции.

Во главе христианско-демократической Чешской народной партии (ЧНП) встали министры Петр и Плойгар³, которые попытались возродить партию как массовую организацию. Однако новой ориентации ЧНП на союз с коммунистами сначала тайно, а потом и открыто противостояла католическая церковь. Петр стал новым председателем ЧНП, а Плойгар – его заместителем.

11 марта 1948 года председателем Чехословацкой социал-демократической партии (ЧСДП) вновь стал бывший премьер-министр ЧСР в 1945–1946 годах Зденек Фирлингер, которого правые силы смогли устранить с этого поста на съезде ЧСДП в Брно в ноябре 1947-го. Фирлингер всегда ориентировался на союз с КПЧ, за что его презирал президент республики Бенеш (брат Бенеша Войта был членом ЧСДП и приложил много усилий, чтобы убрать Фирлингера с поста председателя партии в 1947 году).

17 апреля 1948 года КПЧ и ЧСДП опубликовали совместное заявление о предстоящем объединении партий в Чехии и Моравии (в Словакии это произошло еще в сентябре 1944-го). Руководство социал-демократической партии торопилось, так как после февраля 1948 года многие ушли из ЧСДП и вступили в КПЧ. Объединение, таким образом, могло состояться де-факто.

Объединение обеих рабочих марксистских партий произошло 27 июня 1948 года на торжественном собрании делегатов КПЧ и ЧСДП в пражском зале «Люцерна». Фактически социал-демократов в индивидуальном порядке принимали в КПЧ, а в Центральный комитет (ЦК) компартии было кооптировано 14 левых социал-демократов (в том числе Фирлингер, Людмила Янковцова, Отто Йон и Эвжен Эрбан). К началу 1949 года, когда кампания по приему в КПЧ бывших социал-демократов была закончена, коммунистами стали примерно половина бывших членов ЧСДП.

Общей тенденцией послефевральского периода был массовый переход из некоммунистических партий в КПЧ. Многие просто хотели быть на стороне победителей и сохранить свои посты на государственной службе.

Изменения после февраля 1948 года коснулись и самой компартии – отныне бесспорной правящей партии Чехословацкой республики. 28 сентября 1948-го Коммунистическая партия Словакии (КПС) организационно вошла в состав КПЧ. До этого она представляла собой самостоятельную партию, хотя политически всегда руководствовалась установками ЦК КПЧ.

В феврале 1948 года компартия была самой массовой политической силой страны: в ее рядах насчитывалось 1,4 миллиона членов (в мае 1945-го коммунистов было не более 30 тысяч). За пять месяцев после февральской победы только в чешских землях в КПЧ вступили 856 657 новых членов, а в Словакии – 196 928. Летом 1948 года в рядах коммунистов

³ Священник Йозеф Плойгар (родился в 1902 году) был активным противником нацизма и находился в концлагере Бухенвальд с 1939 по 1945 год. Противники Плойгара утверждали, что еще до февраля 1948 года тот был тайным членом КПЧ («подводной лодкой», на жаргоне того времени). Распространялись слухи, что преподобный Плойгар много пьет и любит красивых девушек. Алоис Петр и Плойгар были исключены из ЧНП 24 февраля 1948 года за поддержку политики КПЧ.

насчитывалось 2,5 миллиона человек, среди которых 320 тысяч перешли из других партий. Процентный состав рабочих – главной социальной опоры КПЧ – серьезно сократился. Руководству партии пришлось объявить в июле 1948 года мораторий на прием новых членов.

Чтобы избавиться от карьеристов и приспособленцев, была проведена чистка партии, в результате которой из ее рядов исключили более 150 тысяч человек. Для желающих стать коммунистами вводился, по советскому образцу, обязательный кандидатский стаж. Многих коммунистов перевели из членов партии в кандидаты.

На январь 1949 года в КПЧ помимо рабочих состояли 202 872 крестьян и примерно 100 тысяч ремесленников-частников⁴.

Победившие в феврале 1948 года коммунисты сохранили Национальный фронт, куда помимо КПЧ по-прежнему входили уже очищенные от противников народно-демократического строя другие партии: ЧСДП (до июня 1948-го), ЧНСП (позднее ЧСП) и ЧНП, а также общественные организации (профсоюзные, женские, молодежные и т. д.). Формально именно в рамках Национального фронта было 25 февраля 1948 года сформировано новое правительство Клемента Готвальда.

Лидер КПЧ Готвальд таким образом сохранил пост премьера. Его заместителями стали коммунисты словак Вильям Широкий и Антонин Запотоцкий (лидер единых профсоюзов страны Революционного профсоюзного движения, РПД). Еще одним вице-премьером стал лидер центристского крыла ЧСДП Богумил Лаушман (на февраль 1948 года – председатель партии).

Очень важной победой КПЧ было то, что о своей готовности войти в новое правительство Готвальда заявили очень популярные в стране беспартийные министры обороны и иностранных дел генерал Людвик Свобода и Ян Масарик (сын первого президента ЧСР).

Посты министров внутренних дел и финансов сохранили коммунисты Носек и Доланский. Портфель министра внешней торговли перешел от ЧНСП к КПЧ (новым главой ведомства вместо Рипки стал Антонин Грегор, активно участвовавший в движении Сопротивления во время нацистской оккупации). Зять Готвальда коммунист Алексей Чепичка стал министром юстиции, Фирлингер (ЧСДП) – министром промышленности. Другой социал-демократ, Эрбан был назначен министром социального обеспечения. Социал-демократы (Людмила Янковцова) сохранили за собой и крайне важное министерство снабжения. В то время в ЧСР была карточная система, и это министерство отвечало фактически за снабжение всего населения продовольствием по утвержденным нормам.

Новый руководитель ЧПН Плойгар возглавил министерство здравоохранения. Шлехта – новый вождь бывшей ЧНСП – занял пост министра техники.

Самая крупная буржуазная партия Словакии – Демократическая, набравшая на выборах в 1946 году 62 % голосов, – самораспустилась, и вместо нее 8 марта 1948 года была учреждена Партия словацкого возрождения, которая, в отличие от своей предшественницы, тесно сотрудничала с коммунистами в рамках Национального фронта.

В другой небольшой словацкой партии Национального фронта – Партии свободы – новое, дружественно настроенное по отношению к коммунистам руководство пришло к власти в конце 1948 года.

Следует отметить, что численный состав всех некоммунистических партий Национального фронта после февраля 1948 года сильно сократился, например, в ЧНСП с 600 тысяч до 15 тысяч человек⁵.

Новое правительство Готвальда утвердил президент страны Эдвард Бенеш, который фактически тайно подталкивал руководство ЧНСП к правительственному кризису в феврале

⁴ Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil V. Praha, 1989. S. 280.

⁵ http://is.muni.cz/th/64234/ff_m/Hlavni_textova_cast.pdf

1948 года, а потом предал поверивших ему национальных социалистов. До избрания на пост президента ЧСР в 1935 году сам Бенеш был активным членом национально-социалистической партии.

Однако получение новым правительством Готвальда вотума доверия в Национальном собрании (парламенте) едва не было сорвано трагическим событием, споры вокруг которого не утихают и поныне.

10 марта 1948 года министр иностранных дел Ян Масарик (родился в 1886-м) был найден мертвым под окнами своей ванной на мостовой перед Чернинским дворцом (здание МИД, в котором он и жил в отдельной квартире).

Масарика любили в стране не только потому, что он был сыном «отца-основателя» Чехословакии Томаша Гарига Масарика. Ян Масарик, казалось, воплощал в себе хрестоматийные черты чешского характера – он любил пошутить, вкусно поесть и пил только качественные спиртные напитки (предпочитал виски). Во время нацистской оккупации Масарик каждый день обращался по радио из Лондона к своим соотечественникам: «Милые мои!». Его голос знали в каждой чешской семье.

Пост министра иностранных дел любителю комфортной жизни Масарику нравился – он чаще бывал за границей, чем дома (это с сарказмом отмечал в своих депешах в Вашингтон посол США в Праге Стейнхардт). Однако популярность Масарика была так велика, что никто в Чехословакии не смел критиковать его за это.

Многие следы указывали на самоубийство: открытое окно ванной, следы на подоконнике, наконец, даже то, что пижамные брюки министра были испачканы его экскрементами – он, жизнелюб, явно боялся сделать свой последний шаг в небытие. Сразу же после гибели Масарика противники коммунистов запустили версию о том, что он не хотел входить в «коммунистическое» правительство и поэтому ушел из жизни. Однако у министра были прекрасные отношения с Готвальдом. Если бы Масарик отказался от поста и захотел уехать из страны, Готвальд, хоть и скрепя сердце, не смог бы этому противиться. Однако Ян Масарик не только согласился остаться в кабинете, но и возглавил в своем министерстве объявленную коммунистами 24 февраля 1948 года по всей стране одночасовую забастовку. Под контролем Масарика действовал и «комитет действия» министерства, проводивший в МИДе кадровую чистку. Причем именно Масарик решал, кого оставить, а кого уволить, и коммунисты ему не перечили.

Позднее из ФРГ в оборот была запущена новая версия: Масарика вытолкнули из окна либо агенты госбезопасности, либо советские офицеры МГБ, тайно прибывшие в Прагу. Но никакими фактами эта версия не подкреплялась. К тому же коммунистам незачем было убивать популярного в народе министра, публично вставшего на их сторону в критические дни февраля 1948 года.

В 1968 году, во время «пражской весны», генеральная прокуратура ЧССР провела фундаментальное и всеобъемлющее расследование смерти Яна Масарика и пришла к однозначному выводу о самоубийстве министра. Фактически были подтверждены результаты следствия 1948 года.

Однако остался открытым главный вопрос: что побудило страстного любителя жизни выпрыгнуть из окна своей ванной накануне представления правительства Готвальда в парламенте?

9 марта 1948-го, накануне своего странного самоубийства, Масарик присутствовал на загородной вилле президента Бенеша в Сезимово-Усти на вручении новым польским послом верительных грамот. После этого министр о чем-то наедине говорил с президентом в течение 20 минут. По словам очевидцев, оба были разговором огорчены, особенно Бенеш. Вероятно, противник коммунистов Бенеш все еще не терял надежды досадить Готвальду и убеждал Масарика не входить в правительство, а уехать за рубеж, где его ждала любимая женщина –

американка Мерси Дэвенпорт⁶. Несомненно, если бы Готвальд явился на заседание Национального собрания с новостями о бегстве из страны крайне популярного беспартийного министра иностранных дел, это был бы очень сильный удар по легитимности нового кабинета.

То, что Бенеш был очень недоволен своей беседой с Масариком, могло свидетельствовать лишь об одном – министр покинуть родину отказался.

Тем не менее, вечером 9 марта Масарик, как обычно, с большим аппетитом поужинал в своей квартире в Чернинском дворце. Ужин сервировал его дворецкий Богумил Пржигода, которому Масарик на прощание сказал: «Ну так, Пржигода, спокойной ночи и до завтра. Встретимся утром в полдевятого». Масарик в последнее время плохо спал и планировал после утверждения правительства в парламенте уехать на две недели в санаторий.

Сегодня эта загадочная смерть представляется до обидного банальной: выпив бутылку пива, Масарик ночью сидел и курил на подоконнике открытого окна своей ванной комнаты и случайно упал вниз на тротуар. Но именно эта версия и объясняет все обстоятельства дела. Ведь не подлежит сомнению, что такой человек, как Масарик, не хотел, да и не имел никаких оснований уйти из жизни. К тому же министр панически боялся всяких ран и травм, и все, кто его знал, едины в одном: прыгать из окна, рискуя остаться инвалидом, Ян Масарик никогда не стал бы.

Однако после краха социализма в Чехословакии в 1989 году было проведено новое расследование. В 2004-м следователь майор Правда пришел к выводу, что Масарик был убит коммунистами, естественно, при содействии советской госбезопасности. Никаких доказательств этой версии майор с красноречивой фамилией не представил, зато она нравилась и нравится тем чехам, кому не нравятся коммунисты и Советский Союз. К сожалению, подобные «версии», не имеющие под собой абсолютно никаких оснований, публикуют и российские СМИ.

В похоронах Яна Масарика участвовали все правительство Готвальда и примерно 250 тысяч потрясенных пражан. Не обошлось без антикоммунистических слухов и по этому поводу. Якобы «подозрительный» букет цветов в гробу Масарика закрывал огнестрельную рану на его виске. Но и в 1948-м, и в 1968-м году все врачи, проводившие вскрытие, и свидетели похорон единогласно подтвердили, что никаких огнестрельных ран на теле министра обнаружено не было. Заметим, что некоторые участники вскрытия затем эмигрировали из страны и последствий своей откровенности могли не опасаться.

Что касается желания уехать за границу, которое активно пытались и пытаются приписать Масарику, то окончательно пришедшие к власти в феврале 1948 года коммунисты эмиграции граждан сначала вообще никак не мешали. Председатель правительства и лидер КПЧ Клемент Готвальд выразился на сей счет кратко: «Пусть себе уезжают»⁷. Однако уже через несколько недель после февральских событий процедура получения заграничного паспорта была усложнена, а границы стали охранять внимательнее, чтобы воспрепятствовать нелегальной эмиграции. Незаконно люди бежали в основном в Баварию, которая тогда представляла собой часть американской оккупационной зоны Германии (в восточной Австрии в то время еще стояли советские войска).

В приграничной зоне расцвел целый бизнес: местные жители за деньги тайно проводили эмигрантов через границу. Этим воспользовалась госбезопасность, которая в рамках операции «Камень» (по другим данным, операции «Камни») стала внедрять в сеть про-

⁶ В 1925 году Масарик женился на американке Фрэнсис Крейн, дочери видного промышленника и дипломата, но через пять лет их бездетный брак распался.

⁷ http://is.muni.cz/th/52127/ff_m/Strucna_historie_uprchliku_z_ceskych_zemi_.pdf.

водников своих агентов, выражавших готовность перевести желающих. При переходе горе-эмигранта арестовывали за нарушение режима государственной границы.

Был и еще более рафинированный вариант. Эмигранта «переводили» через границу, и на другой стороне его задерживал американский патруль (на самом деле состоявший из сотрудников госбезопасности ЧСР, говоривших по-английски). При допросе «американцами» беженец охотно рассказывал о своей ненависти к коммунистам и борьбе против них. Затем, при переводе эмигранта в лагерь для перемещенных лиц, на него «нападали» сотрудники КНБ (корпус национальной безопасности ЧСР) и якобы «возвращали» его на чехословацкую территорию. Таким образом, у госбезопасности были уже готовые показания самого эмигранта о его антигосударственной деятельности, и оставалось лишь передать дело в суд.

Постепенно граница ЧСР с Баварией укреплялась. Появились сторожевые вышки, примерно на расстоянии одного километра друг от друга. На отдельных участках были установлены заграждения из колючей проволоки под напряжением. На самых опасных направлениях были выстроены доты и вкопаны в землю танки.

Всего страну покинули в 1948-1949 годах 28 тысяч человек.

В целом за время господства в Чехословакии коммунистической партии (1948-1989 годы) из страны уехали примерно 500 тысяч человек, или 3,5 % населения⁸. Для сравнения стоит отметить, что до Первой мировой войны (тоже примерно за 40-50 лет) из чешских земель, находившихся в составе Австро-Венгрии, за границу уехали 1,2 миллиона человек, в том числе миллион чехов. 400 тысяч эмигрантов тогда осели в США, примерно столько же в Австрии и 200 тысяч в Германии.

Тем не менее, в феврале 1948 года большинство населения Чехословакии либо поддержало приход коммунистов к власти (тем более что он был абсолютно законен и санкционирован президентом страны), либо заняло выжидательную позицию. Массовых акций протеста не было. Наоборот, все уличные многотысячные демонстрации, организованные профсоюзами, поддерживали новое правительство.

Новый кабинет Готвальда был утвержден Национальным собранием без проблем (из 21 члена кабинета 16 были коммунистами). Вместе с персональным составом правительства премьер представил на рассмотрение депутатов программу, предусматривавшую завершение шедшей уже несколько лет работы над новой конституцией, проведение, как и было намечено, парламентских выборов в мае 1948 года, углубление аграрной реформы. За правительство Готвальда и его программу проголосовали 230 депутатов Национального собрания из 300. 59 парламентариев на заседание не явились, а 11 покинули зал в знак протеста.

Национальный фронт решил выдвинуть на парламентские выборы 30 мая 1948 года единый список кандидатов, среди которых преобладали коммунисты и сочувствующие. Несогласные могли опускать в урны незаполненные («белые») бюллетени. За список Национального фронта отдали свои голоса 6 424 724 человека (86,6 %), «против» пустыми бюллетенями проголосовали 994 419 избирателей (13,4 %). 250 тысяч голосов были признаны недействительными.

Отныне все депутаты парламента прочно стояли на платформе обновленного Национального фронта. Среди них было 211 коммунистов (как от самой КПЧ, так и от общественных организаций – членов Национального фронта), 25 социал-демократов, 26 национальных социалистов, 23 члена народной партии, 12 членов партии-правопреемницы словацкой демократической партии и три представителя словацкой Партии свободы.

Еще раньше, 15 апреля 1948 года, высший орган Национального фронта (Центральный комитет) утвердил проект новой конституции страны. Конституция была принята парламентом 9 мая 1948-го в годовщину освобождения Чехословакии от нацистской оккупации («за»

⁸ http://is.muni.cz/th/52127/ff_m/Strucna_historie_uprchliku_z_ceskych_zemi_.pdf.

проголосовали все присутствовавшие 254 депутата из 300). В преамбуле конституции с благодарностью говорилось об освобождении Чехословакии «великой славянской державой» СССР⁹. В первом предложении нового основного закона была четко сформулирована цель развития страны: «Мы, народ чехословацкий, заявляем, что мы полны решимости построить освобожденное государство как народную демократию, которая обеспечит нам спокойный путь к социализму»¹⁰. Во второй статье конституции говорилось, что ЧСР – это государство «двух равноправных славянских народов – чехов и словаков».

К компетенции словацких автономных органов – Словацкого национального совета (парламент в составе 100 депутатов) и Корпуса уполномоченных (правительство) – были отнесены все вопросы, за исключением обороны, иностранных дел и внешней торговли.

Впервые в конституции ЧСР были зафиксированы права граждан на образование, труд и отдых для всех работающих.

Позднее, 1 января 1949 года вместо еще средневекового деления всей страны на три земли – Чехию, Моравию-Силезию и Словакию – ЧСР в административном плане была разбита на 19 областей («краев»): 13 в Чехии и Моравии и 6 в Словакии.

Бенеш не хотел подписывать новую конституцию и уединился в своей резиденции в Сезимово-Усти. От каких-либо публичных выступлений против новой власти глава государства воздерживался. Чтобы все-таки избежать необходимости занять определенную позицию по отношению к основному закону, за пять дней до его принятия, 4 мая 1948 года, Бенеш подал в отставку с поста президента, сославшись на плохое здоровье. Готвальд прекрасно понял суть этого демарша и прямо заявил начальнику канцелярии президента Смутному, что рассматривает отставку как удар в спину его правительства.

Заметим, что Готвальд и КПЧ в целом до того времени воздерживались от любой публичной критики Бенеша, хотя прекрасно знали, что именно президент стоял за правительственным кризисом февраля 1948 года. Именно с прицелом на Бенеша коммунисты предложили в новой конституции определить семилетний срок президентских полномочий (парламент избирался на 6 лет). Ранее же именно коммунисты, и опять же «под Бенеша», настаивали на праве президента избираться на два срока подряд, чего не хотели, например национальные социалисты (они были лишь за один срок).

Президент по конституции был верховным главнокомандующим, вводил на основании решения правительства военное положение, а по постановлению парламента объявлял войну.

В основном законе было также записано, что президент может вновь избираться на семь лет после того, как со времени сложения им полномочий также прошло семь лет. В специальной статье было прямо записано, что все эти ограничения не действуют для «второго президента республики»¹¹, то есть Бенеша (!). Таких конституционных привилегий не было даже у Сталина.

За президентом было сохранено право назначать правительство и отправлять его в отставку.

5 мая 1948 года Готвальд и Бенеш встретились в Сезимово-Усти и достигли компромисса. Бенеш согласился повременить со своей отставкой до выборов в Национальное собрание. Так как президент не хотел подписывать новый основной закон, договорились, что он подаст в отставку между 30 мая и 7 июня 1948 года, когда, согласно законодатель-

⁹ Hoensch J. Geschichte der Tschechoslowakischen Republik 1918 bis 1965. Stuttgart, 1966. S. 148.

¹⁰ http://www.psp.cz/docs/texts/constitution_1948.html.

¹¹ Первым президентом Чехословакии, как уже упоминалось, был отец Яна Масарика Томаш Масарик (умер в 1935 году, его сменил Бенеш).

ству, глава государства должен был как-то определиться с подписанием утвержденной Национальным собранием конституции.

Тайное соглашение было почти в точности выполнено, и Бенеш ушел в отставку 8 июня 1948 года. 14 июня новое Национальное собрание единогласно утвердило на пост нового главы государства Клемента Готвальда – первого коммуниста, бывшего рабочего, занявшего резиденцию чешских королей в Пражском Граде. Главой правительства стал очень популярный в стране профсоюзный лидер коммунист Антонин Запотоцкий.

3 сентября 1948 г. Бенеш умер в своей загородной резиденции (которая была за ним сохранена) от последствий постигшего его в 1947 году инсульта. До сих пор этот человек вызывает в Чехии ожесточенные споры. Кто-то считает его выдающимся государственным деятелем, кто-то – марионеткой коммунистов, а кто-то – самоуверенным, влюбленным в себя и власть человеком, который начал в феврале 1948 года рискованную политическую игру и позорно проиграл ее своему собственному народу.

В апреле 2004 года нижняя палата парламента Чешской республики преодолела вето сената (верхней палаты) и повторно приняла закон номер 292/2004, состоявший всего из одного предложения: «Эдвард Бенеш имеет заслуги перед государством». Президент Вацлав Клаус на закон вето не наложил, но и подписывать его отказывался, чем вызвал жаростные споры насчет правомочности подобного поведения главы государства. В мае 2005 года в Праге Бенешу был поставлен памятник. Он стоит напротив МИД, на той самой площади, где 10 марта 1948 года трагически оборвалась жизнь Яна Масарика.

Сразу же после февральских событий 1948 года в Чехословакии американцы, раздосадованные столь легкой победой коммунистов в этой «западной» стране, начали активно продвигать в мировое общественное мнение версию «коммунистического государственного переворота в Праге». На самом деле в Вашингтоне опасались повторения пражского сценария в Италии и Франции, где коммунистические партии пользовались поддержкой миллионов избирателей, так же, как и их чешские товарищи.

В анализе ЦРУ от 10 марта 1948 года говорилось: «Психологические последствия пражского переворота явно достигли размеров, выходящих далеко за рамки его действительного значения; в них проявляется страх, вызванный слабостью экономики и политики Западной Европы в сравнении с Советским Союзом, равно как и наглядное впечатление от того, как легко коммунистическое меньшинство может взять власть в традиционно демократической стране»¹².

В течение месяца после февральских событий в Праге страшилки о коммунистическом перевороте заполняли первые полосы ведущих газет США, особенно влиятельной «Нью-Йорк Таймс». Прибегая к откровенной лжи, американские СМИ утверждали, что «переворот» срежиссирован в Кремле, а Сталина сравнивали с Гитлером, оккупировавшим Прагу в марте 1939 года. После известия о смерти Масарика госсекретарь Маршалл заговорил о «коммунистическом терроре», жертвой которого якобы стал сын первого президента ЧСР, хотя до этого сами же американцы считали Масарика марионеткой коммунистов и даже не позволили ему совершить официальный визит в США. Госсекретарь заявил: «То, что сейчас происходит в ЧСР, – трагедия. Особенно то, что произошло с некоторыми политиками, как в случае с Яном Масариком»¹³.

«Нью-Йорк Таймс» писала: «Как молния с ясного неба смерть Яна Масарика высветила страшную катастрофу, которая разыгрывается за железным занавесом. То, что трагедия миллионов людей в силу своего масштаба бессильна сделать доступным человеческому

¹² Faure J. Americky pritel. Praha, 2005. S. 83.

¹³ Kettner P., Jedlicka I. Proc zemrel Jan Masaryk? Praha, 1990. S. 18.

пониманию, вдруг стало понятным с помощью ужасной трагедии одного человека»¹⁴. «Нью-Йорк Херальд Трибюн» вторила: «Все, кто на Востоке интересуются основными правами человека, должны либо бежать, либо умереть. Ян Масарик выбрал смерть»¹⁵.

Таким образом, если кто-то и использовал в своих целях смерть популярного чехословацкого министра, то это были отнюдь не коммунисты, а американцы.

Направляемая из Белого дома и ЦРУ античехословацкая и антисоветская пропаганда достигла весной 1948 года в США таких размеров, что испугались сами ее творцы. В Вашингтоне царил ожидание неминуемого военного столкновения с Советским Союзом. Министр обороны США Форрестал записал в своем дневнике 16 марта 1948 года: «Газеты этим утром полны слухов о войне»¹⁶. Верховный комиссар США в Германии генерал Клей прислал в Вашингтон паническую телеграмму, в которой утверждал, что война против СССР может вспыхнуть «драматически и неожиданно». ЦРУ в своем анализе 16 марта 1948 года сообщило администрации Трумэна, что риск войны реален в течение «ближайших недель».

Госсекретарю Маршаллу пришлось немного отыграть назад. В конце февраля 1948-го он сообщил всем американским дипломатическим представительствам, что Запад не сможет реально ничего предпринять в ответ на «коммунистический переворот» в Праге. Одно дело было сообщать в СМИ о военной конфронтации с Москвой, другое – решиться на нее.

США даже не стали разрывать дипломатические отношения с Чехословакией, так как американское посольство в Праге было ценным источником информации. Из 80 американских «дипломатов», составлявших тогда штат посольства, 33 были военными. Не стали в США и выносить «чехословацкий вопрос» на обсуждение ООН, поскольку понимали, что ничего противозаконного, а тем более нарушающего международный мир, в Праге на самом деле не случилось. К тому же было ясно, что СССР как постоянный член Совета безопасности ООН наложит вето на любую резолюцию, содержащую вмешательство во внутренние дела своего союзника – ЧСР.

Американцы лишь смогли подбить своих собственных союзников Англию и Францию на совместное заявление относительно Чехословакии, которое было опубликовано 26 февраля 1948 года: «Правительства Соединенных Штатов, Франции и Великобритании внимательно следили за событиями, которые только что разыгрались в Чехословакии и которые представляют собой угрозу для самых принципов свободы, дорогих любой демократичной нации. [Правительства трех стран] констатируют, что с помощью искусственного и преднамеренно вызванного кризиса, методами, уже использованными в других странах, было прекращено свободное функционирование парламентских институтов и установлена диктатура одной партии, замаскированная под правительство национального единства. Им [правительствам трех стран] не остается ничего иного, как осудить процесс, результаты которого будут катастрофичны для чехословацкого народа, уже неоднократно проявившего посреди ужасов Второй мировой войны свою преданность делу свободы»¹⁷.

Американцы побудили Париж принять резолюцию протеста во французском Национальном собрании, а 2 марта 1948 года исполком британской лейбористской партии (на тот момент правящей) осудил тех «чехословацких социалистов», которые сотрудничали с коммунистами.

25 февраля 1948 года осудивший события в Праге постоянный представитель ЧСР при ООН Ян Папанек попросил Генерального секретаря ООН норвежца Трюгве Ли внести вопрос о положении в Чехословакии на повестку дня заседаний Совета Безопасности ООН.

¹⁴ Faure J. Americky pritel. Praha, 2005. S. 83.

¹⁵ Kettner P., fedlicka I. Proc zemrel Jan Masaryk? Praha, 1990. S. 18.

¹⁶ Faure J. Americky pritel. Praha, 2005. S. 84.

¹⁷ Faure J. Americky pritel. Praha, 2005. S. 85.

Ли, считавший, что ООН и он лично не должны содействовать конфронтации между Востоком и Западом, отверг это предложение. Но после известия о смерти Яна Масарика Папанек устроил пресс-конференцию и передал в ООН личную ноту протеста по поводу событий в Чехословакии. Однако ведущий сотрудник госдепартамента США (и будущий госсекретарь в администрации Кеннеди) Раск, к которому Папанек обратился за содействием, в любой помощи наотрез отказал. Папанек был уже частным лицом, а вносить вопросы в повестку дня ООН могли только государства. США этого делать не хотели.

Американцы решили попытаться раздуть дипломатический кризис вокруг Чехословакии руками своих сателлитов. 12 марта 1948 года делегация Чили в ООН внесла ноту Папанека на рассмотрение Совета Безопасности. Следует отметить, что осенью 1947 года правительство Чили разорвало дипломатические отношения с СССР, США и Югославией, и чилийский президент Видела назвал это «первыми залпами третьей мировой войны». 17 марта правительство Готвальда официально уволило Папанека. Однако американцы и их союзники устроили опальному дипломату выступление на Генеральной Ассамблее ООН 22 марта 1948 года.

В мае 1948-го западные страны предложили образовать комиссию ООН по «расследованию» событий в Чехословакии, но СССР предсказуемо наложил на этот проект свое вето. «Чехословацкий вопрос» тем не менее формально оставался в повестке дня Совета Безопасности ООН до 1956 года, когда Генеральный секретарь ООН окончательно вычеркнул его.

В начале апреля в конгресс США поступил тайный доклад «Стратегия и тактика мирового коммунизма», в котором признавалась блестящая тактика чехословацких коммунистов в феврале 1948 года на фоне неумелых действий их противников: «...Еще никогда проблема взятия власти в государстве не была решена так успешно, как в феврале 1948 года в Чехословакии...»¹⁸

Однако администрация Трумэна извлекла из «пражского переворота» прямые и ощутимые внешнеполитические выгоды. Под влиянием беспрецедентного антисоветского психоза в СМИ конгресс США быстро одобрил ассигнования на план Маршалла, так как без него коммунисты, дескать, смогли бы совершить подобные перевороты в Италии и Франции. Один из сотрудников госдепартамента, отвечавший за план Маршалла, заметил, что «пражский переворот» был «послан... небом с целью убеждения конгресса»¹⁹.

США начали усиленно формировать из своих западноевропейских партнеров антисоветские военные союзы. Уже 17 марта 1948 года в Брюсселе Францией, Великобританией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом был подписан договор об автоматическом оказании военной помощи в случае агрессии против любого из участников договора. Страна-агрессор в договоре названа не была, но все понимали, что речь идет о СССР.

11 июня 1948 года конгресс США принял резолюцию сенатора Ванденберга, которая знаменовала собой самую разительную смену вех в американской внешней политике с момента образования страны. До тех пор нерушимым принципом, «священной коровой» американской дипломатии было неучастие США в военных блоках и отказ от размещения войск за границей в мирное время. Резолюция Ванденберга предусматривала как раз обратное. Москве дали понять, что американские вооруженные силы намерены оставаться в Европе и Азии на неопределенное время. Резолюция прямо рекомендовала администрации Трумэна присоединиться к Брюссельскому пакту.

Американцы готовились к мировой ядерной войне, в ходе которой они надеялись быстро разгромить СССР, у которого еще не было собственной атомной бомбы. Принятый в 1948 году секретный военный план США *Charioteer* («Возничий») предусматривал бомбар-

¹⁸ Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil V. Praha, 1989. S. 277.

¹⁹ Faure J. Americký přítel. Praha, 2005. S. 86.

дировку 70 городов СССР 133 ядерными зарядами, причем на Москву планировалось сбросить со стратегических бомбардировщиков В-36 восемь атомных бомб, а на Ленинград – семь. Американцы исходили из того, что из 28 миллионов советских граждан, проживавших на тот момент в городах – целях «Возничего», в первые же дни войны должны погибнуть 6,7 миллиона²⁰. Согласно этому плану, утвержденному правительством США 18 августа 1948 года, СССР после военного разгрома должен был капитулировать и превратиться в протекторат западных держав-победителей. На то, чтобы разделаться с СССР, американцы отводили себе столько же времени, что и Гитлер, – максимум шесть месяцев²¹.

Правда, по оценкам военных стратегов Пентагона для войны надо было существенно пополнить авиапарк ВВС и запасы боеприпасов. В 1949 году «Возничего» заменили планом Dropshot («Удар с небес»). На сей раз Москву предполагалось бомбардировать ядерными зарядами не в начале войны, а лишь на второй ее неделе. В Пентагоне аргументировали эту «гуманность» тем, что если сразу разрушить советскую столицу, некому будет капитулировать перед победоносными американцами. В Вашингтоне полагали, что до 1952 года у Советского Союза точно не будет ядерного оружия.

Но самым опасным последствием событий в Праге стал раскол Германии. Американцы решили создать из западных оккупационных зон Германии сепаратное государство и в перспективе включить его в антисоветские военные блоки. В Москве, только что пережившей страшную и разрушительную германскую агрессию, это воспринимали как явную угрозу национальной безопасности.

4 июня 1948 года американцы, французы и англичане под жестким нажимом США договорились об объединении своих оккупационных зон Германии в единый экономический и политический организм. Это было грубым нарушением Потсдамских соглашений держав-победительниц 1945 года, которые предусматривали четырехстороннее управление Германией как единым целым. Теперь же советскую зону оккупации Германии американцы и их западные союзники стали, по сути, считать инородным организмом.

18 июня раскол Германии окончательно стал свершившимся фактом. Обманув СССР, с которым они ранее договорились о единовременном проведении денежной реформы во всех оккупационных зонах Германии, США, Англия и Франция неожиданно ввели в своих зонах и Западном Берлине новые деньги, втайне от Москвы отпечатанные в США. В советскую оккупационную зону, где сохранялись старые рейхсмарки, ведь СССР собственной сепаратной денежной реформы не планировал, через открытую границу в Западном Берлине хлынули громадные массы обесценившихся «бывших» денег. СССР «предупредили» о введении новых денег... за два часа(!).

22 июня западные державы предложили СССР ввести в Берлине особую валюту (таким образом, в «единой» Германии ходило бы три денежные единицы – в западных зонах, в советской зоне и еще в Берлине, который был центром советской зоны оккупации). Естественно, предложение было отклонено СССР как «абсурдное»²². Интересно, что на этом же заседании британский представитель констатировал: «...в настоящий момент русская зона и Берлин наводнены старой валютой». И это было абсолютной правдой – только за первые пять дней после введения западной марки советские и восточногерманские власти изъяли более 90 млн «старых» марок, которые незаконно пытались переправить из западных зон в советскую²³.

²⁰ Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil V. Praha, 1989. S. 270.

²¹ Ross S. American War Plans 1945-1950. Portland Oregon, 1996. P. 80.

²² Keiderling G. Die Berliner Krise 1948/49. Berlin. 1982. S. 84.

²³ Keiderling G. Die Berliner Krise 1948/49. Berlin. 1982, S. 86.

В этих условиях СССР был вынужден ввести в Берлине пограничный режим, что западные страны немедленно охарактеризовали как блокаду «Западного» Берлина и стали снабжать «голодающее население» немецкой столицы по воздушному мосту. Британский журнал «Нью стейтсмен энд нейшн» (New Statesman and Nation) справедливо писал в то время: «Предположим, однако, на мгновение, что сложилась обратная ситуация. Предположим, что... германская столица находится в английской, а не в русской зоне; предположим далее, что русские внезапно объявили о намерении создать сепаратное восточногерманское правительство и провести сепаратную денежную реформу, которая неизбежно подрывала бы экономику нашей зоны. Чего иного можно было бы тогда ожидать, кроме как требования с нашей стороны, чтобы русские незамедлительно... покинули столицу?»

Генерал Клей немедленно предложил Вашингтону прорвать «блокаду» вооруженным путем из Западной Германии, но у Трумэна хватило ума не допустить мировой войны, тем более что СССР, в отличие от западных стран, никаких соглашений относительно Германии не нарушил и воздушному мосту не мешал. СССР принял специальное решение об увеличении продовольственного снабжения Западного Берлина (и это в то время, когда сами советские люди переживали не лучшие времена из-за чудовищных разрушений, нанесенных войной).

Совет Министров СССР только в порядке неотложных мер выделил для Западного Берлина из госрезервов 100 тысяч тонн муки и 10 тысяч тонн жиров. Новейшие исследования западных ученых показывают, что подушевое потребление калорий в «голодающем» Западном Берлине в 1948-1949 годах было выше, чем в Париже или Москве. В ноябре 1948 года западноберлинский рабочий получал в день 2202 килокалорий, его восточноберлинский коллега – 2289.

Почти 22 тысячи западных берлинцев до 4 августа 1948 года получили продовольственные карточки в советской части Берлина – и никакой «блокады» так и не ощутили. Чтобы поддерживать чувство «голодной обреченности» в Западном Берлине, американские, британские и французские военные власти в городе стали увольнять с работы всех, кто осмеливался покупать продукты в Восточном Берлине. Иллюзия «блокады» должна была быть сохранена любым путем.

4 апреля 1949 года взамен Брюссельского пакта был учрежден, уже в Вашингтоне, новый антисоветский военный блок – Организация Североатлантического договора (НАТО). 24 августа того же года договор вступил в силу после ратификации его всеми парламентами стран-участниц (Бельгии, Дании, Франции, Великобритании, Нидерландов, США, Норвегии, Португалии, Италии, Канады, Люксембурга и Исландии).

С самого начала предполагалось использовать силы НАТО не только против «агрессии» со стороны Москвы, но и для подавления внутренних беспорядков в самих странах – членах НАТО. С этой целью в 1950 году был разработан тайный план OPLAN 100-1. Канадский министр иностранных дел охарактеризовал НАТО как «динамичный противовес коммунизму и полюс притяжения капитализма».

Почти все расходы по военным приготовлениям НАТО в первые годы несли США. В 1949 году из суммарного военного бюджета всех стран блока в размере 18,7 миллиардов долларов на США приходилось 13,5 миллиарда.

Что до планов насчет Чехословакии, США решили избрать в отношении всех восточноевропейских стран политику «сдерживания коммунизма» (containment). Предполагалось любой ценой, за исключением полномасштабной мировой войны, не допустить «советизации» еще входивших в «свободный мир» стран. Однако сами же американцы считали, что такие страны, как Чехословакия или Польша, уже «советизированы», поэтому в отношении них «сдерживание» превратилось в 1948 году уже в «отбрасывание», хотя формально

этот термин (roll back) официально стал использоваться во времена президента Эйзенхауэра (1953–1961 годы).

Одним из главных творцов новой американской антисоветской политики был бывший поверенный в делах США в СССР Джордж Кеннан – духовный отец плана Маршалла и ярый антисоветчик даже по американским меркам. Формально «отбрасывание» мотивировалось все тем же «пражским переворотом». Хотя, возможно, это был лишь предлог.

Еще в декабре 1947 года Совет национальной безопасности (СНБ) США принял специальную директиву NSC 4-A, согласно которой только что созданной внешней разведке, ЦРУ, поручалось вести «психологическую войну» против враждебных США стран. Смысл директивы был еще и в том, что все подрывные операции носили тайный характер и не подлежали согласованию с конгрессом²⁴.

18 июня 1948 г. новая директива СНБ NSC 10/2 уже точнее определила, что понималось под тайными операциями (covert actions): «[операции], которые осуществляются или поддерживаются нашим правительством против враждебных иностранных государств или групп, или в поддержку дружественных иностранных государств или групп, но которые планируются и осуществляются так, что любая ответственность правительства США за них не очевидна непосвященным лицам, и если эти операции станут достоянием гласности, правительство США сможет достоверно отречься от любой ответственности за них»²⁵.

Организовывать подрывные операции поручалось ЦРУ либо единолично, либо в контакте с госдепартаментом и министерством обороны. Перечень подрывных акций СНБ определял следующим образом: «пропаганда; экономическая война; превентивные прямые акции, включая саботаж, контрсаботаж, разрушение (объектов) и эвакуация (людей); подрывная деятельность против враждебных государств, включая поддержку движений сопротивления, партизан и эмигрантских освободительных групп, а также поддержку местных антикоммунистических элементов в странах свободного мира, находящихся в опасности»²⁶.

В ноябре 1948 года в очередной директиве СНБ (NSC 20/4) в применении к восточноевропейским странам говорилось: «Мы должны всеми средствами, которые исключают войну, организовывать и поддерживать постепенный уход незаконной советской власти с ее нынешних рубежей с тем, чтобы вернуть ее в традиционные границы, мы должны инициировать и поддерживать восстановление восточноевропейских стран как независимых от СССР образований»²⁷.

Кеннан рекомендовал использовать против влияния СССР в Восточной Европе не только традиционные антикоммунистические силы (вроде нацистских пособников времен Второй мировой войны), но и «титоизм».

В июне 1948 года резко осложнились советско-югославские отношения, что было для американцев подарком судьбы. Разрыв между Москвой и Белградом (самыми авторитетными тогда государствами среди социалистических и народно-демократических стран) случился отнюдь не из-за гегемонизма Сталина, как сейчас пытаются представить на Западе. Лидер Югославии Тито фактически пытался аннексировать Албанию, руководство которой обратилось к Сталину за помощью. Советский лидер безоговорочно встал на сторону албанцев и спас независимость этой страны. Этому Тито Советскому Союзу не простил и начал пропагандировать свой «национальный», «самоуправленческий» и антисоветский социализм, который в США и окрестили «титоизмом».

²⁴ Подробно историю создания органов США по подрывной войне против иностранных государств см. на сайте госдепартамента США www.history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76vol0/actionsstatement.

²⁵ www.history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76vol0/actionsstatement.

²⁶ www.history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76vol0/actionsstatement.

²⁷ Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 103.

Никакой «демократической социалистической» альтернативой СССР «титоизм», конечно же, не являлся. В Югославии начались массовые аресты и казни сторонников дружбы с Советским Союзом, для которых были даже созданы специальные концлагеря. Член Коммунистической партии Югославии (КПЮ) Предраг Милчевич писал: *«Из 285 147 членов КПЮ, имевшихся в начале 1948 года, были исключены 218379 человек, подавляющее большинство из которых вынесли всю тяжесть борьбы за свободу и социализм. Все они были репрессированы и вместе с несколькими сотнями тысяч беспартийных прошли жернова жутких концлагерей – „Голого Отока“, „Святого Гргура“, „Билеча“, „Мермера“, „Забела“, „Угљан“, „Градишка“, „Рамского Рита“, „Главнячи“ и других „святых“ мест, входивших в систему ломки человеческой психики и воли... К прославленным партизанам, как и к десяткам тысяч сербских, черногорских, хорватских, словенских, македонских коммунистов, применялись такие изощренные пытки, какие известным антисоветчикам Рыбакову, Солженицыну, Гранину, Евтушенко, Вознесенскому, М. Захарову, Аксенову, Солоухину, Сахарову, Шафаревичу и иже с ними даже в самом страшном сне не могли при-
сниться»*²⁸.

Но на репрессии в Югославии американцы предпочитали закрывать глаза, так как главным для них было побудить последовать примеру Тито другие восточноевропейские страны.

В своих воспоминаниях Кеннан так описывал стратегию США в 1948 году: «Существует возможность, что однажды русский коммунизм будет уничтожен своими собственными детьми, мятежными коммунистическими партиями сателлитов. Не могу даже представить себе более логичное и оправданное развитие, так как национализм – это идеология, существующая дольше всех прочих»²⁹.

Для реализации своей стратегии по подрыву влияния СССР в Восточной Европе американцы создали специальный орган – Офис политической координации (Office of Policy Coordination), который на первых порах именовали Офисом специальных проектов (Office of Special Projects), что было гораздо точнее. Этот штаб подрывных операций курировали одновременно ЦРУ и госдепартамент, однако фактически всем заправляла американская внешняя разведка, а именно один из руководителей ЦРУ Фрэнк Визнер. На практике Визнер подчинялся главному идеологу холодной войны Кеннану, в свою очередь, возглавлявшему также недавно созданный Штаб политического планирования (Policy Planning Staff) госдепартамента. ЦРУ должно было обеспечить людей Визнера деньгами, явками и агентами.

Фрэнк Визнер во время Второй мировой войны был резидентом Управления специальных служб (УСС) США в Румынии (он курировал из Бухареста всю Юго-Восточную Европу). Визнер (родился в 1909 году), как и Аллен Даллес, был адвокатом на службе американских корпораций Уолл-стрит, прежде чем поступил в американскую разведку во время войны. После освобождения Бухареста Красной армией в августе 1944 года Визнер активно настраивал против СССР кавалера высшего советского ордена «Победа» молодого румынского короля Михая и предавался «сладкой жизни» в реквизированном для него властями роскошном особняке пивного магната Мита Брагадиру из 30 комнат. Визнер «дружил» с женой Брагадиру, 24-летней принцессой, чьим предком был знаменитый Влад Дракула. Облик «супершпиона» удачно дополнял роскошный «кадиллак».

Однако в деле шпионажа Визнер был дилетантом. Он сообщал в центр, что завербовал агентуру в советской разведке, а на самом деле НКВД подставил ему двойного агента, и вся сеть Визнера в Румынии работала под контролем советских спецслужб³⁰.

²⁸ <http://postrana.narod.ru/revpage8.html>.

²⁹ Faure J. Americky pritel. Praha, 2005. S. 103.

³⁰ Weiner T. Legacy of Ashes. The History of the CIA. New York, 2007. P. 12.

С тех пор Визнер считал русских не просто главными идеологическими, но и личными врагами. Глава американской разведки, во время войны генерал Донован, даже вынужден был в октябре 1944 года официально предостеречь своего румынского резидента от «слов или действий», которые могли бы расцениваться как «антагонизм по отношению к России»³¹.

С марта 1945 года Визнер в Висбадене был на связи с воссозданной США нацистской разведкой – «организацией Гелена», из которой затем выкристаллизовалась разведслужба Западной Германии. Уйдя в 1946 году из распущенной Трумэном внешней разведки, Визнер вернулся к адвокатской практике, но в 1947-м снова поступил на службу в госдепартамент, где начал выискивать среди «перемещенных лиц» в лагерях на территории Германии людей, которые могли бы быть полезны для национальных интересов США.

К маю 1948 года, будучи начальником специальной рабочей группы госдепартамента «Использование беженцев из СССР в национальных интересах США», Визнер разработал предложения по задействованию «национальных антикоммунистических элементов... которые проявили выдающуюся твердость перед лицом коммунистической угрозы». В переводе с чиновничьего языка это означало начало официальной работы американских ведомств с бывшими нацистскими пособниками, вроде бандеровцев и власовцев, которым путь на родину был заказан.

Не утратив вкуса к шпионской атрибутике, Визнер назвал свой план Blood Stone («Кровавый камень») и потребовал выделить из бюджета на работу с «перемещенными лицами» 5 миллионов долларов³².

Став главой Офиса специальных проектов, Визнер первым делом взялся за операцию «Пересмешник» по продвижению в зарубежные СМИ антисоветской и прочей сфабрикованной ЦРУ информации.

ЦРУ через Офис политической координации начало активно забрасывать в СССР и Восточную Европу диверсантов (морем и с воздуха). Вооруженные группы эмигрантов, среди которых были ушедшие с немцами пособники нацистов, высаживались в Эстонии, на Украине и в Албании. Всех их ждала незавидная судьба, так как вся работа только что созданного ЦРУ плотно контролировалась Москвой через советского разведчика Кима Филби, который в 1949-1951 годах был резидентом британской разведки в Вашингтоне. Филби удобно расположился в защищенном от прослушивания кабинете в Пентагоне, по соседству с высшим органом американского военного управления – Комитетом начальников штабов (КНШ)³³.

После «пражского переворота» и всплеска антисоветских настроений в США ведомство Визнера было завалено заказами из Пентагона, которые шокировали даже склонного к авантюризму отца операции «Кровавый камень». Например, военное ведомство срочно требовало от Визнера подготовить и забросить в СССР 2 тысячи диверсантов для выведения из строя аэродромов советской бомбардировочной авиации³⁴.

При этом американская разведка и посол США в Праге Стейнхардт пытались выставить в роли будущего агрессора Москву. Например, в донесении от 16 марта 1948 года ЦРУ ссылалось на некий чехословацкий контакт Стейнхардта, который якобы слышал слова советского заместителя министра иностранных дел Готвальда о том, «что война начнется, как только улучшится погода». Утверждалось, что именно в преддверии войны «Советы» и устанавливают в Восточной Европе откровенно коммунистические режимы, как недавно

³¹ Thomas E. The Four Who Dared. New York, 1995. P. 20.

³² Thomas E. The Four Who Dared. New York, 1995. P. 25.

³³ Weiner T. Legacy of Ashes. The History of the CIA. New York, 2007. P. 53.

³⁴ Thomas E. The Four Who Dared. New York, 1995. P. 32.

это произошло в Чехословакии³⁵. При этом само же ЦРУ в своем комментарии к информации от Стейнхардта прямо писало, что не верит в готовность СССР пойти на войну против западных держав в течение ближайших месяцев.

Тем не менее ЦРУ получило от президента Трумэна прямое указание подготовить аналитический документ с прогнозом относительно войны против СССР до конца 1948 года. Вывод американской разведки, выраженный в докладе от 2 апреля 1948 года, был реалистичным: «Масса имеющихся в наличии данных и выводы из „логики ситуации“ говорят в пользу того, что СССР не прибегнет к прямой военной акции в течение 1948 года»³⁶.

Основной упор в своей подрывной деятельности против ЧСР Вашингтон сделал на чехословацкую антикоммунистическую эмиграцию. Американцы через свое посольство в Праге и агентов ЦРУ сразу после февральских событий 1948 года пытались побудить видных чехословацких политиков к эмиграции на Запад, чтобы создать там своего рода «правительство в изгнании».

7 августа 1948 года смог бежать за границу один из лидеров ЧНСП Петр Зенкл (бывший министр и мэр Праги). Не всем так везло. 20 марта того же года при попытке нелегально перейти границу органами госбезопасности был арестован бывший лидер ЧНП священник Ян Шрабек. Тем не менее вскоре на Западе оказались бывшие министры Губерт Рипка (ЧНСП), Вацлав Майер (ЧСДП), Ярослав Странский (ЧНСП). Удалось склонить к побегу и нескольких чехословацких дипломатов: кроме представителя ЧСР при ООН Папанека к ним относились чехословацкие послы в США Славик, во Франции – Носек, в Югославии – Корбел (отец будущего госсекретаря США Мадлен Олбрайт).

Рипка (женатый на француженке) тайно эмигрировал при помощи французской разведки. Сотрудник чехословацкой военной разведки Войтех Жерабек, собрав секретную информацию, сбежал в ноябре 1948 года с помощью ЦРУ³⁷. Американский посол в Праге Стейнхардт в нарушение своего дипломатического статуса предоставил территорию посольства для хранения вещей тех, кто собирался незаконно покинуть страну. Причем потом вещи были переправлены в Германию американской дипломатической почтой.

Начиная с февраля 1948 года американские оккупационные власти в Баварии имели четкий приказ максимально доброжелательно относиться к эмигрантам из Чехословакии: «Необходимо уделять особое внимание чехословацким беженцам, в гораздо большей степени, чем то принято по отношению к эмигрантам. Мы, прежде всего, имеем в виду политиков, которые вели активную борьбу против коммунистов, а также военных». Если «политиков» хотели сделать вождями античехословацкой эмиграции, то военных активно допрашивали. Кеннан так определял полезность эмигрантов для национальных интересов США: «...талантливые люди выводятся из-под контроля Советского Союза, разрушаются советские мифы (о хорошей жизни в социалистических странах – *Прим. автора.*), повышается внутреннее недоверие к советской системе, деморализуются коммунисты, а мы получаем информацию»³⁸.

Заместитель госсекретаря Дин Ачесон (вскоре сам вставший во главе американской внешней политики) лично дал указания, о чем прежде всего следовало допрашивать чехословацких эмигрантов. Американцы пытались выяснить, каким таким хитроумным способом коммунисты в ЧСР смогли легко и без насилия завоевать политическую власть в про-

³⁵ <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csipublications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-war-years/5563bod2.pdf>.

³⁶ <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csipublications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-war-years/5563bod2.pdf>.

³⁷ Faure J. Americky pritel. Praha, 2005. S. 103.

³⁸ Faure J. Americky pritel. Praha, 2005. S. 88.

западной вроде бы стране. Простое объяснение, что политику коммунистов поддерживало большинство населения, в Вашингтоне признавать отказывались.

Чехословацкие эмигранты, сами только что проигравшие коммунистам спровоцированную ими же самими борьбу за умы своих соотечественников, обычно говорили то, чего от них и желали услышать их американские «интервьюеры». Успех «пражского переворота», по версии эмигрантов, главным образом сводился к «тайной миссии» в Праге заместителя министра иностранных дел СССР и бывшего советского посла в ЧСР В. А. Зорина. Правительственный кризис февраля 1948 года, в ходе которого коммунисты и пришли к власти, а точнее, упрочили свою власть, завоеванную ими на свободных выборах весной 1946-го, был спровоцирован буржуазными министрами кабинета, как раз теми, кого США ожидали увидеть в рядах эмигрантов. Они уверяли, что все приготовления проводились в полнейшей тайне, так что об этом не знал и симпатизировавший им президент Бенеш. Откуда, в таком случае, мог знать об этом Зорин, чей визит в Прагу в феврале 1948 года был рутинным и запланированным заранее? Тем не менее с тех пор и до сего дня ничем не подтвержденная версия о «руке Зорина в пражском перевороте» гуляет по страницам западных исторических исследований.

После допросов наиболее ценных с точки зрения последующей политической игры эмигрантов американцы направляли в специальный лагерь в немецком городе Оберурзеле, недалеко от Франкфурта-на-Майне. Американцы прозвали этот «чехословацкий дом» Alaska House. До начала 50-х годов через «алайскинский дом» прошло примерно 200 чехословацких эмигрантов. Обычно после пребывания в Оберурзеле эмигранты в течение нескольких недель получали через ЦРУ въездные визы в одну из западных стран.

По иронии судьбы, ранее обосновавшиеся в США словацкие эмигранты клерикально-фашистского толка (многих из которых в ЧСР осудили как военных преступников за связь с нацистами еще до февраля 1948 года) начали активную кампанию против въезда в США чехословацких эмигрантов «новой волны», так как те активно сотрудничали в правительстве с коммунистами в 1945-1948 годах.

Менее важные чехословацкие эмигранты были обозначены как «перемещенные лица» (displaced persons, или сокращенно DP) и размещены в обычных лагерях в Западной Германии и Австрии. Их насчитывалось около десятка, и условия пребывания там были, мягко говоря, не очень хороши. До конца 1948 года в этих лагерях было зарегистрировано 8922 чехословацких «перемещенных лиц»³⁹. Начальником крупного лагеря Вегшайд под Нюрнбергом американцы назначили судетского немца, который с удовольствием издевался над чехами, выселившими его с родины. Из этого лагеря стало поступать так много жалоб, что американцам пришлось провести в июне 1950 года специальное расследование.

25 июня 1948 года конгресс США принял специальный закон, согласно которому 200 тысячам «перемещенных лиц» из Европы (среди которых было много пособников нацистов) разрешалось переехать в Соединенные Штаты. Условиями были наличие американского поручителя и эмиграция из собственной страны до 22 декабря 1945 года. Понятно, что «жертвы коммунистического переворота в Праге» под это условие не попадали. Тогда госдепартамент попросил конгрессмена от Небраски чешского происхождения Карла Стефана внести дополнения к «акту о перемещенных лицах» от 25 июня. Теперь можно было принять в США на постоянное жительство примерно 2 тысячи чехов и словаков, эмигрировавших из страны до 25 июня 1948 года. В январе 1949-го ЦРУ через конгрессмена Целлера добилось расширения списка восточноевропейских эмигрантов до 15 тысяч человек. Но в результате все дело свелось к выдаче 500 въездных виз в США, причем только гражданам

³⁹ Faure J. Americky pritel. Praha, 2005. S. 88.

ЧСР, что ясно показывает, какое значение американцы придавали организации подрывной деятельности именно против этой страны.

На январь 1950 года в США жили 530 чехословацких «перемещенных лиц», в Великобритании – 1622, во Франции – 1022, в Австралии – 4250, в Канаде – 1167⁴⁰. Многие чехи и словаки, по опыту эмиграции во время Второй мировой войны, предпочитали осесть в Париже или Лондоне, а в далекие от родины Соединенные Штаты их не очень тянуло. В Австралию перебрались в основном те, кто ушел из Чехословакии вместе с немцами до мая 1945 года.

С самого начала американцы пытались создать из эмигрантов мощный центр оппозиции властям в Праге, причем исключительно под своим контролем.

27 мая 1948 года в Лондоне состоялась встреча представителей четырех некоммунистических партий Национального фронта (ЧНСП, ЧНП, ЧСДП и словацкой Демократической партии). Примерно 30 политиков, участвовавших во встрече, решили создать единую верховную организацию чехословацкой эмиграции. 22 июля 1948 года под нажимом госдепартамента было объявлено об учреждении единой «федеративной» организации чехословацких эмигрантов в США. Причем ЦРУ стремилось к тому, чтобы центр чехословацкой эмиграции был именно в США, а не в Западной Европе. Однако 20 августа эмигранты, осевшие во Франции и в Великобритании, объявили, что выступают против перенесения центра тяжести политической работы в США. «Французские» и «британские» эмигранты объявили об учреждении Центра демократических чехов и словаков.

Американцы решили немедленно перехватить инициативу. 4 октября 1948 года в Вашингтоне состоялась тайная встреча высших чиновников госдепартамента с бывшим послом ЧСР в США Славиком и Петром Зенклом. Обоим эмигрантам была обещана щедрая финансовая помощь «из различных источников», если они смогут создать верховную организацию «чехословацкого сопротивления» именно в США. Госдепартамент с этой целью финансировал приезд в США из Европы 10-11 октября 1948 года нескольких видных эмигрантов, которым, однако так и не удалось создать нужную ЦРУ организацию к 28 октября – важному с символической точки зрения дню, годовщине провозглашения независимости Чехословакии в 1918-м.

Наконец, под давлением ЦРУ и госдепартамента представители всех чехословацких некоммунистических партий собрались в Нью-Йорке 11 февраля 1949 года (все транспортные расходы по переезду из Европы финансировал госдепартамент). В первую годовщину «пражского переворота» было объявлено о появлении на свет Совета свободной Чехословакии – долгожданного детища госдепартамента и американской разведки. Учредительную декларацию этой организации, которую почти все знали по ее английскому (Council of Free Czechoslovakia), а не чешскому названию, написал журналист Фердинанд Перутка, и она начиналась следующими словами: «Мы, демократические чехи и словаки в эмиграции учредили Совет свободной Чехословакии. Наш народ хочет быть свободным. Он не свободен. Он опять будет свободным. Родина, лишенная голоса с помощью жестоких и хитроумных средств современной террористической власти, не может говорить. Мы будем говорить за нее».

Декларацию разослали 39 странам, 21 из которых (в том числе США, Великобритания и Франция) официально приняли ее. Во главе Совета стоял орган из 12 человек, председателем которого стал специально подготовленный американцами для этой роли Петр Зенкл. Заместителем Зенкла стал бывший лидер словацкой Демократической партии Леттрих. Этим обеспечивалась «паритетность» чехов и словаков в совете, по поводу которой

⁴⁰ Faure J. Americky pritel. Praha, 2005. S. 91.

было много споров. Совет образовал региональные секции в Париже, Лондоне и Риме (для контактов с Ватиканом).

Заметим, что сформированный американцами Совет 18 декабря 1949 года выступил с требованием вернуть Чехословакии Закарпатскую Украину, отторгнутую Сталиным в 1945 году⁴¹. При этом лидеры Совета свободной Чехословакии в том же 1945 году были министрами чехословацкого правительства и голосовали за советско-чехословацкий договор о передаче Закарпатской Украины СССР.

В 1947-1949 годах ЦРУ создало в США такие же «верховные органы» эмигрантов из Албании, Болгарии, Венгрии, Польши и Румынии. Госдепартамент настоял, чтобы все эти «советы» и «комитеты» не претендовали на официальный статус правительств в изгнании. В этом случае пришлось бы прерывать дипломатические отношения со всеми упомянутыми восточноевропейскими странами, чего в Вашингтоне не хотели: посольства США за «железным занавесом» были центрами шпионажа не только против «советских сателлитов», но и против самого СССР.

Но ЦРУ и «рыцарей отбрасывания коммунизма» в американской политике такой «легаллизм» госдепартамента не устраивал. Поэтому с подачи Кеннана было решено создать координационный орган всех восточноевропейских комитетов, который формально был бы негосударственным, но на самом деле получал бы финансирование ЦРУ. Тогда госдепартамент мог бы игнорировать протесты восточноевропейских стран против поддержки властями США эмигрантских организаций, провозгласивших своей целью свержение существующих в Восточной Европе правительств любыми средствами, в том числе и насильственными.

В июне 1949 года было объявлено о появлении Национального комитета за свободную Европу (National Committee for a Free Europe). Формально это был союз частных американских граждан, созданный на деньги спонсоров-альтруистов. Но среди этих «частных граждан» фигурировали такие персоны, как Аллен Даллес (будущий глава ЦРУ), Дуайт Эйзенхауэр (будущий президент США), генералы Люциус Клей (бывший главнокомандующий американских войск в Германии, едва не спровоцировавший в 1948 году мировую войну из-за Берлина) и Уильям Донован («дикий Билл», глава предшественника ЦРУ – Управления стратегических служб, УСС).

Аналогичные «частные» комитеты были вскоре учреждены для «свободной Азии» и «порабощенных народов России»⁴². Во всех этих организациях работало много нацистских пособников, например бывших власовцев.

Национальный комитет за свободную Европу в соответствии со своими главными задачами имел три секции. Первая во главе с бывшим соратником Рузвельта Адольфом Берлем (в 1938-1944 годах помощником госсекретаря) организовала «интеллектуальную активность» против восточноевропейских стран. Задачи этой секции сводились к активному сбору информации среди эмигрантов из социалистических стран и устройству наиболее ценных из них на «интеллектуальную работу» в США.

Вторая секция комитета во главе с «желтым» профсоюзным деятелем из Американской федерации труда (АФТ) Генри Киршем должна была организовывать в США лоббистскую работу в поддержку «порабощенных Советами» европейских народов. Как еврей и «рабочий лидер» Кирш должен был создать в среде мало интересовавшейся политикой американской публики отношение к восточноевропейским эмигрантам, схожее с тем, что имелось к беженцам из нацистской Германии в годы войны.

⁴¹ Raska F. D. Opousteni bojovnici. Praha, 2009. S. 192.

⁴² С мая 1951 года – Американский комитет по освобождению народов России (American Committee for the Liberation of the Peoples of Russia), с марта 1953-го – Американский комитет по освобождению от большевизма.

Самой главной секцией комитета была третья – «отделение печати и пропаганды», которое во главе с нью-йоркским банкиром Фрэнком Альтшулем занималось подрывной пропагандистской работой против восточноевропейских стран. Именно в этой секции родилась мысль о налаживании регулярных радиопередач на языках «порабощенных народов».

Альтшуль был биржевым спекулянтом крупного масштаба, спонсором Рузвельта и заместителем председателя влиятельного Американского совета по внешней политике. Чтобы как-то противостоять антисемитизму, довольно широко распространенному тогда во внешне демократических Соединенных Штатах, еврей Альтшуль организовал брак своей сестры с Гербертом Леманом, губернатором штата Нью-Йорк (губернатором этого штата был и Франклин Рузвельт до того, как стал президентом).

Банкир имел тесные дружеские отношения как с Алленом Даллесом, так и с духовным отцом холодной войны Джорджем Кеннаном.

На момент основания на счетах Национального комитета за свободную Европу в банке «Чейз» было 40529 долларов от неизвестных спонсоров (на самом деле от ЦРУ)⁴³. Не имевший поначалу никаких сотрудников, «общественный бесприбыльный комитет» сразу снял на подставное лицо в Нью-Йорке (самом дорогом городе США) офисные помещения с огромной площадью – 4 тысячи квадратных метров (а затем и 13 тысяч). Свои заседания комитет проводил в самом известном на тот момент небоскребе Нью-Йорка – «Эмпайр Стейт Билдинг», где в 1951 году комитет арендовал уже 32 тысячи квадратных футов офисных помещений. На «общественный» комитет тогда работали уже более 2000 человек.

Первым президентом комитета был избран Аллен Даллес. Поступив на дипломатическую службу США в 1916 году, направленный в американское посольство в Швейцарии, Даллес отказал в выдаче въездной визы в США одному из русских эмигрантов, живших тогда в этой нейтральной стране, – Владимиру Ильичу Ульянову.

В 1945 году, став резидентом УСС в Берне, Даллес пытался в нарушение союзнических договоренностей между Рузвельтом и Сталиным добиться сепаратной капитуляции немецких войск на Западе. Его тайные переговоры с представителем Гимmlера генералом СС Карлом Вольфом, а затем и с командованием немецкой армии в Италии получили наименование «операция „Восход“». Именно этот реальный сюжет и стал основой известного советского фильма «Семнадцать мгновений весны». Как и показано в фильме, Сталин, узнав по каналам советской разведки о переговорах за своей спиной, написал личное послание Рузвельту (которого Даллес тоже не потрудился проинформировать о своих контактах с руководством СС). Возмущенный самоуправством Даллеса Рузвельт дал команду немедленно прекратить все сепаратные переговоры с немцами.

С тех пор Аллен Даллес ненавидел Рузвельта и недолюбливал его преемника Трумэна. Братья Даллесы (Аллен и Джон Фостер) активно помогали кандидату в президенты от Республиканской партии на выборах 1948 года Дьюи. Последний обещал сделать Аллена Даллеса руководителем всех американских разведывательных служб⁴⁴, однако президентом в 1948 году был избран демократ Трумэн.

После окончания Второй мировой войны Аллен Даллес стал руководителем УСС в Германии, где спас от суда много бывших нацистов и фактически воссоздал германскую разведку в виде «организации Гелена». Генерал-майор вермахта Райнхард Гелен в годы войны возглавлял секцию генерального штаба гитлеровской армии по сбору разведывательной информации об «армиях Востока», прежде всего о Красной армии. Все свои материалы Гелен в обмен на свободу от уголовного преследования предоставил в распоряжение Даллеса.

⁴³ http://is.muni.cz/th/11192/ff_d/dizertace_palecek_bez_priloh_final_version_IS_MUNI.txt.

⁴⁴ Mosley L. Dulles. New York, 1978. P. 222–223.

Собственно, Даллес был в то время отнюдь не оригинален в своих симпатиях к бывшим нацистам. Считающийся самым успешным американским генералом военного времени в Европе Паттон уже осенью 1945 года предложил вооружить несколько дивизий СС и изъявил готовность лично «повести их против красных»⁴⁵. Когда Паттона попытались призвать к «политкорректности» по отношению к советским союзникам, тот безапелляционно ответил: «И чего вы беспокоитесь по поводу этих чертовых большевиков? Нам все равно придется воевать против них рано или поздно. Почему бы и не сейчас, когда наша армия находится в боевой готовности, и мы можем отбросить Красную армию назад в Россию? Мы можем сделать это с моими немцами... Они ненавидят этих красных ублюдков».

Правой рукой Даллеса в Берлине был уже упоминавшийся выше Визнер.

Даллес пытался противостоять росту симпатий к СССР в Европе более элегантно. Еще со времен работы в Швейцарии он пытался, и не без успеха, наладить контакты с левыми европейскими политиками и интеллектуалами. Даллес правильно рассудил, что успехи Советского Союза и европейских коммунистических партий в борьбе против нацистов приведут к бурному росту левых настроений в послевоенном мире. Следовательно, надо было возвращать левых, дружественно настроенных по отношению к США, чтобы попытаться использовать их в решающий момент против Советского Союза под лозунгами борьбы за «национальный коммунизм».

Именно Даллес, еще работая в Берне, убедил правительство США прекратить поддержку антикоммунистического движения четников Михайловича в Югославии и начать помогать партизанам-коммунистам во главе с Тито. Тем самым были посеяны семена советско-югославского конфликта, успешно взошедшие в 1948 году.

Даллес доставил в Германию видных социал-демократических немецких политиков-эмигрантов Хегнера и Олленхауэра, которые со временем возглавили Социал-демократическую партию Германии (СДПГ) и перевели ее на антисоветские позиции.

Пребывание Даллеса на посту резидента УСС в Берлине сопровождалось громким скандалом: его сотрудники были изобличены в спекуляции, незаконно присвоив огромную по тем временам сумму – миллион долларов в валюте (швейцарские франки), золоте, картинах и т. д.

К 1949 году Даллес формально не занимал никакого поста в только что созданной по его инициативе американской внешней разведке – Центральном разведывательном управлении (ЦРУ). Трумэн неохотно пошел на создание ЦРУ в 1947-м, опасаясь, что этот монстр с тайными задачами может со временем превратиться в «американское гестапо». Однако первый директор ЦРУ адмирал Хилленкоттер, полный дилетант в мире «рыцарей плаща и кинжала», привлек Даллеса в качестве своего ближайшего советника. Архитектор операции «Восход» активно продвигал на руководящие посты в разведке преданных себе людей из бывшего УСС, вроде Визнера. Сам Визнер не без злорадства описывал ЦРУ при Хилленкоттере как «сборище старых прачек, обменивающихся сплетнями во время стирки грязного белья»⁴⁶.

В 1949 году у Офиса политической координации Визнера было уже пять резидентур, 302 агента и годовой бюджет 4,7 миллиона долларов. К 1952 году резидентур было уже 47, штатных сотрудников – 2812 (плюс еще 3142 «работавших по договору»), а бюджет составил 84 миллиона долларов. По всем мало-мальски важным вопросам Визнер всегда советовался со своим бывшим шефом Алленом Даллесом. К тому же Трумэн назначил Даллеса в непартийную комиссию экспертов, которая должна была выработать предложения по совер-

⁴⁵ Mosley L. Dulles. New York, 1978. P. 227.

⁴⁶ Mosley L. Dulles. New York, 1978. P. 243.

шенствованию структуры американской внешней разведки. Теперь Аллен Даллес уже официально имел доступ ко всем документам ЦРУ.

После «пражского переворота» и разразившейся после него в США кампании разжигания слухов о «неизбежности войны с СССР» Даллеса стали хвалить за операцию «Восход» как человека, первым разглядевшего опасную сторону мирового коммунизма.

Однако, несмотря на все усилия США, сдержать победную поступь этого самого коммунизма в мире не удавалось. 1 октября 1949 года китайские коммунисты одержали окончательную победу в гражданской войне против проамериканского правительства Чан Кайши и провозгласили Китайскую Народную Республику (КНР). Для американского общественного мнения, основательно запуганного военной истерией, это был настоящий шок. Именно тогда взойшла политическая звезда сенатора от Висконсина Джозефа Маккарти, который объяснил «сдачу Китая» проникновением коммунистов во все звенья американского государственного механизма. В Америке расцвела «охота на ведьм», которую с энтузиазмом вел образованный конгрессом Комитет по расследованию антиамериканской деятельности, где и блистал своими разоблачениями Маккарти. Большое количество коммунистов было обнаружено в Голливуде, но особенно много их оказалось, естественно, в госдепартаменте, «сдавшем» Китай. Главным борцом против «коммунистической инфильтрации в американский кинематограф» был в то время не слишком популярный актер ковбойских вестернов Рональд Рейган.

Чуть раньше, в августе 1949 года Вашингтон был потрясен известием об успешном испытании Советским Союзом атомной бомбы. Аналитики ЦРУ думали, что это произойдет не ранее середины 50-х годов. Шок стал еще более мощным, когда выяснилось, что, пока Маккарти искал коммунистов в Голливуде, советские агенты и их единомышленники-коммунисты активно передавали СССР информацию об американском атомном оружии прямо из сверхсекретной лаборатории в Лос-Аламосе.

Под влиянием «китайского» и «атомного» шока Совет национальной безопасности (СНБ) США решил осенью 1949 года пересмотреть стратегию «сдерживания». В январе 1950 года Кеннана на посту главного стратега холодной войны в госдепартаменте сменил его заместитель Пол Нитце. Нитце (родился в 1904 году в семье немецкого происхождения) работал в 30-е годы в банковском секторе. В 1940 году он перешел на госслужбу и трудился экспертом по экономическим вопросам в Управлении по экономической войне (Board of Economic Warfare), отвечавшем за борьбу против Германии и Японии в экономической области. В 1944 году Нитце стал заместителем председателя межведомственной комиссии по оценке экономического эффекта от стратегических бомбардировок Германии и Японии, а с 1946 года вновь занимался в госдепартаменте экономическими проблемами в Управлении по международной торговой политике (Office of International Trade Policy) и Офисе по экономическим вопросам (Office of Economic Affairs).

Нитце считал политику сдерживания духовного отца «холодной войны» Кеннана слишком мягкой. Кеннан мыслил еще в духе классической дипломатии XIX века и привычно делил весь мир на важные районы и периферию (с точки зрения национальных интересов США). Именно в важных районах, а к таковым Кеннан относил Латинскую Америку и Западную Европу, надо было сдерживать мировой коммунизм. На «периферию» же времени и сил тратить не следовало. В 1949 году Кеннана, считавшего «периферией» и Китай, сделали одним из «козлов отпущения» за «сдачу миллиарда китайцев красным».

Новая стратегия США, разработанная под руководством Нитце и отраженная в директиве СНБ NSC 68, считала необходимым вести активную борьбу против мирового коммунизма по всему миру. Разработчики директивы на основании явно ложных данных ЦРУ пришли к выводу, что СССР начнет войну за мировое господство к 1954 году, а США пока не могут в военном отношении эффективно противостоять подавляющему советскому превос-

ходству. Авторы директивы ничуть не смущало, что «агрессивный» СССР только что потерял 40 % своего национального богатства и 27 миллионов человек в войне.

Если Кеннан реалистично считал, что главной угрозой для США были их внутренние проблемы (дефицит бюджета, расовая сегрегация и т. д.), то директива NSC 68 впервые провозгласила главной угрозой для самого существования Соединенных Штатов Советский Союз.

Казалось, что верность выводов авторов новой директивы о борьбе против СССР по всем азимутам подтвердила вспыхнувшая в июне 1950 года война на корейском полуострове. «Сдавать» подконтрольную Южную Корею американцы не захотели и начали военную интервенцию для спасения ненавидимого большинством населения юга Кореи режима Ли Сын Мана. О характере этого режима свидетельствует хотя бы тот факт, что американский посол с ужасом обнаружил на письменном столе министра образования Южной Кореи бюст Гитлера, а вся оснащенная американцами южнокорейская полиция состояла из тех, кто верой и правдой служил японским оккупантам в годы войны. Неудивительно, что северо-корейскую народную армию, офицерский состав которой состоял как раз из бывших партизан, боровшихся против японцев, радостно встречали во всех южнокорейских городах. Армия Южной Кореи разбежалась, и войска КНДР практически без боя заняли почти всю страну. Только город Пусан и его окрестности смогли отстоять срочно переброшенные из Японии американские войска, не допустив тем самым объединения страны.

Но в Вашингтоне, как и в случае с Чехословакией в феврале 1948 года, не допускали мысли о том, что успехи коммунистов могут быть вызваны поддержкой большинства населения. Основной причиной поражения в Корейской войне считалось вмешательство Сталина и Советского Союза.

Национальный комитет за свободную Европу ответил на «агрессию коммунистов в Корею» креативной пропагандистской кампанией «Крестовый поход за свободу». «Поход», начатый в сентябре 1950 года, был использован для сбора «частных пожертвований» на радиостанцию «Свободная Европа». Во главе новоявленных «крестоносцев» стоял бывший главнокомандующий американских оккупационных войск в Германии Клей, который, как уже упоминалось, едва не начал мировую войну вокруг Берлина в 1948 году⁴⁷. Естественно, среди организаторов «крестового похода» был и Аллен Даллес, а также будущий президент США Эйзенхауэр. Последний в своей речи от 4 сентября 1950 года (с которой и начался «крестовый поход») обвинил СССР в стремлении к мировому господству, полному «уничтожению человеческой свободы» и попытках ослабить США с помощью «дьявольской клеветы».

Помимо Национального комитета за свободную Европу фонд Рокфеллера образовал еще и Комитет по существующей угрозе (Committee on Present Danger), распространявший в СМИ США и всего «свободного мира» разного рода антисоветские страшилки. На самом деле фонд Рокфеллера был здесь подставной организацией – оба комитета финансировало ЦРУ.

«Крестовый поход за свободу» поразил американцев размахом своей деятельности, за которой тоже стояли отнюдь не бескорыстные спонсоры-альтруисты, а все то же ЦРУ. Например, в 1950 году было организовано пышное турне по США – «Колокола свободы» (Freedom Train Tour). Под звон колокола подписывались петиции за «свободу Европы». 24 октября 1950 года генерал Клей во время массового митинга торжественно водрузил колокол на ратуше Западного Берлина.

В «крестовом походе» активно участвовали религиозные американские организации различного рода, стремившиеся представить СССР фермерам-баптистам или мормонам из глубинки земным воплощением антихриста. Национальный комитет за свободную Европу

⁴⁷ Faure J. Americky pritel. Praha, 2005. S. 119.

немедленно издал пропагандистскую брошюру на английском языке под характерным названием «Разгром церкви коммунистами в Восточной Европе» (Communist Crush Churches in Eastern Europe).

И в деятельности Национального комитета за свободную Европу, и в «Крестовом походе за свободу» особое внимание американцы уделяли Чехословакии.

Проблема с этой страной была в том, что никакого массового «народного» сопротивления коммунистам после «пражского переворота» там не наблюдалось. Не было и признаков массового «коммунистического террора». Правительство ЧСР стремилось активно развивать культурные и экономические отношения с США, Чехословакию без проблем посещали западные туристы. В июле 1949 года известный американский журналист и директор «Нью-Йорк Таймс» Сайрус Сульцбергер заявил после своего возвращения из Праги: «Я все время забывал, что нахожусь в коммунистической стране».

Сразу же после событий февраля 1948 года ЦРУ в своем анализе от 27 февраля 1948 года прямо признало, что в Чехословакии «большинство населения поддерживало некоторые стороны политики коммунистов в экономической сфере, и все партии были готовы следовать за СССР во внешней политике»⁴⁸.

Поэтому главной задачей ЦРУ, офиса Визнера и Национального комитета за свободную Европу было спровоцировать правительство ЧСР на жесткие меры внутри страны, чтобы лишить коммунистов опоры среди населения и подорвать культурные и экономические связи между Прагой и западным миром.

Бюллетень государственной американской Информационной службы (ЮСИС), распространявшийся в Праге, стал активно критиковать власти страны, и в 1950 году эти бюллетени изымались из обращения в Чехословакии 35 раз⁴⁹. В феврале 1949 года чехословацкие власти заявили о своем праве ограничивать или запрещать выдачу некоторых книг и журналов населению из пражской библиотеки ЮСИС. Тем не менее, библиотека работала, и американцы регулярно устраивали прямо в центре Праги фотовыставки, посвященные жизни в США. В марте 1949 года министерство информации ЧСР разрешило распространение 6 тысяч экземпляров журнала «Америка».

Радиостанцию «Голос Америки» в Чехословакии стали глушить начиная с августа 1949 года, когда на ее волнах стал активно работать Национальный комитет за свободную Европу.

В сфере экономических отношений с США правительство Готвальда в 1948-1949 годах старалось избегать любых осложнений. Например, предприятие американской компании IBM, работавшее в Чехословакии с 1927 года, было изъято из программы национализации. 29 октября 1948 года было подписано специальное соглашение между IBM и чехословацким министерством промышленности, закрепившее права собственности американских владельцев фирмы.

Готвальд предложил, наконец, решить и проблему компенсации за национализированное в 1945-1947 годах имущество американских компаний в ЧСР. Переговоры на этот счет шли с осени 1945 года, но никакого результата не приносили, так как американцы требовали компенсации в долларах, а в Чехословакии было мало запасов конвертируемой валюты.

После «пражского переворота» кабинет Готвальда предложил заплатить в порядке компенсации 25 миллионов долларов в обмен на американский кредит в 105 миллионов долларов⁵⁰. Ранее США обещали ЧСР кредит в 250-300 миллионов долларов, но отказались выделить его по политическим мотивам еще в конце 1946 года.

⁴⁸ <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-war-years/5563bod2.pdf>.

⁴⁹ Faure J. Americky pritel. Praha, 2005. S. 98.

⁵⁰ Fame J. Americky pritel. Praha, 2005. S. 97.

В 1949 году ЦК КПЧ принял специальную программу под наименованием «Наступление чехословацкого экспорта в Соединенные Штаты». В ней, например, содержалось положение о штрафовании чехословацких предприятий, поставлявших в США продукцию недостаточно высокого качества. Предполагалось также создать в торговых училищах специальные курсы по торговле с США и организовать в Америке выставки чехословацких товаров.

Вступив в 1949 году в основанный странами народной демократии и СССР экономический блок – Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), Чехословакия, тем не менее, в отличие от СССР, продолжала оставаться как членом ГАТТ, так и МВФ.

Довольно позитивный имидж Чехословакии в Америке объяснялся еще и тем, что влиятельное еврейское лобби в США было искренне благодарно Праге за поддержку Израиля в первой арабо-израильской войне 1948-1949 годов. Именно современное оружие из Чехословакии обеспечило техническое превосходство еврейского государства над своими арабскими противниками и тем самым фактически спасло Израиль от полного уничтожения.

Все эти жесты доброй воли со стороны Чехословакии наталкивались на всякого рода преграды и препоны со стороны американских властей.

В марте 1948 года под всплеск информационной кампании, посвященной «пражскому перевороту», конгресс США принял дополнение к закону о помощи иностранным государствам (Foreign Assistance Act). Теперь под предлогом «угрозы национальной безопасности США» можно было запрещать импорт в Соединенные Штаты любых товаров из восточно-европейских стран.

В 1949 году был принят специальный закон о контроле над экспортом (Export Control Act), запрещавший уже любой американский экспорт в «страны советского блока», если он угрожал все тем же четко не определенным национальным интересам США. Например, были полностью запрещены поставки нефти и нефтепродуктов (в СССР «большая нефть» в Западной Сибири стала добываться и экспортироваться только после 1964 года).

Правда, в госдепартаменте очень скоро осознали, что этот закон приносил вред и США. Чехословакия и другие восточноевропейские страны стали покупать продукцию в других западных странах, от чего страдали прибыли американских компаний. Поэтому госдепартамент то и дело «в виде исключения» разрешал поставки товаров, запрещенных законом о контроле над экспортом.

Например, в октябре 1948 года американской компании «Экссон» разрешили продать в ЧСР 100 тысяч тонн сырой нефти, что составляло четверть годовой потребности Чехословакии⁵¹. В противном случае нефть были готовы поставить англичане.

В январе 1949 года госдепартамент дал американской фирме «Клейтон и Ко» согласие на начало переговоров о продаже Чехословакии хлопка на 4-5 миллионов долларов (ЧСР была давним и надежным покупателем американского хлопка). В декабре 1949 года американское внешнеполитическое ведомство заявило, что не возражает против выделения Всемирным банком кредита ЧСР на развитие производства строительной древесины. Дело в том, что в то время в Западной Европе ощущался большой дефицит этого материала, и все страны были заинтересованы в наращивании чехословацких поставок.

Чехословакия подписала уже в конце марта 1948 года новые торговые соглашения с Данией и Норвегией, а также дополнительное торговое соглашение со Швейцарией. В мае 1948 года был подписан аналогичный чехословацко-французский документ. Таким образом, попытки США изолировать Чехословакию провалились.

В марте 1948 года вся чехословацкая внешняя торговля была национализирована.

⁵¹ Faure J. Americky pritel. Praha, 2005. S. 98.

Однако принципиальная линия США в отношении «коммунистического режима в Праге» была жесткой и недвусмысленной. Из-за упомянутых американских торговых ограничений торговля между США и ЧСР в 1949 году сократилась по сравнению с 1948-м наполовину. Американцы отказывались поставлять даже уже оплаченные чехословацкой стороной товары, каковых в США на сентябрь 1951 года находилось на 27 миллионов долларов⁵².

Нормальные связи Запада с «коммунистической» Чехословакией были абсолютно неприемлемы для Даллеса и Визнера. Необходимо было любой ценой организовать в ЧСР антигосударственное оппозиционное движение, чтобы спровоцировать чехословацкие власти на жесткие ответные меры. А таковые, в свою очередь, позволили бы сформировать для ЧСР имидж полицейского тоталитарного государства, попирающего все права человека.

В июле 1948 года очередной разрешенный властями парад военно-спортивной организации «Сокол» (по случаю ее IX общегосударственного слета), всегда отличавшейся воинственным антикоммунизмом, с помощью американского посольства в Праге попытались превратить в массовую оппозиционную демонстрацию. Неожиданно в руках примерно 4000 членов «Сокола», пришедших на пражский парад, появились флаги США, Великобритании и, что особенно поразительно, Югославии.

До разрыва между Москвой и Белградом в июне 1948 года именно коммунисты в ЧСР были сторонниками всяческого развития отношений с «братской славянской Югославией», в то время как некоммунистические партии Национального фронта до февраля 1948-го обильно поливали грязью в своих СМИ «титовский диктаторский режим». Югославское посольство даже официально протестовало против клеветы о «бедственном положении чехов и словаков в Югославии», которую распространял официальный орган ЧНСП газета «Свободне слово».

После июня 1948 года антикоммунисты в ЧСР вдруг превратились в горячих сторонников «порвавшего со сталинизмом Тито». Здесь чувствовалась рука Даллеса, давно пытавшегося использовать против Москвы «национальный коммунизм» в других странах.

Следует отметить, что ЧСР на первых порах после разрыва между Сталиным и Тито продолжала развивать с Белградом нормальные экономические отношения.

Во время демонстрации «Сокола» 6 июля 1948 года в Праге раздавались здравицы в честь Бенеша и Тито. Многие «соколы» в ходе шествия демонстративно отвернулись от трибуны, с которой их приветствовал новый президент ЧСР Готвальд. В лицо президенту неслись лозунги типа «Вы убили нашего Масарика, Бенеша мы убить не дадим!», «Пусть слышит весь мир – Бенеш должен вернуться в (Пражский) Град!»⁵³. Были планы направить манифестантов на штурм резиденции президента – Пражского Града, – о чем знала чехословацкая госбезопасность. Среди манифестантов было много бывших офицеров и унтер-офицеров. Однако в последний момент организаторы слета труслили и дали отбой.

К огорчению американцев, никаких массовых репрессий против «Сокола» не последовало. Были задержаны около 200 человек, которых быстро отпустили. На заседании руководства КПЧ 19 июля 1948 года главный идеолог коммунистов Копецкий предложил разгромить «Сокол» и показать «провокаторам твердую руку». Готвальд высказался в том смысле, что «пусть „Сокол“ лучше вообще не функционирует, чем функционирует против нас». Но пока ограничились тем, что решили начать против «Сокола» массовую кампанию в печати.

Новая провокация «спортсменов» последовала 8 сентября 1948 года, когда десятки тысяч людей хоронили скончавшегося от болезни бывшего президента Бенеша. Эту манифестацию руководители «Сокола» по согласованию с американским посольством тоже пытались превратить в массовые столкновения с правоохранительными органами.

⁵² Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil V. Praha, 1989. S. 278.

⁵³ <http://www.czsk.net/svet/clanky/publicistika/spartakada.html>.

На заседании Президиума ЦК КПЧ 9 сентября 1948 года генеральный секретарь партии Рудольф Сланский (второй человек в КПЧ после Готвальда) заявил: «...Реакционеры хотели использовать похороны как предлог для провокаций в широком масштабе, чтобы достичь того, чего не сумели добиться в феврале (1948 года). Похороны превратились в антиправительственную демонстрацию. Она охватила примерно 100 тысяч человек; несмотря на опубликованные предупреждения, в Прагу прибыло большое число людей. Мы правильно охарактеризовали это дело как попытку путча. Это именно то, во что должны были превратиться похороны. Реакционеры хотели добиться господства на улицах. Были изданы листовки, призывающие людей к открытой борьбе, к занятию министерств, железнодорожных станций, почтовых учреждений и т. п.»⁵⁴.

На сей раз власти кампанией в прессе уже не ограничились. До ноября 1948 года из «Сокола» было исключено более 11 тысяч членов, а 15 тысяч лишили их постов в организации. Теперь «Сокол» был надежным членом Национального фронта.

Логично, что союзником американцев в борьбе против «коммунистического режима», именовавшейся в США, как уже упоминалось, «крестовым походом за свободу», стала католическая церковь Чехословакии.

Авторитет церкви в этой стране был наиболее слабым из всех восточноевропейских стран, что объяснялось историческими условиями. Католическая церковь до 1918 года была верным проводником политики австрийских Габсбургов в чешских землях, поэтому к ней прохладно относились не только коммунисты. Национальные социалисты и Бенеш занимали гораздо более враждебные по отношению к католической церкви позиции, чем КПЧ. Тем более что Бенеш справедливо винил католическую церковь в организации сепаратистского мятежа в Словакии в марте 1939 года, явившегося для Гитлера предлогом для оккупации Чехии и Моравии. В годы Второй мировой войны католическая церковь Словакии активно поддерживала правящий фашистский режим, который даже называли клеро-фашистским, а после войны выступала в защиту осужденных чехословацкими судами словацких сепаратистов и военных преступников.

После войны католическая церковь имела наиболее сильные позиции среди словацкого крестьянства и сельского населения Моравии. В крупных чешских городах и промышленных районах ее авторитет уже давно был минимальным. Среди партий Национального фронта до февраля 1948 года на католический клир опирались Народная партия и словацкая Демократическая партия.

Понимая свое ограниченное влияние на население и весьма непростую историю отношений с независимым чехословацким государством, католическая церковь не вмешалась во внутривнутриполитический конфликт в феврале 1948 года, тем более что коммунисты после 1945-го старались проводить по отношению к церкви в чешских землях уважительную политику.

Фактически глава чешских католиков, пражский архиепископ Йозеф Беран⁵⁵, которого коммунисты уважали за то, что он сидел при нацистах в концлагере, отслужил в честь нового президента ЧСР и лидера компартии Клемента Готвальда торжественную мессу 14 июня 1948 года⁵⁶. Однако уже через четыре дня церковные иерархи фактически объявили новому режиму войну, освободив от всех церковных должностей всех священников, которые стали депутатами Национального собрания или вошли в правительство Запотоцкого.

⁵⁴ *Стивен С.* Операция «Раскол». М., 2003. С. 266–267.

⁵⁵ Родился в 1888 году в семье школьного учителя в Пльзени. После окончания семинарии учился в католическом университете Ватикана. Принял сан в июне 1911 года. До 1932 года служил в своем родном городе, а затем переехал в Прагу, где в числе прочего преподавал теологию в Карловом университете. Был арестован гестапо 6 июня 1940 года и отправлен в концлагерь Дахау. 4 ноября 1946 года был назначен архиепископом Праги и примасом чехословацкой католической церкви.

⁵⁶ *Hoensch J.* Geschichte der Tschechoslowakischen Republik 1918 bis 1965. Stuttgart, 1966. S. 153.

При этом ранее церковь не имела ничего против того, что католический священник, лидер народной партии Шпрамек был при Бенеше членом кабинета министров. А вот нового лидера ЧНП священника Йозефа Плойгара (министра здравоохранения) епископат обвинил в излишней мирской активности. Досталось от католического клира и двум членам словацкого автономного правительства – Корпуса уполномоченных – священникам Гораку и Лукачовичу.

Еще раньше во время парламентской предвыборной кампании церковь публично выступила против единого списка кандидатов от партий Национального фронта, что было явным нарушением принципа отделения церкви от государства.

Чешский католический епископат чувствовал за спиной поддержку Ватикана – папа Пий XII выступил 30 июня 1948 года с резкой критикой мирового коммунизма. В это же время Ватикан тайно переправлял в католическую Испанию диктатора Франко, а в Латинскую Америку – немецких, хорватских и словацких нацистских преступников, снабженных свежими ватиканскими паспортами.

Правительство Запотоцкого отреагировало на открытую враждебность церкви требованием отправить в отставку четырех епископов. Остальные должны были подписать документ о лояльности властям (требование, обычное и для довоенной Чехословакии). В октябре 1948 года эти требования были отвергнуты верхушкой католической церкви, а в марте 1949-го епископат вообще прервал все переговоры с правительством. По странному стечению обстоятельств, этот демарш совпал с учреждением в США Совета свободной Чехословакии.

Архиепископ Беран 15 июня 1949 года обратился к населению с пастырским посланием, в котором подтвердил свою бескомпромиссную позицию. Он назвал клятву лояльности по отношению к новому правительству «предательством христианской веры».

Коммунисты отреагировали на жесткую линию Берана не менее жестко. Самого архиепископа отправили под домашний арест, а в пику официальной католической церкви при поддержке властей была создана «обновленная церковь» – движение «Католическое действие» под руководством уже упоминавшегося Йозефа Плойгара. В учредительном заседании приняли участие 70 священнослужителей, а около 2000 выразили свою поддержку.

В ответ епископат отлучил всех участников «Католического действия» от церкви, однако соответствующие декреты от 28 июня и 13 июля 1949 года были объявлены властями недействительными. 19 июня члены Народной милиции попытались помешать службе Берана в главном пражском соборе Святого Вита.

Опять-таки по странному стечению обстоятельств, всплеск конфронтации чешских епископов с государством совпал по времени с учреждением в США Национального комитета за свободную Европу.

Чтобы не провоцировать дальнейшее отлучение от церкви священников, поддержавших «Католическое действие», руководство организацией передали в руки мирян. Ее председателем стал муж известной чешской писательницы Марии Пуймановой Фердинанд Пуйман (талантливый оперный режиссер, по образованию инженер-строитель). При этом среди участников «Католического действия» имелось много коммунистов, так как в то время верующие члены КПЧ (особенно в Моравии) были отнюдь не редкостью.

Помимо чешского епископата в борьбу против «еретиков» из «Католического действия» включился Ватикан, который 20 июня 1949 года отлучил всех его членов от церкви. Отношение к «Католическому действию» грозило и расколом только что обновленной Чешской народной партии во главе с Плойгаром, что было невыгодно коммунистам.

14 октября 1949 года в ЧСР был принят новый закон о церкви, согласно которому к государству перешло все церковное имущество, а для управления церковными вопросами создавался специальный государственный орган. Государство взяло на себя финансирование всех священников и их приходов, что обошлось в 2 миллиарда крон в год. В обмен на это

все священники должны были заявить о полной лояльности государству. Несмотря на призывы епископата не подчиняться новому закону, 98 % рядовых священников, финансовое положение которых сильно улучшилось (ранее именно епископам шли основные средства, собранные с верующих), к 22 января 1950 года принесли клятву лояльности. В ответ на это весной 1950 года было тихо распушено «Католическое действие».

После провокаций «Сокола» на похоронах Бенеша и антигосударственной деятельности церкви правительство ЧСР, к радости Даллеса, решило несколько «закрутить гайки» в стране. 6 октября 1948 года был принят закон № 231 об охране народно-демократической республики, регламентировавший борьбу с политическими преступлениями и антигосударственной деятельностью. Такие законы существовали и во многих западных государствах, и в самой Чехословакии до войны. Новизной закона 1948 года было то, что отныне незаконная эмиграция из страны считалась преступлением против государства. К тому же для рассмотрения дел по закону № 231 учреждался специальный суд.

25 октября 1948 года был издан также закон № 247/48, предусматривавший создание лагерей принудительного труда. Через эти лагеря, существовавшие до 1954 года, по некоторым оценкам, прошло до 20 тысяч человек (хотя есть и другие данные). Лагеря организовывали в тех районах страны, где ощущался недостаток рабочей силы. Существовали отдельные лагеря для политических преступников, уголовников, молодежи и женщин. В лагеря отправляли даже тех, кто не совершил конкретного преступления. Достаточно было слушать западные радиоголоса или иметь родственников в капиталистических странах. В эти же лагеря попадали проститутки и спекулянты. Нахождение в лагере не считалось отбыванием тюремного срока – наоборот, это было своего рода превентивное наказание, избавлявшее «заблудшего» от реальной судимости.

В лагерь по решению местного национального комитета (специальной комиссии комитета из трех человек – «тройки») могли отправить любого гражданина ЧСР в возрасте от 18 до 60 лет на срок от трех месяцев до двух лет. Только в 1949 году комиссии отправили в лагерь 9061 человека. Комиссия могла и не согласиться с предложением об отправке того или иного гражданина в лагерь. С декабря 1948 по август 1950 года комиссии рассмотрели 31 тысячу предложений и одобрили отправку в лагерь 16691 человека.

Смысл лагерей был в «политической перековке» противников нового строя трудом. Направленные в лагеря люди работали на обычных заводах и получали такую же заработную плату, как и нормальные рабочие. В законе содержалось предписание, чтобы родственники направленных в лагеря людей, особенно дети, не страдали. С 1951 года находившиеся ранее в ведении МВД лагеря перешли под контроль министерства юстиции. В лагерях не было даже постоянной охраны. Лишь время от времени их патрулировали сотрудники госбезопасности, которых в 1949 году на все лагеря было 297 человек. Причем на рабочем месте охраны не было вообще. Неудивительно, что в 1949 году попыталось бежать около 900 заключенных⁵⁷ (10 % от всех, кто находился в лагерях). Примечательно, что десятки беглецов возвращались назад добровольно. Если человек тяжело заболел, его обычно отпускали из лагеря домой (например, в 1950 году таких случаев отмечено 617).

Лагеря были самокупаемыми – их обитатели платили за кров, одежду, еду и иные услуги. В 1949 году лагеря получили от своих заключенных 77 миллионов крон, а истратили на их содержание 66,4 миллиона.

Пять лагерей находилось в районе урановых рудников Яхимова (через них прошло около 5 тысяч человек). Уран поставлялся в основном для ядерной программы СССР (всего 98 тысяч тонн урановой руды). До 1949 года на урановых рудниках работали в основном судетские немцы и присланные из СССР немецкие военнопленные.

⁵⁷ Термин «заключенный» к тем, кто был в лагерях, официально не применялся – их именовали «воспитанниками».

Судебные процессы врагов нового строя начались еще до принятия закона об охране республики, ранней осенью 1948 года.

Например, 7 сентября 1948 года верховный военный суд в Праге осудил на пять лет за злоупотребление служебным положением и за военную измену бригадного генерала Йозефа Бартика. Бартик возглавлял после 1945 года военную разведку (управление Z) и пользовался личным доверием президента Бенеша. Генерал следил за тем, чтобы среди 180 сотрудников его управления коммунистов и сочувствующих было как можно меньше. Естественно, со стороны КПЧ Бартик никакими симпатиями не пользовался. Сотрудники МВД (где коммунисты и до февраля 1948 года имели преобладающие позиции) выдвинули против генерала обвинение, что бывший сотрудник гестапо Йозеф Вондрачек передавал ему конфиденциальную информацию, в том числе о ведущих деятелях компартии. Эту информацию Бартик, по данным МВД, без санкции министра обороны Свободы и политического руководства страны переправлял английской разведке. Бартик потерял пост начальника разведки еще в январе 1946 года, а 8 марта 1948-го был арестован⁵⁸.

11 сентября 1948 года тот же верховный военный суд вынес приговоры группе офицеров чехословацкой армии. Штабс-капитан Немечек и капитан Тайхман получил по восемь лет за подготовку путча против республики, а дивизионный генерал Жак отделался годом заключения за подготовку измены родине.

Однако эти процессы были отнюдь не массовыми репрессиями, на которые рассчитывал Даллес, а скорее частью начавшейся после февраля 1948 года коренной чистки чехословацкой армии от прозападных элементов и сторонников Бенеша.

Если органы МВД и госбезопасность до февраля 1948-го комплектовались в основном кадрами из борцов движения Соппротивления (а там большинство были коммунистами), то среди среднего и высшего офицерства новой армии после 1945 года преобладали те, кто находился во время войны в рядах чехословацких частей в Англии. Для коммунистов это было неприемлемо, так как воевали в годы войны в основном не «западные» чехи и словаки, а сформированный в СССР чехословацкий армейский корпус генерала Свободы. Но именно офицеров из этого корпуса (освобождавшего, например, Киев) обходили назначениями после 1945 года. Ведь документы о присвоении высших званий подписывал лично Бенеш как верховный главнокомандующий.

После февраля 1948 года победившие коммунисты, наоборот, стали очищать армию от прозападного офицерства и личных друзей Бенеша.

В целом февральские события не вызвали в рядах армии серьезных волнений. Однако некоторые офицеры приступили к созданию подпольных групп, готовивших свержение нового народно-демократического строя.

Например, группа офицеров и гражданских сторонников Бенеша «Шержик» активно сотрудничала с разведками демократических, то есть западных стран. Затем эта группа объединилась с другой подпольной офицерской организацией в группу «Правда победит!»⁵⁹. В этой группе было много сторонников военного руководителя Пражского восстания 1945 года генерала Кутлваша, тесно сотрудничавшего с власовцами в мае 1945 года.

Группы «Шержик» и «Правда победит!» были обнаружены и разгромлены госбезопасностью в конце 1948 года. Из «Шержика» осудили 14 человек.

Но в Праге существовали и другие военные подпольные антикоммунистические группы: «Весна», «Верные», «Славой» и т. д. Практически во всех этих военных и гражданских подпольных группах были двойные агенты госбезопасности, что и приводило, как пра-

⁵⁸ Die Tschechoslowakei 1945/48 bis 1989: Studien zur kommunistischen Herrschaft. Leipzig, 2008. S. 93.

⁵⁹ Это был девиз гуситского движения в Чехии в XV веке, активно использовавшийся всеми группами чешского Соппротивления нацистам в годы Второй мировой войны.

вило, к быстрому разгрому организаций. Следует отметить, что в политическом отношении нелегальной деятельностью как в армии, так и вне ее руководили в основном члены национально-социалистической партии.

Характерным в этом отношении является случай Властислава Халупы (родился в 1919 году), который до февраля 1948 года отвечал в руководстве ЧНСП за связи с научными кругами. Генеральный секретарь национальных социалистов Крайина (ярый противник коммунистов) предложил Халупе после парламентских выборов занять его место. После февраля Халупа начал организовывать «новое движение Сопротивления» против КПЧ, причем с помощью посольства Нидерландов. Но и там на госбезопасность работала агент «Джой», от которой и стало известно о незаконной деятельности Халупы.

7 апреля 1948 года Халупу тайно арестовали, и уже на второй или третий день он сам согласился помогать органам госбезопасности (причем никаких мер «физического воздействия» к нему не применялось). Возможно, Халупа «сломался» на том, что госбезопасности было известно о его странном поведении в годы войны. Халупа был арестован гестапо, но через восемь месяцев его вдруг выпустили из концлагеря Заксенхаузен под Берлином, где держали особо опасных врагов рейха, и бывший узник стал членом гражданской службы ПВО в нацистском протекторате Богемии и Моравии.

С согласия госбезопасности Халупа (теперь агент госбезопасности «Король», «доктор Красный» и «доктор Сладкий») основал подпольную «антибольшевистскую» Партию труда, издававшую нелегальные газеты «Пламя» и «Голос свободной республики».

До осени 1949 года в рамках операции «Скаут» Халупа вывел органы госбезопасности на несколько подпольных военных и гражданских групп (помимо вышеупомянутых речь шла об организациях «Мы еще придем!», «Снежинка», «Черная команда» и т. д.). Причем Халупа выявил и связи части этих групп с западными спецслужбами. Благодаря деятельности «Короля» арестовали несколько сотен человек. В сентябре 1949 года «доктор Сладкий» был направлен за границу («тайно эмигрировал») и уже оттуда «руководил» антикоммунистическим подпольем.

Следует подчеркнуть, что эти подпольные группы и их связи с Западом были фактом, а не выдумкой «сталинистской» госбезопасности.

В конце 1948 – начале 1949 г. в ЧСР возникла довольно разветвленная и крупная подпольная организация «Йебавы», названная так по имени одного из ее руководителей Мирослава Йебавы (1911-1949). Йебавы, в отличие от многих других лидеров подпольных групп, – опытный разведчик и конспиратор, был для госбезопасности серьезным и опасным противником. После окончания гимназии в Оломоуце он эмигрировал во Францию в поисках работы, но не смог нигде устроиться и завербовался на службу во французский Иностранный легион (служил в Марокко и Алжире).

С началом Второй мировой войны Йебавы вступил в английскую армию и прошел курсы парашютной и разведывательной подготовки по методике британского спецназа – САС («Командование специальных операций» – разведывательно-диверсионные отряды британской армии). В 1942 и 1943 годах с парашютом и с подводной лодки высаживался в оккупированной немцами Франции. В июле 1943-го был арестован вишистской коллаборационистской полицией и находился в заключении до января 1944 года. Сбежал, перешел Пиренеи, всю Испанию и добрался до Гибралтара, откуда вернулся в Англию. Йебавы дослужился у англичан до майора и в 1944 году по собственному желанию перешел на службу в армию де Голля, где командовал десантной ротой. Был тяжело ранен во время форсирования Рейна в марте 1945 года, и на этом война для него закончилась.

В апреле 1946 года после продолжительного лечения Йебавы вернулся в Чехословакию и стал работать на фирме «Прага Экспорт», которой владел его брат.

После февраля 1948 года Йебавы создал подпольную организацию, в которую входило до 300 человек. Группа собирала и передавала английской разведке информацию военного характера. С Йебавы сотрудничали офицеры из министерства обороны, а также из гарнизонов Жатец, Подборжаны, Хомутов, Миловице⁶⁰, Бероун и т. д. На связи с группой был сотрудник британской разведки Уидаш, работавший в Праге под дипломатической «крышей» вице-консула. Группа готовила вооруженное выступление, но была обезврежена накануне планировавшегося мятежа – 7 марта 1949 года⁶¹.

Пять человек из группы были осуждены за измену родине к смертной казни. Приговор в отношении Йебавы был приведен в исполнение 18 июля 1949 года.

Примерно в это же время в ходе операции госбезопасности «Норберт» была разгромлена группа «Жатец» во главе с сотрудником центрального аппарата министерства обороны подполковником Вилемом Зигером (Соком).

Связи армейских и иных подпольных групп с западными разведками также были отнюдь не вымыслом чехословацкой госбезопасности.

Сразу после февраля 1948 года западные спецслужбы создали разведывательно-диверсионные организации из бывших чехословацких офицеров в Англии, Франции и в американской зоне оккупации Германии.

Разведывательную сеть во Франции возглавлял генерал Ченек Кудлачек⁶² (в годы войны имел боевой псевдоним Гутник, то есть «горняк»). В американской зоне оккупации Германии активную деятельность по работе против Чехословакии развернул бывший военный атташе США в Праге Чарльз Катец. Под его крылом работала разведывательно-диверсионная группа бывшего полковника чехословацкого генштаба Ярослава Кашпара-Патого. В нее входил, например, бывший уполномоченный по внутренним делам Корпуса уполномоченных (автономного правительства) Словакии генерал Ферьенчик.

Самую крупную на первых порах античехословацкую разведывательно-диверсионную организацию создали англичане. Это объяснялось тем, что многие прозападно настроенные офицеры чехословацкой армии в годы войны находились именно в Великобритании и имели давние связи с «Секрет Интеллидженс Сервис» (СИС, британская разведка). Группу, называвшуюся *Czechoslovak Intelligence Organisation* (ЦИО, «Чехословацкая разведывательная организация»), возглавил бывший полковник чехословацкого генштаба Карл Йиндржих Прохазка. Эта сеть с самого начала ориентировалась не только на сбор разведывательной информации, но и на засылку в ЧСР террористов и организацию внутри Чехословакии подпольных оппозиционных групп⁶³. Вся организация была зашифрована под кодовым названием MEASURE (то есть «мероприятие»), ее курировал большой знаток чехословацких дел со времен войны майор СИС Кери. Организация имела резидентуры в Цюрихе, Копенгагене, Гамбурге, Вене, Стокгольме, Гааге, Брюсселе и Иерусалиме.

⁶⁰ В 1968–1990 годах в этом населенном пункте дислоцировалось командование группой советских войск в Чехословакии («Центральная группа войск»).

⁶¹ *Vojenské dějiny Československa*. Díl V. Praha, 1989. S. 287.

⁶² В 1916 году, будучи призван в австро-венгерскую армию, Кудлачек попал в русский плен и вступил в сформированный в составе русской армии Чехословацкий легион. В 1935 году работал в чехословацкой военной миссии в Боливии (был начальником штаба), которая помогала боливийцам в их безуспешной войне против Парагвая за регион Чако. Затем работал в центральном аппарате министерства обороны ЧСР. После оккупации Чехии нацистами стал начальником штаба подпольной военной организации «Защита нации». Но на его след вышло гестапо, и Кудлачеку пришлось в ноябре 1939 года тайно покинуть страну. Во время войны был чехословацким военным атташе в Канаде и Бразилии. С сентября 1945 года в чине бригадного генерала возглавлял 6-й отдел министерства обороны (отвечал за связи с союзниками, то есть прежде всего с СССР) и за военную промышленность. С 1 ноября 1946 года был главным инспектором Минобороны по вопросам военного воспитания. После февраля 1948 года был отправлен в отпуск, а летом того же года вместе с семьей бежал из страны.

⁶³ *Solz J. Ve službach prezidenta*. Praha, 1994. S. 238.

Однако американцев не устраивало первенство британцев в деле разведывательно-диверсионной борьбы против Чехословакии. В Вашингтоне решили организовать единую разведслужбу под крышей Совета свободной Чехословакии, который, в свою очередь, также был создан под нажимом американцев, чтобы контролировать всю политическую эмиграцию.

Возглавить единую разведслужбу хотел бывший генерал Франтишек Моравец, который в годы войны руководил спецслужбой чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне и каждый день докладывал Бенешу о ситуации в стране и в мире. Именно Моравцу принадлежала идея убить заместителя имперского протектора Богемии и Моравии Гейдриха в 1942 году.

После возвращения Моравца из Лондона в 1945 году против него было начато служебное расследование. Его обвиняли в том, что он с помощью британской разведки панически бежал из страны в Лондон в марте 1939 года и не уничтожил документы 2-го отделения (разведки) штаба 1-го корпуса чехословацкой армии, которые попали в руки немцев. Благодаря этим документам гестапо разгромило сеть военного Сопротивления в ЧСР и даже смогло перевербовать некоторых агентов.

Моравец сам факт не отрицал, но утверждал, что уничтожить документы должно было командование корпуса, а он как начальник 2-го отделения генштаба, то есть руководитель военной разведки всех вооруженных сил, за это не отвечал. В конце концов, Бенеш как верховный главнокомандующий специальным приказом прекратил расследование в отношении Моравца, и 1 декабря 1947 года генерал был назначен исполняющим обязанности командира 14-й артиллерийской дивизии в городе Млада-Болеслав. Рассчитывая на свои связи с Бенешем, Моравец ждал со дня на день повышения до командующего корпусом, но тут подошли февральские события 1948 года⁶⁴.

Моравец был ими шокирован. Он писал племяннику, что жизнь кончена, ведь народ рукоплещет уничтожению всего того, что ему дорого. В то же время Моравец был морально готов «понять», как он выражался, новую власть и предложить ей свои услуги. Он осознал, что Бенеш, на которого он сделал ставку всей своей жизни, оказался слабаком, и необходимо «сменить лошадь».

Однако резидент британской разведки в Праге Джобсон убедил Моравца сбежать из страны и возглавить разведсеть чехословацкой эмиграции в Лондоне. Англичане не хотели, чтобы Моравец, обладавший обширнейшей информацией о методах и кадрах СИС, перешел на службу к коммунистам. В марте 1948 года Моравец поездом выехал из Праги на курорт Марианске-Лазне, где пришел на явку британской разведки. Оттуда его мотоциклом доставили к условленному месту на границе, и он нелегально покинул родину. Жену Моравца Власту с поддельным паспортом на машине с британским дипломатическим номером также вывезли из страны.

В Германии Моравца немедленно взял в оборот уже упоминавшийся выше Чарльз Кате́к, стремившийся обойти англичан в создании мощной античехословацкой разведывательно-диверсионной организации. Организацию назвали *Special Service Company 946* («Специальная сервисная компания»), и она базировалась в Гейдельберге и Штутгарте. В «компанию» входил, среди прочих, Антонин Бартош, бывший диверсант Моравца в годы войны, а после 1945 года – депутат парламента от ЧНСП, возглавлявший комиссию партии по военным вопросам. «Компания» функционировала под крышей американской военной разведки MIS.

Однако Моравцу не удалось стать шефом единой разведки при созданном американцами Совете свободной Чехословакии. Этот пост занял генерал Сергей Ингр – бывший

⁶⁴ Solz J. Ve sluzbach prezidenta. Praha, 1994. S. 232.

министр обороны эмигрантского чехословацкого правительства в Лондоне в годы войны⁶⁵. Ингр сделал своими заместителями во Франции Кудлачека, в Англии – Прохазку. Моравца американцы «продавить» на пост начальника объединенной разведки Совета не смогли, так как его не любили многие коллеги по армии за бегство из страны в марте 1939 года.

Тем не менее, находясь под крылом американцев, Моравец вместе с Катексом приступил с начала 1949 года к активному набору и подготовке диверсантов в лагерях для «перемещенных лиц» в Западной Германии (в Вальке, Мурнау и Ульме). Затем будущих диверсантов направляли в один из тренировочных центров американской разведки в Западной Германии.

В тренировочном центре ОКАРП в Дармштадте (фигурировал как американская воинская часть, почтовый ящик 175; Army Post Office (APO)) готовили диверсантов для проникновения в ЧСР по суше. В рамках центра существовали две разведшколы для начинающих (ОКТА I и ОКТА II) и школа DELTA для «повышения квалификации».

Тренировочный центр COMMO во Франкфурте-на-Майне (APO 757) готовил радистов.

Специальной подготовкой для заброски диверсантов в ЧСР по воде (на лодках или с аквалангами) занимались американские инструкторы из «Речного патруля ВМС США» (US Navy River Patrol) в Мангейме. Тренировки проводились на рукавах Рейна у города Шпейер.

BBC США в Европе (USAFE) на своих базах в Фюрстенвальдбрюке (ФРГ) и Бовингтоне и Бедфорде (Великобритания) учили людей Моравца (американцы присвоили генералу псевдоним «Арнольд») проникать на родину с помощью воздушных шаров.

Штаб «организации Моравца» находился в западногерманском городке Бенсхайм: официально на большой вилле, именовавшейся американцами Pink House (то есть «Розовый дом»), располагалась организация «Американский офис Бостона» (American Office of Boston)⁶⁶. Моравец опять почувствовал себя важным лицом: он располагал светло-зеленым «шевроле 52» с водителем, стал одеваться в свою любимую дорожную добротную английскую одежду и ездить на рыбалку.

Моравец лично инструктировал разведчиков, которых нелегально забрасывал в Чехословакию. Причем эти люди занимались отнюдь не только добыванием разведданных и поддержанием связи с подпольем в ЧСР.

27 мая 1948 года в Праге в своей квартире из автомата был застрелен Августин Шрамм, судетский немец, который еще в 30-е годы был членом ЦК КПЧ. В 1938 году он эмигрировал в СССР, и в годы войны, будучи майором НКВД, организовывал заброску в ЧСР парашютистов-разведчиков (то есть занимался тем же, что и Моравец в Лондоне). После войны возглавлял отдел ЦК КПЧ по работе с бывшими партизанами и борцами Сопротивления, затем перешел в министерство обороны. Есть данные, что Шрамм осуществлял связь между госбезопасностью ЧСР и ее советскими коллегами.

В эмиграции распускались слухи, что Шрамм лично организовал убийство Яна Масарика и чуть ли не собственноручно вытолкнул его из окна, – поэтому ему надо отомстить. Скорее всего, именно Моравец стоял за убийством своего конкурента по военным временам, хотя этот вопрос не прояснен и по сей день. Распространяемая сейчас в Чехии версия о том, что Шрамма убила сама же госбезопасность, не имеет под собой никаких оснований, а тем более мотива. Официально за убийство Шрамма был осужден и казнен один из лидеров сту-

⁶⁵ Ингр пользовался еще большим доверием Бенеша, чем Моравец. Именно он готовил армию на случай вооруженной борьбы с коммунистами после 1945 года. 6 июня 1945 года Бенеш присвоил ему высшее воинское звание генерала армии, а 27 августа 1947-го назначил Ингра посланником в Нидерланды. 3 марта 1948 года Ингр ушел в отставку и остался в эмиграции. Умер от инфаркта в Париже в 1956 году. В 1991-м был посмертно награжден президентом Чехословакии Гавелом орденом Штефаника.

⁶⁶ Solz J. Ve sluzbach prezidenta. Praha, 1994. S. 241.

денческого движения Хоц. Но вряд ли он сделал это один. Моравец же еще со времен войны считался специалистом именно по терактам.

Однако в лице молодой чехословацкой госбезопасности американцы и Моравец столкнулись с достойным противником. МВД ЧСР, которому подчинялся Корпус национальной безопасности, создало несколько фиктивных подпольных организаций, в сети которых попало много западных агентов. Пример такой организации – группа «Светлана». Первоначально ее создали лишь для отслеживания настроений среди кругов, оппозиционных новой власти. Затем «Светлана» перешла к «подпольной борьбе против режима». В сети «Светланы» попали и были арестованы в 1949-1950 годах более 500 человек⁶⁷. Некоторых взяли сразу после подписания торжественной присяги и выдачи удостоверений подпольщиков. 10 членов «Светланы» были казнены, 20 – получили пожизненные сроки тюремного заключения.

Другой успешной операцией госбезопасности была упоминавшаяся выше операция «Камень», причем здесь удалось напрямую переиграть американскую разведку. Сотрудники КНБ «переводили» врагов нового строя через границу, а на самом деле они все еще находились на территории ЧСР. При допросах «американскими офицерами» беженцы охотно делились информацией о своих связях и своей подпольной деятельности, чем подписывали себе приговор.

Операция «Камень» развивалась по образцу аналогичной советской операции, которую в то время проводили в Берлине. За «Камень» отвечало управление I КНБ (контрразведка) и непосредственно 28-й отдел сектора, работавший против американской разведки за рубежом, а также 29-й отдел, который следил за американским посольством и другими американскими учреждениями в ЧСР. Агентами-провокаторами выступали сотрудники сектора IV, отвечавшего за аресты.

Обычно агент-provокатор как представитель американской разведки выходил на вызывавшего подозрение военного или чиновника и «доверительно» сообщал ему, что вот-вот предстоит его арест и, по мнению американцев, ему лучше немедленно бежать из страны. Если лицо «заглатывало наживку», его «переводили через границу», где допросы вел офицер американской разведки (в этой роли обычно выступал офицер КНБ Амон Томашов, «Тони»)⁶⁸.

Заканчивалось все по-разному. Иногда «беженца» направляли без охраны на другой пост армии США, и по пути его задерживали чехословацкие пограничники. Иногда удивленному «борцу против тоталитаризма» сообщали, что его прошение о политическом убежище в США отклонено, и его «передавали чехам». Причем сведения о таком «негостеприимстве» американцев циркулировали по Чехословакии и удерживали многих от эмиграции.

Например, агент КНБ Яноушек, представившись агентом британской разведки «Джонни», побудил к эмиграции чиновника МВД Олдржиха Малаца, который во время войны работал в разведке у Моравца и в начале марта 1948 года был уволен из МВД. 1 мая 1948 года «Джонни» доставил Малаца на КПП «армии США», где того стал допрашивать «Тони». Однако Малац в 1943-1944 годах жил в США и сразу понял, что акцент у «американского офицера» отнюдь не американский. К тому же у «Тони» был специфический словарный запас, почерпнутый в основном из лексикона британских моряков. Наконец, бывший разведчик Малац увидел на столе «Тони» пишущую машинку чехословацкого производства. Неудивительно, что Малац ни в чем не признался и получил «лишь» 15 лет тюрьмы за попытку незаконного перехода границы.

⁶⁷ <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/vol.-55-no.-1/pdfs/CleanedLukes-OperationKamen-Web.pdf>.

⁶⁸ <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/vol.-55-no.-1/pdfs/CleanedLukes-OperationKamen-Web.pdf>.

В том же мае 1948 года в сети операции «Камень» попали майор ВВС ЧСР Гнатек (во время войны воевал в Англии) и еще 11 военнослужащих. Гнатек приговорили к смертной казни, но потом заменили высшую меру 15-летним заключением.

Американцы все же вышли на след «Камня» и в июне 1948 года направили в МИД ЧСР ноту протеста. Следующую ноту американцы прислали 2 июля, протестуя против использования чехословацкими должностными лицами формы американской армии. В ответной довольно саркастичной ноте МИД ЧСР утверждал, что американцы пали жертвой «недобросовестного информатора».

На самом деле «Камень» выдал американцам член одной из разведывательных организаций спецслужб США на территории Чехословакии Станислав Лишка, до войны служивший в полиции ЧСР. КНБ привлекла Лишку в качестве «проводника» для эмигрантов, не зная, что он работает на американцев. Но американцы не берегли своих агентов. В ноте посольства США содержалось такое подробное описание фальшивого поста «армии США», что выйти на Лишку как на источник этой информации для госбезопасности большого труда не составило. 10 декабря 1948 года Лишка был арестован, но, будучи опытным полицейским, он сумел откреститься от всех обвинений, и через пять месяцев его отпустили. 12 августа 1949 года Лишка бежал из ЧСР в Западную Германию. Однако там в одном из лагерей для «перемещенных лиц» Лишку как своего «проводника» узнал один из бежавших из лагеря в ЧСР инженер – жертва «Камня». Американцы арестовали Лишку и обвинили его в работе на госбезопасность ЧСР. Лишке снова удалось оправдаться, доказав свою работу на американскую разведку в течение трех лет. Тем не менее, убежища в США подозрительному агенту не предоставили и поторопились отправить его в Канаду.

Неудивительно, что в противовес столь мощной разведывательно-диверсионной работе из-за рубежа руководство компартии Чехословакии стремилось очистить вооруженные силы ЧСР от ненадежных, а подчас и прямо враждебных элементов.

В январе 1949 года при ЦК КПЧ был образован специальный орган – Военный комитет – для проведения в вооруженных силах политики партии. В комитет входили президент Готвальд, генеральный секретарь КПЧ Сланский, министр обороны генерал армии Свобода, начальник генерального штаба корпусный генерал Дргач, заместитель министра обороны по политическим и правовым вопросам корпусный генерал Прохазка, заместители министра обороны по материальной части и кадровым вопросам дивизионные генералы Дрнец и Рейцин. Позднее в Военный комитет вошли председатель правительства Запотоцкий, министр внутренних дел Носек, министр юстиции Чепичка (зять Готвальда), начальник военной канцелярии президента республики дивизионный генерал Сатори, руководитель военного отдела ЦК КПЧ подполковник Антонин Свобода и председатель Госплана (государственного ведомства по планированию) ЧСР Доланский.

Все вопросы, выносимые на заседание Военного комитета, предварительно обсуждались «узким» руководством министерства обороны. Чистку в армии проводил «Армейский консультативный орган», занимавшийся и до февраля 1948 года в основном кадровой политикой.

После февральских событий КПЧ решила создать свои первичные организации прямо в воинских частях, что и было сделано в сентябре 1948-го. Раньше члены партии в вооруженных силах были записаны в обычные «гражданские» первичные организации по территориальному принципу (по месту дислокации военных гарнизонов). Причем офицеры и рядовые были в разных первичных организациях. Как и в партии в целом, была проведена проверка и среди армейских коммунистов. В офицерских парторганизациях членские билеты сохра-

нили 40 % коммунистов, 60 % офицеров-коммунистов перевели в кандидаты. Среди рядового и сержантского состава в рядах партии оставили 72 %, а 28 % стали кандидатами⁶⁹.

В конце 1948 года 80 % всех офицеров армии были членами или кандидатами в члены КПЧ, в то время как перед февралем 1948-го – лишь 15,4 %. Всего в армии на начало 1949 года было 25 тысяч членов и 16 тысяч кандидатов в члены партии.

Чистка в армии началась весной 1948 года, когда различные «комитеты действия» Национального фронта представили предложения в «Армейский консультативный орган» об увольнении из вооруженных сил 981 генерала и офицера. Но уволено из армии было лишь 454 генерала и офицера. Причем этих людей не наказали, а перевели в запас или на пенсию со всеми причитающимися в таких случаях финансовыми выплатами. Остальных офицеров из списка «комитетов действия» перевели в другие гарнизоны или на другие должности.

Однако такая «мягкая чистка» в армии вызвала критику со стороны многих коммунистов и членов профсоюзов. Во второй половине 1948 года началась новая волна увольнений, которая затронула 822 офицера и генерала (6 % всего офицерского корпуса). Уволили также 130 старшин (ротмистров). В основном чистка коснулась тех военнослужащих, которые во время Второй мировой войны служили в чехословацких частях на западном фронте.

Особенно реакционно были настроены летчики, практически поголовно служившие в годы войны в Англии. Стали отмечаться случаи угона военных самолетов на Запад. В этой связи была проведена проверка всего летного состава ВВС, и весной 1949 года из авиации «вычистили» 98 офицеров. Новая волна чисток последовала в связи с разоблачением группы «Йебавы».

Всего после февраля 1948 года и до конца 1949-го из вооруженных сил уволили 2965 человек, то есть 22,2 % всех кадровых офицеров предфевральского периода⁷⁰. Из армии пришлось уйти 52,3 % всех офицеров, служивших в годы войны на Западе, и 25,25 % офицеров домюнхенской чехословацкой армии. Самый большой процент «вычищенных» офицеров был в ВВС (32,1 % от всего офицерского состава) и танковых частях (30,9 %). Что касается национального состава, то из 10 921 офицера чешской национальности до конца 1949 года было уволено 2539 (23,2 %), из 2191 офицера-словака – 426 (19,4 %).

Но если чехословацкая армия к концу 1949 года внешне была гомогенным политическим организмом в кадровом отношении, то ее вооружение и оснащение по-прежнему оставалось крайне пестрым. Например, 73 % пехотного вооружения было трофейного немецкого происхождения (практически все винтовки), 16 % – советского, 9 % – отечественного, 0,3 % – британского. Из боевых машин (прежде всего танков) 42 % были английскими, 22 % советскими и 36 % – немецкими. 78 % самолетов достались ЧСР из арсеналов Третьего рейха, 12 % – Англии и лишь 10 % – из СССР.

В целом, как и отмечало ЦРУ, не только «пражский переворот» прошел для коммунистов легко, но и признаков широкой народной оппозиции в 1948-1949 годах в ЧСР не наблюдалось. Во многом это было следствием успешной экономической политики коммунистов в первые годы после февраля 1948-го.

Сразу же после февральских событий последовала новая волна национализации в промышленности, которая, однако, была отнюдь не такой масштабной, как в 1945 году. Теперь национализация проводилась не декретами президента, а законами парламента – Национального собрания.

Перечень отраслей, где в государственную собственность переводились все без исключения предприятия, был расширен за счет торфяной, лесопильной, керамической, кирпичной, кожевенной, резиновой, стекольной и фармацевтической промышленности (в 1945 году

⁶⁹ Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil V. Praha, 1989. S. 296.

⁷⁰ Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil V. Praha, 1989. S. 317.

были национализированы вся тяжелая промышленность, энергетика и машиностроение). В строительстве, оптовой и внешней торговле были национализированы все предприятия с более чем 50 работниками⁷¹.

Всего в 1948 году было национализировано 2653 предприятия, что вызвало горячую поддержку рабочих. Правительство фактически реализовало то, что потребовали на своем съезде в феврале 1948 года заводские профсоюзные комитеты. К 1 мая 1949 года в государственном секторе промышленности было занято 95 % всех работавших в чехословацкой индустрии. К 1950 году 98 % всей промышленной продукции производилось в государственном, или, как его стали называть, социалистическом, секторе, в строительстве эта доля составляла 94,3 %, на транспорте – 95,5 %⁷².

Во внутренней торговле было ликвидировано примерно 10 тысяч крупных оптовых фирм. Тем самым государство, наконец, покончило с ненормальной ситуацией, порождавшей спекуляцию и позволявшей частникам обогащаться за счет государственных производственных фирм. Ранее частные торговцы с удовольствием закупали на государственных промышленных предприятиях продукцию по низким ценам и перепродавали ее потребителям с наценкой, доходившей до 300–400 %. К тому же торговцы-оптовики часто «придерживали» товар и сбывали его потом на черном рынке, тем самым увеличивая в стране инфляцию.

После февраля 1948 года доля государства во внутренней торговле составила 60 %⁷³.

Логичным было и то, что государство взяло под контроль внешнюю торговлю. Здесь сложилась еще более вопиющая с экономической точки зрения ситуация, когда частники перепродавали продукцию государственных предприятий за границу и оставляли там, в основном в Швейцарии, на своих незаконных валютных счетах большую часть выручки. Естественно, частные предприниматели не горели желанием торговать с СССР по клирингу и вообще закупали за границей только товары народного потребления, в то время как в промышленности не хватало современного производственного оборудования.

До февраля 1948 года на западные страны приходилось 70 % чехословацкого импорта и 35 % – экспорта. Теперь положение стало меняться, в том числе и потому, что под давлением США западные страны все чаще отказывались от закупки чехословацких товаров и вводили запреты на экспорт собственных товаров в социалистические страны.

После 1948-го в руках частников в Чехословакии остались лишь мелкие предприятия местного значения.

Национализация 1948 года имела наибольшее значение именно для торговли, так как ключевые промышленные предприятия и все банки были национализированы еще декретами Бенеша в 1945-м, причем при поддержке всех политических партий. В промышленности изменения в удельном весе различных форм собственности были незначительными. Если до февраля 1948 года на государственный сектор приходилось 70 % созданного национального дохода, то в 1950 году – 80 %. Доля частного сектора сократилась с 29,3 % до 19 %⁷⁴.

21 марта 1948 года Национальное Собрание утвердило пять законов об аграрной реформе, которые коммунисты безуспешно пытались продвигать в 1946–1947 годах. Был установлен максимум частного землевладения в республике – 50 га, включая пашню, леса, луга, сады, пруды, болота, ручьи, озера, частные дороги, застроенные участки.

Земельная площадь, превышавшая этот лимит, выкупалась государством и распределялась среди безземельных и малоземельных крестьян. Одновременно с землей государство выкупало пропорциональную долю инвентаря, скота и машин. Прежнему землевладельцу

⁷¹ Рапош П. Чехословакия: путь к социализму. М., 1988. С. 49.

⁷² Недорезов А. И. Аграрные преобразования в народно-демократической Чехословакии. М., 1954. С. 152.

⁷³ История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 485.

⁷⁴ Рапош П. Чехословакия: путь к социализму. М., 1988. С. 65.

могли по его просьбе оставить один гектар, включая площадь, находившуюся под постройками. Компенсация за земельные излишки базировалась на средней стоимости земли за последние 10 лет перед реформой или в размере средней цены во время реформы, но со скидкой в 20 %. Компенсацию государство платило своими ценными бумагами и лишь в исключительных случаях – деньгами. Следует отметить, что это было обычной практикой для большинства аграрных реформ во всех частях мира.

Новые владельцы получали землю от государства за плату по выкупной цене со скидкой в 10 % и в рассрочку до 15 лет.

При этом в Чехословакии был на практике проведен в жизнь принцип «земля тем, кто ее обрабатывает». Теперь владелец земельного участка должен был принимать личное участие в его обработке, либо в форме физического труда (в малом хозяйстве), либо непосредственно управляя производством (в большом хозяйстве). Причем землевладелец должен был постоянно проживать на территории своего надела, и сельскохозяйственное производство должно было быть его главным источником существования.

До 2 га земли давалось рабочим и служащим, совмещавшим свою основную работу в промышленности с приусадебным хозяйством, до 4 га – тем, кому собственный «огород» был крайне необходим для поддержания прожиточного минимума. Церковному приходу с согласия местного национального комитета оставляли не более 30 га⁷⁵.

Помимо распределения земли государство обеспечило деревню дешевым кредитом. В домюнхенской Чехословакии кредитный произвол банков и помещиков был бичом деревни: именно из-за неуплаты грабительских процентов по кредитам разорялось большинство крестьянских хозяйств. По закону от 21 марта 1948 года ставка по кредитам для сельхозпроизводителей не могла превышать 3,5 % при краткосрочной ссуде и 3 % – при долгосрочной (на срок от 5 до 40 лет). При чрезвычайных обстоятельствах (засуха, падеж скота) выплату кредита полностью или частично брал на себя специальный гарантийный фонд при министерстве сельского хозяйства.

Естественно, подобная кредитная политика была бы невозможной без проведенной в 1945 году национализации всей банковской системы.

15 апреля 1948 года был принят давно лоббируемый коммунистами закон о социальном страховании всего населения, в том числе и крестьян. Впервые в истории чешские и словацкие земледельцы получили все социальные блага, о которых раньше не могли и мечтать: бесплатное лечение, пенсию по старости (после 65 лет, если доход крестьянина не превышал половину дохода среднего рабочего), пособия вдовам и круглым сиротам, пособия на воспитание детей, при бракосочетаниях и родах и т. д.

По новой аграрной реформе у помещиков и не работавших на земле землевладельцев было изъято 853 тысячи гектаров, а всего после 1945 года – 4,5 млн га (в основном у немцев и венгров). Таким образом, аграрная реформа «коммунистического правительства» образца 1948 года отнюдь не была коммунистической по целям (никакого обобществления земли не предусматривалось) и громадной по размаху. Землю получили примерно 98 тысяч бедных крестьянских хозяйств.

Новые собственники не могли продать полученную землю или сдать ее в аренду – они должны были заниматься сельскохозяйственным производством сами.

Тем самым чехословацкая деревня после 1948 года, как и российская деревня в 1918 году, «осередничилась» – то есть стало меньше бедных и непомерно богатых землевладельцев. И, как и в России, здесь были свои плюсы и минусы. К плюсам относился существенный рост жизненного уровня крестьян, которые стали хорошо питаться и доходы которых в

⁷⁵ Недорезов А. И. Аграрные преобразования в народно-демократической Чехословакии. М., 1954. С. 153.

целом стабильно росли. Неудивительно, что рост авторитета коммунистов на селе был впечатляющим, то есть реформа, несомненно, удалась с политической точки зрения.

Однако ликвидация крупных механизированных и специализированных хозяйств (в основном немецких, это было сделано еще в 1945 году декретами Бенеша) привела к сокращению товарности чехословацкого сельского хозяйства. Крестьяне стали больше потреблять сами и меньше поставлять на рынок. Это вело к сложностям и перебоям в снабжении продуктами городского населения. Тем более что в ходе бурного развития промышленности после 1945 года это население сильно выросло. Рабочие и служащие – главная социальная опора КПЧ – выражали недовольство эгоизмом крестьян. Ведь только что, в 1947 году, государство за счет бюджетных средств и новых налогов спасло многих крестьян от разорения, когда страну постигла страшная засуха. Очень помог и СССР (сам еще не оправившийся от тяжелейшей засухи, усугубленной последствиями войны) поставками не только пищевого, но и фуражного зерна, предотвратив массовый забой скота в Чехословакии и грядущий голод.

И вот теперь сами крестьяне отнюдь не горели желанием увеличивать производство, ведь их семьям дохода хватало на вполне сносную и даже зажиточную жизнь.

Руководство компартии прекрасно понимало, что экономически из этой сложной ситуации есть только один выход – массовое создание в деревне крупных производственных кооперативов, способных применять современную агротехнику, оплачивать машины и удобрения на полях. Только крупные хозяйства интенсивного типа могли накормить растущее городское население. Однако коммунисты не могли пойти на коллективизацию по политическим мотивам, ведь противники КПЧ и так постоянно запугивали чешских и словацких крестьян «колхозами», без которых якобы невозможен никакой социализм.

Присутствие государства в аграрном производстве было минимальным и после 1948 года. Примерно 0,5 млн га из национализированной земли (причем в основном отобранной у немцев в 1945 году) перешли в ведение государственных хозяйств (госхозов). Госхозы, как правило, создавались в тех районах, где не было спроса на землю со стороны крестьян, – большей частью на пограничных территориях, откуда в 1945-1946 годах были выселены немцы.

Новая конституция ЧСР 9 мая 1948 года закрепила преобладание общественных форм собственности в экономике. В статье 12 основного закона говорилось: «Экономическое устройство Чехословацкой республики базируется: на национализации недр, земли, промышленности, оптовой торговли и финансовых учреждений; на земельной собственности по принципу «земля принадлежит тому, кто на ней работает»... Все народное хозяйство Чехословацкой республики должно служить народу. Исходя из интересов общества, государство направляет всю экономическую деятельность путем единого хозяйственного плана»⁷⁶.

Тем не менее, в конце 1948 года с частным мелкотоварным и низкоэффективным производством в стране было все еще связано примерно 40 % всего экономически активного населения. В деревне госхозы обрабатывали лишь 5,7 % всей земли. Богатые крестьяне (их на советский манер скоро стали называть «кулаками») владели 17 % сельскохозяйственных земель и производили 20 % всей товарной продукции аграрного сектора. «Кулаки» нанимали за сезон более 60 тысяч рабочих, то есть эксплуатация человека человеком в деревне была отнюдь не изжита.

В городах продолжали существовать десятки тысяч кустарных ремесленных предприятий. В розничной торговле частник пока преобладал – доля госсектора там была всего 31,3 %.

⁷⁶ История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 486.

Итоги выполнения восстановительного двухлетнего плана к концу 1948 года впечатляли, хотя фактически планом была связана только национализированная крупная промышленность. Главная задача плана – восстановить, а по ключевым отраслям индустрии и превзойти довоенный уровень, – была успешно выполнена. Выпуск промышленной продукции по сравнению с маем 1945 года удвоился и превзошел уровень 1938 года на 8 %.

Стоит подчеркнуть, что большие успехи в развитии горнодобывающей и тяжелой промышленности не привели к снижению производства в тех отраслях, которые производили товары народного потребления. В 1948 году на личное потребление в ЧСР тратилось 62,7 % национального дохода, на материальное общественное потребление – 16,9 %, на накопление – 20 %. Эти цифры были нормальными для стагнирующей экономики, но абсолютно недостаточными для технического перевооружения и модернизации промышленности или для индустриализации. В этом случае норму накопления следовало бы существенно увеличить, естественно, за счет сокращения потребления.

Большие успехи были достигнуты в отсталой ранее Словакии, где до 1945 года фактически вообще не существовало современной промышленности. Из Чехии в Словакию были перебазированы десятки предприятий, и примерно 40 промышленных объектов возводилось заново. К 31 декабря 1948 года в Словакию было перевезено оборудование с 337 чешских предприятий, которое в первую очередь устанавливалось на уже действовавших заводах. Оборудование это было, прежде всего, с предприятий, конфискованных в 1945 году у немцев. В результате занятость в словацкой промышленности выросла на 23 871 человека⁷⁷.

Государство стимулировало словацкую промышленность и путем преимущественного предоставления словацким предприятиям госзаказов, даже если цена продукции там была на 20 % выше, чем в Чехии.

Индустриализация Словакии, начатая в основном под давлением КПЧ, наталкивалась до февраля 1948 года на критику чешских некоммунистических партий, пытавшихся разжечь среди чешского населения антагонизм против «словацких иждивенцев». Например, орган Чешской народной партии газета «Лидова демокрацие» писала: «...Подчеркиваем, что если мы дадим Словакии промышленность, то станем беднее». Национальные социалисты, которые, как и Бенеш, вообще не считали словаков отдельным народом, занимали в этом смысле еще более жесткую позицию. Например, одна из газет ЧНСП «Свободны зитршек» писала, что в проблемах Словакии виноваты те, кто сотни лет назад завел словаков в Карпаты и Татры, а не на берега Лабы (!)⁷⁸.

При этом после вхождения Словакии в состав Чехословакии в 1918 году и так эмбриональная словацкая промышленность переживала стремительный спад, так как ее пытались выбить с рынка более развитые чешские конкуренты. В 1918-1932 годах в Словакии прекратили работу 200 предприятий, и без работы осталось более 26 тысяч человек. В 1933-1937 годах закрылось еще 485 заводов и фабрик. В 1937 году в промышленности Словакии работало лишь 2,94 % от всего занятого населения.

Так что ускоренное развитие словацкой промышленности в 1945-1948 годах лишь восстанавливало положение 1918 года.

В целом Чехословакия в 1945-1948 годах могла похвастаться прекрасными экономическими достижениями. Однако за вполне достойными показателями выполнения Созидательного плана скрывалось много проблем.

Хотя до войны Чехословакия считалась промышленно развитым индустриальным государством, это впечатление было во многом обманчивым, так как в промышленности страны имелись большие диспропорции.

⁷⁷ Рапош П. Чехословакия: путь к социализму. М., 1988. С. 81.

⁷⁸ Рапош П. Чехословакия: путь к социализму. М., 1988. С. 82.

В ЧСР вообще не производились машины и станки для целых отраслей промышленности. Например, развитая чешская текстильная промышленность была вынуждена закупать все оборудование на Западе, в основном в Англии. Строительство и сельское хозяйство вообще еще жили ручным трудом. Вся узость чехословацкой промышленной базы наглядно проявилась при поставках советского зерна в 1947 году, когда эшелоны приходилось разгружать вручную – в ЧСР вообще не производилось погрузочно-разгрузочного оборудования. В результате приходилось разгружать вагоны днем и ночью, чтобы зерно не пропало. В Чехословакии производилось мало сельскохозяйственных машин, причем трактора в их число не входили.

В 30-е годы и тем более во время войны фактически не проводилось обновление в промышленности основных фондов, которые к 1948 году сильно устарели как морально, так и физически. Большинство станков и оборудования были введены в эксплуатацию еще во времена Австро-Венгрии (то есть до 1918 года).

Большой проблемой Чехословакии была низкая энерговооруженность производства – требовалось буквально в разы увеличивать генерацию электроэнергии.

В 1948 году доля отдельных отраслей промышленности ЧСР в общем промышленном производстве была следующей:

- пищевая промышленность 21,9 %;
- машиностроение 17,4 %;
- текстильная и швейная промышленность 14,9 %;
- металлургическая промышленность 9,5 %;
- энергетика – всего 1,8 %⁷⁹.

Таким образом, и в Чехословакии надо было проводить индустриализацию. В противном случае уже через несколько лет страна могла бы столкнуться с падением производства и жизненного уровня населения в связи с массовым выбытием изношенного промышленного оборудования.

Потребность в индустриализации диктовала и переориентация внешней торговли Чехословакии на Советский Союз после 1945 года. Причем эта переориентация происходила по просьбе Бенеша, которую он высказал Сталину еще в декабре 1943 года. И Бенеш имел на это весьма веские причины.

До войны Чехословакия экспортировала много оборудования для тяжелой промышленности, например кузнечно-прессовое. Поэтому она очень сильно зависела от промышленного цикла в странах-покупателях. При этом Чехословакия всегда закупала за границей продовольствие. Не случайно, что мировой экономический кризис 1929 года сильно ударил именно по ЧСР, – в Европе произошло резкое падение производства, что привело к не менее резкому падению чехословацкого экспорта и массовой безработице в стране. Бенеш абсолютно правильно полагал, что переориентация на огромный рынок динамично развивавшегося Советского Союза на многие годы вперед обеспечит чехословацкую промышленность выгодными заказами и тем самым застрахует страну от безработицы и социальных волнений.

И события послевоенного времени показали верность прогноза Бенеша. В США были накоплены огромные запасы нереализованной продукции, и в чехословацком импорте американцы были не заинтересованы. Вся Западная Европа – традиционный экспортный рынок ЧСР – лежала в руинах и восстанавливалась очень медленно. У западных европейцев не было денег для закупки чехословацкого оборудования, а американцы по своему плану Маршалла давали кредиты только на приобретение американских товаров. К тому же страны Западной Европы в 1945-1948 годах покупали только продовольствие и товары народного

⁷⁹ Ранош П. Чехословакия: путь к социализму. М., 1988. С. 76.

потребления для своего живущего впроголодь населения. Жизненный уровень чехов в то время был гораздо более высоким, чем в Англии или Франции.

Постоянные экономические санкции США против ЧСР, которые американцы стали применять задолго до событий февраля 1948 года, тоже властно диктовали потребность поиска надежного и в экономическом, и в политическом отношении импортера, каким в то время мог быть только Советский Союз с его впечатляющими темпами экономического развития.

Поэтому ориентация на СССР была единственным путем для обеспечения чехословацкой промышленности долгосрочными заказами, а при производстве машин и оборудования, требующем больших инвестиций и большого времени исполнения заказа, эти заказы и должны были быть именно долгосрочными.

Однако чтобы плотно работать с СССР, Чехословакии надо было, опять же, перевооружить промышленность и освоить выпуск многих товаров, в которых была заинтересована Москва.

Все вышеупомянутые причины привели новое чехословацкое руководство после февраля 1948 года к осознанию того неопровержимого факта, что значительную часть инвестиций в стране придется переориентировать с производства товаров народного потребления на выпуск машин и оборудования для перевооружения и модернизации промышленности.

Конечно, политика временного «затягивания поясов» была непопулярной и являлась бы таковой в любой стране с любым социально-экономическим строем. Существовала реальная опасность, что враги ЧСР могут спровоцировать население на выступления против правительства под лозунгами борьбы против социализма, который снизил жизненный уровень народа.

Поэтому руководство КПЧ во главе с Готвальдом попыталось добиться перевооружения машиностроения при одновременном повышении производства предметов народного потребления. Следует признать, что ничего фантастического в постановке задачи не было. Государство после 1945 года владело всей кредитно-финансовой системой и могло оперативно маневрировать капиталовложениями. СССР стабильно обеспечивал поставки практически всех видов необходимого для чехословацкой промышленности сырья. Поэтому коммунисты решили просто развивать тяжелую промышленность более высокими темпами, чем легкую. Но и последняя должна была тоже существенно увеличить выпуск продукции, чтобы не допустить малейшего снижения жизненного уровня населения.

27 октября 1948 года Национальное собрание ЧСР приняло закон о первом пятилетнем плане развития экономики страны. К концу 1953 года предполагалось увеличить промышленное производство в целом на 57 %, производство средств производства – на 66 %, производство предметов потребления – на 50 %⁸⁰. К концу пятилетки (1953 год) страна должна была выпускать промышленной продукции в пять раз больше, чем до войны.

Основное внимание уделялось тяжелой промышленности, без которой любая модернизация производства была бы невозможной. Продукцию отраслей металлообработки предполагалось увеличить к 1953 году на 93 %, производство металла – на 49 %. Однако прогнозируемые темпы роста пищевой и текстильной отраслей тоже были более чем впечатляющими – соответственно 69 и 68 %.

По-прежнему опережающими темпами должна была развиваться словацкая промышленность: ее рост к 1953 году планировался на уровне 75 % по сравнению с 1948-м.

Задания плана были весьма напряженными. При этом финансировать инвестиции ЧСР должна была, прежде всего, из собственных источников. У разрушенных войной СССР и Западной Европы свободных капиталов не было, а американцы после марта 1948 года факти-

⁸⁰ История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 495.

чески встали на путь тотального экономического бойкота «коммунистической» Чехословакии, мешая ее отношениям и с другими странами. Например, под давлением США Австрия отказалась выполнить заключенное соглашение о поставках в ЧСР оборудования для производства холоднокатаной стали.

К тому же, в отличие от советской индустриализации 30-х годов, чехословацкая индустриализация не могла в финансовом отношении опереться на село: там господствовал частник, который сам сидел без денег, так как мало чего поставлял на рынки. Тем более что катастрофическая засуха 1947 года привела к тому, что план в сфере аграрного производства выполнен не был. В 1948 году объем сельскохозяйственного производства составлял лишь 75 % от довоенного уровня.

Согласно заданию первой пятилетки выпуск сельскохозяйственной продукции в целом должен был увеличиться на 37 %, в растениеводстве – на 115, в животноводстве – на 86 %. Однако было ясно, что при малоэффективном мелком частном производстве в деревне все эти задания почти фантастичны.

В целом по итогам первой пятилетки жизненный уровень населения должен был вырасти на 35 %.

Помимо явно недостаточных внутренних капиталовложений, руководство компартии пыталось при выполнении пятилетки задействовать и энтузиазм населения, тем более что авторитет коммунистов в профсоюзах был действительно высок. В январе 1949 года ЦК КПЧ обратился ко всем трудящимся со специальным письмом, в котором призвал развернуть социалистическое соревнование в преддверии IX съезда партии.

По инициативе рабочих металлургического завода Витковице (где позиции коммунистов были традиционно сильными) в ЧСР развернулось массовое движение «подарков республике», в котором приняли участие 230 тысяч человек. Фактически это означало сверхурочные безвозмездные работы, выручка от которых шла на модернизацию промышленности.

В целом начало пятилетки было многообещающим и внушало надежду на то, что ее трудные задания все же будут выполнены.

Что касается внешней политики Чехословакии, то она в 1948-1949 годах была вынуждена развиваться в условиях открытого противостояния между СССР и США. Причем с Советским Союзом страна еще с декабря 1943 года была связана договором о взаимной помощи, заключенном в Москве по инициативе Бенеша. Было ясно, что никакой «серединной линии» между Москвой и Вашингтоном в этих условиях быть не может. Большинство населения Чехословакии твердо настроилось на союз с СССР, видя в нем гарантированную защиту от повторения германской агрессии.

До февраля 1948 года союз с СССР был дополнен аналогичными договорами с другими славянскими странами – Польшей и Югославией. Следует подчеркнуть, что, в отличие от Брюссельского пакта 1948 года и НАТО, союзные договоры ЧСР с СССР, Польшей и Югославией были направлены только против одной страны – Германии. Военной взаимопомощи в случае конфликтов с другими государствами (например, с теми же США) эти документы не предусматривали. Причем СССР имел аналогичные советско-чехословацкому договору договоры с Великобританией (подписан в 1942 году и послужил образцом для советско-чехословацкого договора) и Францией (1944 год).

Как и предполагало в своем анализе ЦРУ, «пражский переворот» февраля 1948 года не привел к изменениям во внешней политике ЧСР, которая и до этого ориентировалась на Москву.

Чехословакия продолжала пополнять список своих союзников. 23 апреля 1948 года был подписан давно разрабатывавшийся Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Народной Республикой Болгарией. Болгары хотели добиться с Прагой более тес-

ного союза, чем даже с СССР. Ведь, как уже упоминалось, договоры ЧСР с СССР, Польшей и Югославией были направлены против рецидива германской агрессии, от которой все упомянутые славянские страны пострадали больше, чем другие государства, участники Второй мировой войны. Болгария же, напротив, была союзницей Гитлера и опасалась агрессии со стороны Турции и Греции, с которыми у нее были давние напряженные отношения, отягощенные территориальными проблемами.

Но Чехословакия не хотела связывать себя обязательствами помощи Болгарии против Турции или Греции, тем более что с 1947 года (доктрина Трумэна) эти страны были фактическими союзниками США и получали массированную американскую военную помощь. Поэтому, в конце концов, болгарско-чехословацкий договор повторял текст советско-чехословацкого с одним лишь дополнением: стороны обязались «советоваться между собой по всем важнейшим международным вопросам, касающимся интересов обеих стран»⁸¹.

В июле 1948 года договор о взаимной помощи был подписан с Румынией.

Очень сложно развивались переговоры с Венгрией, что было исторически обоснованно. Словакия до 1918 года на протяжении столетий входила в состав Венгрии, и словаки подвергались чудовищным притеснениям и насильственной ассимиляции. В 1938 году Венгрия вместе с Германией и Польшей приняла участие в оккупации чехословацкой территории в ходе мюнхенского диктата. В 1939 году с санкции Гитлера Будапешт захватил еще и часть территории словацкого «независимого» государства.

Неудивительно, что Бенеш и все послевоенные чехословацкие политические партии выступали за полное выселение венгров с территории ЧСР (а жили венгры только в южных районах Словакии) по образцу выселения немцев. Сталин в годы войны выразил этим планам Бенеша поддержку, что понятно – Венгрия была самым активным союзником Гитлера и сражалась на стороне Германии почти до конца войны.

Однако после того как и Венгрия в 1947 году вступила на путь социалистического развития и заключила союзный договор с СССР, Москва оказалась перед сложной дилеммой: поддержать одного из союзников означало испортить отношения с другим.

Поэтому Сталин всячески старался примирить Чехословакию и Венгрию, хотя, учитывая многовековую вражду между ними, это было очень сложно. В конце концов, венгерско-чехословацкий договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи был заключен в апреле 1949 года, причем со стороны ЧСР текст был не на чешском языке (как обычно), а на словацком. Венгры остались жить в Словакии, так как возвращаться на историческую родину большинство из них не желало: жизненный уровень в ЧСР был гораздо выше. Для венгров в Словакии был фактически создан режим культурной автономии: выходили газеты на венгерском языке, существовали венгерские школы.

18 октября 1949 года Чехословакия признала провозглашенную 7 октября 1949 года Германскую Демократическую Республику (ГДР), в феврале 1950-го установила дипломатические отношения с Демократической Республикой Вьетнам (ДРВ), а в апреле 1950 года – с КНР.

Удельный вес стран социалистического лагеря во внешней торговле Чехословакии в 1949 году был все еще ниже половины – 46,3 %, но американцы своим бойкотом активно содействовали бурному росту, прежде всего, советско-чехословацкой торговли. В 1947-1949 годах товарооборот между ЧСР и СССР увеличился на 564 %, с Болгарией – на 125 %, с Польшей – на 536 %, с Румынией – на 619 %, с Венгрией – на 219 %.

Особо тесные отношения, естественно, развивались между Москвой и Прагой.

В июне 1948 года было подписано двустороннее соглашение об обучении граждан ЧСР в советских вузах. Советское правительство предоставило для чехословацких студентов и

⁸¹ Петерс И. А. Внешняя политика Чехословакии (1945-1960 гг.). Киев, 1976. С. 53.

аспирантов 60 мест и взяло на себя половину расходов на их содержание, включая выплату стипендии.

В декабре 1948 года ЧСР обратилась к Советскому Союзу с просьбой увеличить поставки сырья и оборудования для выполнения задач пятилетки сверх объемов, установленных по советско-чехословацкому торговому соглашению от декабря 1947 года. Одновременно чехословацкая сторона просила СССР предоставить заем в золоте для закупки некоторых видов сырья, например хлопка, на западных рынках. В ответ Чехословакия была готова нарастить поставки в Советский Союз товаров народного потребления⁸².

Делегация правительства ЧСР во главе с премьером Запотоцким выехала в Москву в том же месяце, и договоренность о расширении взаимной торговли в 1949 году более чем на 45 % была достигнута. СССР предоставил Чехословакии заем в золоте на сумму 132,5 миллиона рублей на десять лет под 2,5 % годовых.

Если в 1947 году доля СССР во внешней торговле Чехословакии составляла всего 6 %, то в 1948-м – уже 16 %.

Итоги первого года пребывания коммунистов у власти подвел открывшийся в Праге 25 мая 1949 года IX съезд КПЧ. Главный доклад перед 2068 делегатами с решающим голосом делал Готвальд, о пятилетнем плане говорил премьер Запотоцкий, вице-премьер Широкий докладывал об индустриализации Словакии, а главный идеолог партии Копецкий – о задачах партийной и идеологической работы коммунистов.

Так как в политическом плане в стране после всплеска оппозиционной активности летом – осенью 1948 года было довольно спокойно, Готвальд призвал сосредоточить все усилия на экономике: «Мы не перестанем упорно и терпеливо разъяснять всем трудящимся, что удерживать власть и не допустить возврата капиталистического государства означает в конце концов хозяйничать лучше, чем капиталисты»⁸³.

Готвальд дал оценку и февральским событиям 1948 года: «Одним из измышлений разбитой реакции являются выдвинутые ею задним числом лживые утверждения, что февральские события якобы подготовили мы. Наглядные факты доказывают совершенно обратное. Именно мы в правительстве и в Учредительном Национальном собрании настаивали на том, чтобы до последней буквы была выполнена правительственная программа, и именно реакция во все возрастающей степени саботировала выполнение правительственной программы... И не мы, коммунисты, вызвали в конце концов открытый правительственный кризис, а сделали это, как известно, двенадцать реакционных министров, которые заявлением об отставке создали правительственный кризис. Таким образом, до этого момента инициатива была в руках реакции. Конечно, то, что последовало за этим, уже не было заслугой реакции. К этому действительно приложили руку мы, коммунисты, и вместе с нами подавляющее большинство трудящихся города и деревни...

Вскоре после Февраля реакционные путчисты совершенно изобличили себя. Те их главаря, которые бежали за границу к своим хозяевам и оттуда ведут теперь грязную контрреволюционную и подрывную кампанию против республики, несколько не скрывают своих намерений. Их целью является не только реставрация капитализма, но одновременно подготовка войны против республики, отказ от национальной свободы и государственной независимости, то есть новый Мюнхен и новая оккупация. Еще раз подтверждается, что, желая вновь захватить власть в свои руки, буржуазия способна на самую подлую измену интересам нации, она способна изменить всему, что дорого и свято для народа»⁸⁴.

⁸² Петерс И. А. Внешняя политика Чехословакии (1945-1960 гг.). Киев, 1976. С. 60.

⁸³ История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 497.

⁸⁴ Клемент Готвальд. Избранное. Воспоминания о Клементе Готвальде. М., 1986. С. 241–242.

Говоря о готовящейся войне против республики, Готвальд и не подозревал, насколько он близок к истине. Первые залпы этой войны должны были вот-вот прозвучать.

В США с тревогой следили за несомненными успехами народно-демократических стран в экономической области. Западный бойкот, похоже, не возымел никакого действия, а, наоборот, еще теснее сплотил вокруг Москвы ее союзников.

Особенно разочаровала Даллеса Чехословакия. Эта страна была развитой, с высоким жизненным уровнем и, следовательно, по логике американцев, восприимчивой к западной системе ценностей. Однако коммунисты пришли в Праге к власти при поддержке подавляющего большинства населения, и страна успешно развивалась экономически, имея твердые заказы советского рынка. Никаких массовых репрессий Готвальд в ЧСР развязывать не собирався, что тоже было отнюдь не на руку Даллесу.

Уже в 1948 году у Даллеса в этой связи созрел план операции «Раскол» (Splinter Factor) по подрыву правящих в Восточной Европе коммунистических партий изнутри.

Среди правящих коммунистических элит народно-демократических стран американцы вычленили две условные группировки.

Одну из них составляли «москвичи», или «московиты». Это были те лидеры компартий, которые в годы войны находились в СССР (хотя фактор местонахождения был для американцев отнюдь не решающим) и были более склонны копировать при социалистических преобразованиях в своих странах советский опыт, включая такие ненужные после 1945 года вещи, как раскулачивание или массовые репрессии против классового врага.

Другую группу составляли, по американской терминологии, «национальные коммунисты» – те, кто в годы войны боролся на родине в подполье, сидел в нацистских застенках и был более независим от советской линии. Эти люди были популярны в своих странах и стремились идти к социализму собственным путем, учитывающим национальные особенности той или иной страны.

Сталин до 1949 года поддерживал «национальную» фракцию и предостерегал против бездумного копирования в Восточной Европе советского опыта. Именно поэтому страны возникающего социалистического лагеря именовались «народно-демократическими», а позднее просто «демократическими». Это означало, что диктатуры пролетариата в этих странах быть не должно, а в строительстве нового общества должен участвовать весь народ на равных условиях, а не только рабочий класс.

Именно такая линия и позволила чехословацким коммунистам без всякого принуждения привлечь на свою сторону большинство населения и одержать победу над своими противниками в феврале 1948 года абсолютно мирными, законными средствами.

Соответственно, цель операции «Раскол» состояла в том, чтобы скомпрометировать в глазах Сталина «национальных» коммунистов как предателей и скрытых агентов Запада. За этим должны были последовать массовые репрессии в духе советских чисток 30-х годов, и власть в восточноевропейских странах автоматически оказывалась в руках «московской» «антинародной» фракции. Та, как рассчитывали американцы, приступит к насильственной коллективизации, раскулачиванию, ограничению политических свобод, что вызовет справедливое недовольство населения и приведет в идеале к массовым восстаниям против дискредитированного таким образом социализма, причем как «советского», так и «национального».

План был поистине хорош. Размышляя об его осуществлении, Даллес вспомнил об одном своем давнем знакомом, с которым судьба довольно тесно свела его в Швейцарии в годы войны.

Нозль Филд родился 23 января 1904 года в Лондоне. Его отцом был американский гражданин, профессор биологии доктор Герберт Филд, матерью – англичанка. Родители

были не только истинными интеллигентами, но фанатичными квакерами и воспитывали сына в духе альтруизма и человеколюбия.

Во время Первой мировой войны Герберт Филд организовывал помощь голодающим Европы, а после окончания войны был назначен президентом Вильсоном в американскую комиссию по подготовке Парижской мирной конференции⁸⁵. Пример отца сыграл для Ноэля Филда определяющую роль в жизни.

Ноэль окончил школу в Цюрихе, куда его отца пригласили руководить научно-исследовательским институтом библиографии. После смерти Филда-старшего мать в 1921 году переехала с детьми в США. Ноэль и его брат Герберт поступили в престижнейший Гарвардский университет, открывавший перед любым его выпускником прекрасные карьерные перспективы.

В 20-е годы у Ноэля Филда сформировались левые социалистические убеждения, что было типичным для умных и думающих не только о себе молодых людей той эпохи. Большое впечатление на этого гуманиста и противника любой несправедливости произвела казнь в 1927 году двух молодых рабочих итальянского происхождения Сакко и Ванцетти, ложно и огульно обвиненных в вооруженном ограблении⁸⁶.

В 1925 году Филд женился на своей подруге детства из Швейцарии Герте Визер.

1 сентября 1926 года Ноэль Филд поступил на службу в государственный департамент, однако в течение нескольких лет его не посылали за границу, так как считали «политически незрелым». Под этой формулировкой имелись в виду слишком левые взгляды молодого дипломата. В 1929 году при работе над подготовкой материалов для лондонской конференции по вопросам военно-морского разоружения Филд впервые познакомился с коллегой по госдепартаменту Алленом Даллесом⁸⁷.

У Филда и Даллеса были разные политические убеждения, но в одном эти думающие оригинально чиновники не могли не согласиться. Оба считали, что в условиях роста мощи фашистских и агрессивных государств Америке следует отказаться от политики изоляционизма, вступить в Лигу Наций (штаб-квартира этой предшественницы ООН находилась в Женеве) и активно поддерживать всех, кто был готов бросить вызов Германии и Японии. Но если Филд считал так, будучи убежденным антифашистом и гуманистом, то для Даллеса Берлин и Токио были лишь опасными геополитическими противниками, от которых следовало бы избавиться, причем, по возможности, чужими руками, пусть даже это будет «рука Москвы».

В 1930 году Филд стал старшим советником по экономическим вопросам в западноевропейском подразделении госдепартамента. Он приветствовал победу на президентских выборах 1932 года демократа Франклина Рузвельта, обещавшего стране «новый курс» и защиту социальных прав обездоленных и безработных жертв «экономического чуда» 20-х годов. К тому же Рузвельт с самого начал повел жесткую линию в отношении гитлеровской Германии, а в 1933 году США наконец, последними из крупных стран, официально признали Советский Союз.

В 1933 году Филд подружился с юристом из министерства сельского хозяйства Алджером Хиссом, который станет после Второй мировой войны одной из главных мишеней антикоммунистической охоты на ведьм под предводительством сенатора Маккарти. Филд и Хисс дружили семьями. В том же 1933-м Филд познакомился с немецкими эмигрантами-антифашистами Паулем и Хеде Массинг.

⁸⁵ Hodos G. Schauprozesse. Stalinistische Säuberungen in Osteuropa 1948-1954. Berlin, 1990. S. 58.

⁸⁶ Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 126.

⁸⁷ Первый раз Даллес был в доме у Филдов еще в 1918 году в Швейцарии.

Австрийская актриса Хеде Массинг (урожденная Хедвиг Туне) была в первом браке замужем за видным деятелем компартии Германии Герхартом Айслером (Айслер работал по заданию Коминтерна в Китае и США), с которым она переехала в Берлин в 1921 году. Айслер с головой ушёл в партийную работу, став редактором центрального органа компартии Германии газеты «Роте Фане» («Красное знамя»). Жена бросила его и в 1927 году вышла замуж за американского коммуниста Юлиана Гумпертса, который, в отличие от Айслера, был к тому же и состоятельным человеком. Получив американское гражданство, Хеде рассталась и с Гумпертсом, выйдя замуж за социолога-марксиста Пауля Массинга. Нацисты бросили Массинга в концлагерь Заксенхаузен, но потом отпустили, и он с супругой эмигрировал в США.

В 1928 году во Франкфурте-на-Майне Хеде Массинг была привлечена для работы на советскую разведку известным агентом-нелегалом Рихардом Зорге. Переселившись в США, Хеде продолжала работу на разведку, выступая в качестве курьера для перевозки документов между Нью-Йорком и Лондоном. Еще более важной задачей этой талантливой женщины была вербовка агентуры среди прогрессивной американской интеллигенции.

После войны Массинг активно сотрудничала с комитетом Маккарти, поэтому ее данные о том, что она якобы пыталась привлечь к работе на НКВД Филда, следует рассматривать с максимальной осторожностью. Ведь Массинг выступала «коронным свидетелем» на процессе против Хисса, которого пытались представить резидентом ГРУ в США в 30-е годы. Утверждалось, что Хисс сам хотел завербовать Филда для ГРУ, и Массинг была ему здесь только помехой.

По данным Массинг, познакомившись в Филдом, она отговорила его от вступления в компартию США, желая привлечь этого перспективного чиновника госдепартамента к работе на советскую разведку. В этом случае членство в компартии было верным путем к провалу, так как за американскими коммунистами неотступно следило ФБР. Однако этому противоречит то, что Филд подал заявление в компартию, но оно было отклонено лидером американских коммунистов Эрлом Браудером якобы по указанию Москвы. Сам Браудер в 1944 году распустил компартию, а после войны активно сотрудничал с Маккарти и ФБР в разоблачении «коммунистического заговора» в США.

Массинг сообщала, что Филд отказался от ее предложения работать на НКВД. Сама Хеде якобы порвала связи с советской разведкой в 1938 году, когда только благодаря своему американскому гражданству смогла вырваться из Москвы и не стала жертвой репрессий.

Будучи с 1936 года сотрудником секретариата Лиги Наций, Филд в 1938-1939 годах работал представителем Лиги Наций в республиканской Испании и участвовал в репатриации оттуда бойцов интернациональных бригад. В Испании антифашистские взгляды Филда закалились окончательно. Он ненавидел Германию и даже отказался от должности руководителя германского отдела в госдепартаменте.

При разгроме Испанской республики в начале 1939 года Ноэль и Герта Филд подобрали в одном из лагерей во Франции и удочерили немецкую девушку Эрику Глазер, которая потеряла в суматохе всеобщего краха своих родителей. Те ушли с отступавшими войсками республиканцев, пока заболевшая дочь находилась в госпитале. Отец Эрики (наполовину еврей) был человеком левых убеждений и после прихода Гитлера к власти перебрался в Испанию, где занялся медицинской практикой. Во время гражданской войны он стал доктором в интернациональной бригаде.

В октябре 1940 года Филд в знак протеста против бездействия Америки в глобальной борьбе с фашизмом оставил государственную службу и стал в Марселе европейским представителем американской частной благотворительной организации Унитаристской универсалистской миссии⁸⁸. Супруги Филд помогали антифашистам и евреям покидать оккупиро-

⁸⁸ Унитаристы – это одна из многочисленных протестантских конфессий.

ванную гитлеровцами Европу, переправляя их в нейтральные страны. Филд организовал и службу медицинской помощи еврейским беженцам, а также детский сад для их детей.

Когда в ноябре 1942 года нацисты оккупировали юг Франции, Ноэль и Герта Филд смогли выехать в Швейцарию последним поездом. Филд был не только убежденным антифашистом, но и евреем, поэтому попади он в руки гестапо, его участь была бы предрешена.

В Женеве Филд продолжил свое благородное дело. В 1940 году унитаристы направили в Европу с проверкой целевого расходования средств Роберта Декстера. Декстер убедил центральную организацию унитаристов в США активизировать сбор средств и был назначен главой всех европейских миссий унитаристов со штаб-квартирой в Лиссабоне. Миссия Филда в Марселе подчинялась Декстеру.

Кстати, в 1937 и 1938 годах Декстер посещал Чехословакию, где была одна из самых крупных унитаристских организаций в мире (нацисты убили лидера чехословацких унитаристов Норберта Чапека в газовой камере в 1942 году).

В 1942 году Декстер был завербован американской разведкой – Отделом (а затем Управлением) стратегических служб (УСС), и ему присвоили оперативную кличку «Корн». Между тем в Берне появился резидент УСС Аллен Даллес, и Декстер заново представил Даллесу его бывшего коллегу Ноэля Филда. Даллес и Декстер предложили Филду сотрудничество: наиболее интересные для разведки беженцы из оккупированных гитлеровцами стран могли бы давать УСС ценную информацию.

Филд в соответствии со своими убеждениями стремился помогать, прежде всего, лицам с левыми взглядами, среди которых было много коммунистов, наиболее последовательных и активных противников Гитлера. Он передал просьбу Даллеса о предоставлении информации немецкому эмигранту-коммунисту Лео Бауэру, и тот согласился. Филд организовал встречу Бауэра и Даллеса. Даллес передал Бауэру вопросник и обещал финансовую поддержку.

Авторитет Филда в международном коммунистическом движении рос, и будущий президент ГДР, а тогда лидер компартии Германии Вильгельм Пик передал ему через видного швейцарского социалиста Дроза список немецких коммунистов, которых руководство КПГ просило выволить из оккупированной Франции.

Таким образом, через посредство Филда многие европейские коммунисты-эмигранты в годы войны превратились в источник информации для американской разведки и ее резидента в Швейцарии Даллеса.

И теперь, в 1949 году, Даллес знал, как сделать из этого компромат, а в идеале и смертный приговор.

Даллес не любил Филда, считая его тупым доктринером, и готов был пожертвовать им как пешкой в большой игре по дискредитации наиболее популярных коммунистов в восточноевропейских странах. Тем более что после войны ушедшего из разведки в тень Даллеса даже стали упрекать в том, что он через Филда финансировал европейских коммунистов, ставших теперь грозными врагами Америки.

Сам Филд после войны остался без работы (европейский офис унитаристов закрылся в 1947 году) – с его левыми убеждениями в маккартистской Америке делать ему было нечего. Его друга Хисса как раз начали судить как советского агента и центральное звено коммунистического заговора по подрыву Америки. В комиссии Маккарти Хисс подвергся особенно ожесточенным нападениям со стороны конгрессмена Ричарда Никсона – будущего президента США. Филд боялся, что если он вернется в США, то может тоже оказаться на скамье подсудимых. Есть данные, что Филд опасался, что ФБР похитит или даже убьет его⁸⁹.

⁸⁹ http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000028650/DOC_0000028650.pdf.

Он пытался устроиться на работу в Восточной Европе, желательно в Польше, Чехословакии или Восточной Германии, преподавателем в университете или сотрудником научно-исследовательского института, используя знакомства с коммунистами, которым он помог в годы войны.

Филд хотел обосноваться в Праге в 1947 году. Его с восторгом встретила жена жившего в Праге видного немецкого журналиста-коммуниста Эгона Эрвина Киша. Супруги Филд знали семью Киша еще по Испании, где тот, как и Хэмингуэй или Кольцов, отдал свое перо публициста на службу республиканцам. Киш был в командировке, но его жена Гизела обещала обязательно поговорить с ним о судьбе Филда.

Но, к несчастью последнего, Киш умер в мае 1948 года. После этого Филды снова приезжали в Прагу, где жили у вдовы своего друга. Там сложился кружок интеллектуалов, знакомых еще по Испании или обязанных Филду жизнью в годы войны. Среди тех, кто навещал Филда у Гизелы Киш, был, например, Андре Симоне, внешнеполитический редактор центрального органа КПЧ газеты «Руде Право». Встречался Филд в чехословацкой столице и с Людвигом Фрейкой – заведующим экономическим отделом ЦК КПЧ. Ни Фрейка, ни Симоне еще не знали, что эти встречи скоро будут стоить им жизни.

В сентябре 1948 года навестить старого друга в Праге приехал из советской зоны оккупации Германии немецкий коммунист Лео Бауэр, которого Филд когда-то свел с Даллесом.

В ноябре разрешение на пребывание Филдов в ЧСР закончилось, и им пришлось вернуться в Швейцарию. Но пражские знакомые обещали в самом ближайшем будущем выхлопотать для Филда место профессора Карлова университета.

В январе 1949 года Ноэль Филд прилетел в Варшаву. Польская госбезопасность отнеслась к Филду подозрительно. Его брат Герман перед войной работал в польском городе Катовице в британском комитете по оказанию помощи беженцам из Чехословакии, созданным либерально настроенным лордом Литтоном для помощи чехам, которые хотели эмигрировать через Польшу после оккупации Чехии и Моравии вермахтом в марте 1939 года. В 1948-1949 годах польская госбезопасность считала «Британский комитет» подразделением английской разведки.

Тем не менее, Филду дали польскую визу, и в Варшаве на него обратил внимание полковник госбезопасности Йозеф Святло (настоящие имя и фамилия Исаак Фляйшфарб, Святло он стал с 1943 года, взяв фамилию жены).

Выходец из бедной семьи, Святло в ранней юности был активистом сионистского движения, а в 18 лет вступил в подпольную компартию. В 1938 году его призвали в армию, после начала Второй мировой войны он попал в немецкий плен, бежал и оказался в СССР. Там Святло вступил в сформированную польскую воинскую часть генерала Зигмунда Берлинга, где преобладало влияние коммунистов. Святло стал офицером-политработником, а после окончания войны – одним из ведущих сотрудников 10-го управления министерства госбезопасности, которое возглавлял Анатолий Фейгин. Управление занималось поиском возможных врагов среди партийного и государственного аппарата. Оно замыкалось на члене политбюро Польской объединенной рабочей партии (ПОРП, так с 1948 года называлась правящая коммунистическая партия Польши) Якове Бермане, который уже имел прямой выход на лидера народной Польши Болеслава Берута.

В 1948 году успешный офицер МГБ Святло сам предложил свои услуги британской разведке. Та вышла с ним на связь в Варшаве, но потом передала американцам. Англичане никак не могли понять, что движет Святло, и подозревали, что он двойной агент, подставленный русскими. Полковник, естественно, говорил о разочаровании в коммунизме, но на самом деле им, вероятно, руководили карьеристские мотивы. Он хотел свалить своего начальника Фейгина и возглавить 10-е управление.

От англичан о такой находке, как Святло, стало известно Даллесу. В Варшаву для установления контактов с ценным агентом был отправлен сотрудник ЦРУ. Теперь Даллес располагал всеми исходными данными для операции «Раскол». Филда надо было представить как резидента американских спецслужб, который еще в годы войны завербовал практически всех «национальных» коммунистов в Восточной Европе. А Святло должен был довести через Берута эту сфабрикованную информацию до Сталина и запустить маховик массовых репрессий в странах народной демократии.

Филд встретился в Варшаве с привлекательной женщиной «бальзаковского возраста» Анной Дурач, с которой вместе он работал в годы войны в Швейцарии. Теперь Дурач была секретарем самого Якова Бермана, и Святло осознал свой шанс: можно было попытаться с помощью «американского резидента» Филда и его «агента» Дурач свалить не только Фейгина, но и самого Бермана. Святло написал своим американским хозяевам запрос, можно ли использовать Филда, чтобы покончить с Берманом, и не является ли Филд, случаем, и в самом деле агентом американской разведки.

Филд просил Дурач помочь с работой, и та предложила ему написать письмо на имя Бермана, что он и сделал. Берман в ловушку лезть не захотел, но все же ответил Филду вежливым уклончивым письмом. Пока Дурач задействовала все свои связи, Ноэль Филд решил пока слетать в Прагу. Он настолько был уверен, что скоро вернется в польскую столицу, что даже оставил в Варшаве свои книги.

Между тем в ЦРУ с подачи Даллеса решили, что Берман – слишком мелкая мишень и дискредитировать стоит как можно больше руководящих коммунистов по всей Восточной Европе, тем более что во всех этих странах имелись друзья или знакомые Филда по войне. Это была идеальная, полностью готовая «шпионская сеть». Ведь Филд когда-то (и не так уж давно) был на связи с Даллесом в Берне и передавал УСС информацию, переправляя информаторам-коммунистам деньги американской разведки.

Святло передали указание из Вашингтона: начать с помощью компрометации Филда и его знакомых времен войны сколачивать сеть «агентов» США и «титоизма» (ненависть Сталина к Тито, которого советский вождь считал предателем, тоже бралась американцами в расчет) по всей Восточной Европе.

Святло составил докладную записку на эту тему, которая через польское руководство стала известна в Москве.

В марте 1949 года представитель МГБ в советской зоне оккупации Австрии генерал Михаил Ильич Белкин⁹⁰ (будучи с июня 1947 года начальником управления МГБ при Центральной группе войск, то есть группировке советских войск в Австрии, он курировал работу МГБ в странах Центральной и Юго-Восточной Европы) вызвал к себе главу госбезопасности Чехословакии Йиндржиха Веселый (он занимал этот пост в рамках МВД в 1948-1950 годах).

⁹⁰ Родился в 1901 году, работал учеником токаря. В 1918 году вступил в Красную армию, где служил в конной разведке на Южном фронте. Член компартии с 1918 года. С этого же года занимал различные должности в военной контрразведке. С 1930 года – во внешней разведке, в 1930-1932 годах работал в Северном Китае и Иране. Вновь работал в Китае в 1935-1938 годах. После начала войны был руководителем особых отделов ряда корпусов на Западном и Северо-Западном направлениях (фронтах). После образования в 1943 году военной контрразведки СМЕРШ был ее уполномоченным на Северо-Кавказском и 3-м Прибалтийском фронтах. Был освобожден от должности в декабре 1944 года. С марта 1945 года работал в Союзной контрольной комиссии (СКК) в Венгрии. После назначения бывшего руководителя СМЕРШ Абакумова министром государственной безопасности Белкин как «человек нового министра» был назначен первым заместителем руководителя Первого главного управления (ПГУ, внешняя разведка) МГБ СССР. Арестован по «делу Абакумова» в сентябре 1951 года. Освобожден в 1953 году, уволен из органов госбезопасности, а в 1954-м лишен воинского звания «как дискредитировавший себя во время работы». В 1966 году по ходатайству КГБ СССР лишение звания было заменено понижением в звании до полковника. После освобождения из тюрьмы работал на заводе токарем. Умер в 1980 году.

К тому времени британская разведка подставила Белкину данные о том, что резидент ЦРУ в Европе Филд якобы переманивает наиболее ценных британских агентов в Восточной Европе в американскую разведку, причем наиболее активен именно в Чехословакии.

Эта «деза» совпала с такой же «дезой» по линии Святло, и Белкин решил захватить опасного американского резидента.

Белкин попросил Веселый заманить Филда в Прагу, где у того много было знакомых, и арестовать его. Чехословацкая госбезопасность отнеслась к этой просьбе без энтузиазма, но спорить с Белкиным не стали. Тем более что Белкин действовал по приказу Берии, и в курсе «дела Филда» был сам Сталин.

В апреле 1949 года Филд получил в Женеве письмо из Праги, в котором его приглашали срочно прибыть в столицу Чехословакии, чтобы получить место в научно-исследовательском институте⁹¹. Супруги Филд были в восторге – они любили Прагу, этот уютный старинный европейский город с богатыми интеллектуальными традициями, в том числе и еврейскими. Ноэль решил, что сначала поедет в Прагу один, устроится и вызовет жену.

В четверг 5 мая Филд вылетел в Прагу из Парижа, на удивление быстро получив въездную визу. Он устроился в отеле «Палац». В этот же день представитель органов венгерской госбезопасности полковник Эрне Сюч попросил Веселый арестовать Филда и передать его венгерской стороне. Сюч напирал на то, что так хочет генерал Белкин. Однако Веселый не стал торопиться и решил переговорить с Готвальдом. Разговор состоялся 11 мая 1949 года, и президент ЧСР рассудил следующим образом: если Белкин этого так хочет, придется согласиться. Однако Готвальд все же потребовал, чтобы лидер Венгрии Ракоши прислал официальный запрос на арест Филда. Ракоши сделал это 9 мая 1949 года.

8 мая 1949 года Филд позвонил жене и просил ее поскорее приехать – ему было тяжело питаться в ресторанах (у Филда были проблемы с желудком, и он соскучился по домашней пище).

12 мая утром Филд отправился на прогулку по любимой Праге. Перед самой Вацлавской площадью его остановили двое мужчин. Удостоверившись, что перед ними Филд, незнакомцы пригласили американца в стоявшую неподалеку легковую машину. Через двое суток администратор гостиницы «Палац» получил от Филда с чехословацко-венгерской границы телеграмму, в которой говорилось о желании гостя освободить номер. Вещи Филда, как и говорилось в телеграмме, вскоре забрал некий Рене Киммел.

Тем самым операция, задуманная Даллесом, вступила в финальную фазу.

Отправным пунктом операции «Раскол» избрали Венгрию как самое слабое звено формирующегося социалистического лагеря.

Для этого был целый ряд причин. В 1919 году в Венгрии при помощи чехословацких и румынских войск была жестоко подавлена просуществовавшая 133 дня Венгерская советская республика. Жертвами «белого террора» после этого стало большинство венгерских коммунистов. Во время диктатуры Хорти (1920-1944 годы) компартия Венгрии была вынуждена работать в глубоком подполье, но тем не менее из-за засылаемых полицией (а позднее гестапо) в ее ряды провокаторов несла большие потери. Все это ожесточило венгерских коммунистов, которые после войны стремились отомстить всем тем, кто мучил и убивал их товарищей до 1945 года.

К тому же Венгрия в отличие от Чехословакии была отсталым аграрным государством, где среди населения были очень сильны антисемитские и антиславянские предрассудки. Миллионы венгров ненавидели Россию как «исторического врага», подавившего своими войсками национальную революцию Лайоша Кошута против Австрии в 1848-1849 годах. Венгры были в Австро-Венгрии (в отличие от чехов или словаков) привилегированной

⁹¹ http://www.czech-press.cz/index.php?option=com_content&view=article&id=1477%3Astalinova-rukojmi&Itemid=4.

нацией и сильно переживали потерю славянских территорий (в составе Австро-Венгрии в королевство Венгрия входила не только Словакия, но и Хорватия и часть Сербии) и великодержавного статуса после 1918 года.

Поэтому в Венгрии положение компартии после 1945 года было непрочным, и она не смогла победить на парламентских выборах, хотя и показала неплохой результат.

18 мая 1949 года начались первые аресты среди высшего партийно-государственного руководства Венгрии. Операцией руководили специалист по Венгрии генерал Белкин и глава венгерской госбезопасности Габор Петер. Первым взяли руководителя отдела кадров ЦК венгерской компартии Тибора Соньи (Сеньи). Соньи (еврей по национальности) во время войны работал в клинике в Швейцарии и принадлежал к группе венгерских коммунистов в составе 14 человек, получавших помощь от Филда. Естественно, что арестовали всех «членов группы Соньи» как «филдистов», то есть агентов «ближайшего подручного Даллеса – Филда».

Однако целью Даллеса был отнюдь не Соньи – человек все же из «второго эшелона» венгерской компартии. Венгрией фактически управляла в то время «пятерка» в составе Матьяша Ракоши (генеральный секретарь ЦК Венгерской партии трудящихся – так называлась тогда компартия), Эрне Гере, Михая Фаркаша, Йожефа Реваи и Ласло Райка.

Ракоши в Венгрии многие не любили за то, что он был еврей, женился на русской (Феодоре Федоровне Корниловой, уроженке Якутии) и всю войну провел в СССР, вернувшись на родину вместе с Красной армией. В свою очередь, и самому Ракоши было в чем упрекнуть родину. Он входил в состав правительства Венгерской советской республики и после ее разгрома был вынужден бежать за границу. В 1924 году нелегально возвратился в Венгрию, но в 1925 году был арестован и едва не приговорен к смертной казни. После протестов многих видных представителей европейской интеллигенции, например Роллана, Ракоши дали восемь лет тюрьмы. Однако после отбытия срока в 1934 году его опять приговорили к пожизненному заключению в каторжной тюрьме. В 1940-м правительство СССР обменяло Ракоши на венгерские знамена, захваченные русской армией при подавлении венгерской революции 1848-1849 годов. Доверие Сталина к Ракоши было безграничным, ведь этот человек рисковал за свои коммунистические убеждения жизнью.

Кроме Ласло Райка, все члены «пятерки» были евреями и «москвичами», то есть во время войны находились в Советском Союзе. Поэтому выбор Райка на роль главной жертвы венгерской части операции «Раскол» был логичен.

Райк родился в 1908 году. Еще студентом Будапештского университета в 1930-м он примкнул к коммунистам. Познакомился с марксизмом во Франции, где учился на филолога. За коммунистическую деятельность Райка исключили из университета, и он работал на стройке, став видным профсоюзным деятелем рабочих-строителей. В 1936 году, опасаясь преследований за организованную им мощную забастовку, Райк эмигрировал в Чехословакию. В 1937-1939 годах сражался в Испании, будучи политическим комиссаром батальона венгерских добровольцев имени Ракоши.

После падения Испанской республики в 1939 году был интернирован во Францию, откуда бежал. В 1941 году нелегально вернулся на родину, где возглавил фактически подпольный ЦК венгерской компартии. В декабре 1944 года после оккупации Венгрии вермахтом и прихода к власти венгерского фашистского движения «Скрещенные стрелы» был арестован и передан гестапо. Однако жизнь ему спас его старший брат Эндре, который был статс-секретарем в фашистском правительстве лидера «Скрещенных стрел» Ференца Салаши. Райка спасли от казни тем, что отправили в Германию, в тюрьму под Мюнхеном. После освобождения Венгрии Райк стал членом политбюро венгерской компартии и министром внутренних дел.

Райк был человеком, искренне преданным идеалам коммунизма. В Венгрии его любили за то, что он венгр, «не москвич», говорит народным грубоватым языком и имеет репутацию неподкупного политика.

А значит, именно Райк мог сделать коммунизм в Венгрии «национальным» и популярным среди населения. Этого Даллес допустить не мог.

Весной 1948 года через венгерских эмигрантов в Швейцарии ЦРУ передало венгерскому посланнику в этой стране дезинформацию о том, что Тибор Соньи и Ласло Райк еще с войны являются агентами американской разведки. После этого в августе 1948 года на тайном совещании «пятерок» (но без Райка) было решено переместить Райка до выяснения подозрений с ключевого поста шефа МВД, которому подчинялась и госбезопасность, на пост министра иностранных дел. Новым министром внутренних дел стал друг Райка Янош Кадар (в 1956-1988 годах – руководитель Венгрии; настоящая фамилия – Черманек, партийный псевдоним Кадар означает «бондарь»).

Однако ЦРУ не оставило попыток скомпрометировать Райка. На многочисленных пресс-конференциях в госдепартаменте, а также в МИД Франции и британском Форин Офис Райка «хвалили» как «национального коммуниста-патриота», который в Венгрии противостоит Москве и ее марионетке Ракоши. В западной прессе публиковались сфабрикованные ЦРУ ложные материалы о «разногласиях» Райка и Ракоши. Назначение Райка министром иностранных дел трактовали как кару за его «национальные» и «независимые» убеждения.

ЦРУ организовало посылку Райку массы писем от его друзей и доброжелателей с Запада, например от бывших бойцов Интернациональных бригад в Испании. В этих письмах (которые, как и рассчитывало ЦРУ, перлюстрировались госбезопасностью Венгрии) Райка поздравляли с его мужественной позицией по противодействию «диктату Москвы». На самом деле все эти письма писал один нанятый ЦРУ человек – профессор Джорджтаунского университета в Вашингтоне⁹².

Примерно в это же время венгерская госбезопасность перехватила несколько писем «Петеру от Вагнера». Из писем можно было легко догадаться, что «Вагнером» является либо Аллен Даллес, либо Филд, а «Петером» – Тибор Соньи. В одном из писем как бы мимоходом был упомянут Райк как главный связной Соньи. Тем самым связь Соньи – Райк была сконструирована и подброшена Белкину и Габору Петеру.

Так как первый залп против Райка не достиг цели, то помимо дезинформации Белкину по линии Святло и британской разведки в начале 1949 года швейцарская газета «Ди Тат» со ссылкой на брата Аллена Даллеса Джона Фостера Даллеса опубликовала «утечку информации» о некой начатой американцами операции «Икс». Целью этой операции якобы являлось проникновение американской агентуры в высшее руководство восточноевропейских стран. По словам Джона Фостера Даллеса, операция развивалась более чем успешно.

Показания Ноэля Филда, причем абсолютно правдивые, о том, что Тибор Соньи получал деньги от американской разведки в годы войны, привели к сотням арестов в Венгрии. Соньи действительно получил через Филда от Даллеса 4 тысячи швейцарских франков на расходы своей эмигрантской группы. Было обнаружено письмо Соньи в УСС в Белграде, в котором он просил помощи американцев, чтобы вернуться в Венгрию.

Соньи под пытками оговорил Райка. 30 мая 1949 года, на следующий день после дружеского обеда у Ракоши, Райка арестовали в собственном доме.

Первоначально Райк ни в каком шпионаже не признавался. Белкин сообщил в телеграмме министру государственной безопасности СССР Абакумову 20 июня 1949 года, что, по показаниям Соньи и Филда, арестовано до 40 человек, однако эти показания «сомни-

⁹² Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 204–205.

тельны»⁹³. Белкин критиковал венгерских «товарищей» за то, что они применяют к арестованным пытки и «необъективно и провокационно» записывают их показания: «Стоит арестованному назвать какую-нибудь фамилию в качестве своего знакомого, как следователь приписывает этой фамилии „шпион“, „троцкист“ и т. п. . . . На объективные замечания нашей агентуры в МВД Венгрии о недопустимости таких „методов“ внимания не обращается»⁹⁴. Белкин считал, что пока из всех допросов можно сделать один вывод: показания Филда о стремлении Даллеса внедрить в элиту восточноевропейских стран своих людей – «правильны», а вот что касается конкретных фамилий, то требуется серьезная проверка выбитых из арестованных «показаний».

Ракоши, похоже, и сам запутался в деле Филда и решил свалить всю ответственность на Москву. 20 июня 1949 года он попросил Сталина прислать в Венгрию советников по линии госбезопасности. В тот же день Абакумов пришел к Сталину. Было решено направить в Венгрию Белкина и Макарова⁹⁵, чтобы объективно разобраться в «деле Филда».

На допросах Райка били так, что он не мог стоять, и его приковывали к стене. Но «сломався» он после того, как в камере его посетил его друг Кадар (во время войны жена Райка спасла Кадару жизнь) и уговорил ради партии признаться во всем, что ему инкриминируют Белкин и Габор Петер. В этом случае, мол, смертный приговор будет фикцией, и Райк сможет до конца жизни наслаждаться отдыхом в Крыму.

Как только Белкин (из Вены) и Макаров (из Москвы) прибыли в Будапешт, они изучили «показания» арестованных по делу Филда, которые в сообщении в Москву охарактеризовали как «фантастические» и полученные под пытками. Но Ракоши на тот момент существо дела уже не интересовало. Он принял Белкина и Макарова 4 июля 1949 года и сообщил им, что процесс Райка политически необходим для очистки Венгрии от националистического и титоистского подполья.

Сталин изучил материалы Белкина (он послал в Москву протоколы допросов арестованных, переведенные на русский язык) и 8 июля 1949 года под фамилией Филиппов говорил по телефону с Ракоши, который даже не понял, кто звонит ему из Москвы. Ракоши просил «Филиппова» выдать из Москвы в Будапешт бывшего югославского дипломата Бранкова⁹⁶, который должен был символизировать связь группы Райка с «титоистами». Однако «Филиппов» ограничился допросом Бранкова в Москве, и Ракоши был передан протокол этого допроса. Белкин сообщил Абакумову 9 июля 1949 года, что после разговора с «Филипповым» (сам Абакумов разъяснил Ракоши, кто это был) Ракоши «значительно меньше „хочет крови“ в деле Райка»⁹⁷.

Но Ракоши давил на Сталина и, в конце концов, смог убедить его, что группа Райка только звено созданной американцами и Тито глобальной шпионской сети в странах народной демократии. И 15 июля 1949 года Бранкова передали в Будапешт.

20 августа 1949 года Ракоши вызвали в Москву, и он более двух часов беседовал со Сталиным. Сталин и Ракоши вместе согласовали окончательный текст обвинительного заключения по делу «группы Райка». Причем Сталин выразил мнение, что смертный приговор в этом деле является излишним. Ракоши с этим согласился. По итогам визита Ракоши было решено направить в Венгрию уже постоянную группу советских советников по линии госбезопасности из 12 человек (Макаров и Белкин считались временно командированными).

⁹³ <http://dare.uva.nl/document/106770>.

⁹⁴ <http://dare.uva.nl/document/106770>.

⁹⁵ Н. И. Макаров – начальник 2-го главного управления МГБ СССР.

⁹⁶ После разрыва между СССР и Югославией югославский дипломат Лазар Бранков остался в Москве и попросил политического убежища.

⁹⁷ <http://dare.uva.nl/document/106770>.

В четверг 16 сентября 1949 года в здании профсоюза рабочих-металлистов в Будапеште начались заседания Народного суда (среди судей помимо профессионального юриста были рабочий, крестьянин, журналист – поэтому суд и носил название «народного») по делу «группы Райка»⁹⁸. В ложе для почетных гостей был и полковник польской госбезопасности и американский агент Святло.

Процессом за кулисами дирижировали Белкин и Макаров, отрабатывая с подсудимыми конкретные показания. В телеграммах Абакумову они жаловались на Ракоши и Кадара, которые вносят сумятицу в судебное заседание, требуя от подсудимых все новых и новых самоублачений. Например, Ракоши настаивал на том, чтобы Соньи и Райк дали дополнительные показания по Чехословакии⁹⁹.

О ходе процесса в Будапеште постоянно информировали Сталина.

Райк заученно признался в том, что работал на Филда – Даллеса, французскую разведку, гестапо и «титовистов».

О Филде Райк сказал следующее: «Это произошло в пересыльном лагере в Берне. Американский гражданин по имени Филд, являющийся, насколько мне известно, главой американской разведывательной службы в Центральной и Восточной Европе, посетил меня. Он сказал мне, что с удовольствием направит меня домой... Я должен буду работать в партии в соответствии с инструкциями, получаемыми от американцев, дезорганизовывать и разлагать партию, а по возможности даже добиваться перехода руководства партией в свои руки»¹⁰⁰.

О Филде на процессе говорил и Соньи:

«...Во время войны в Швейцарии проживало большое число политических эмигрантов почти из всех стран Центральной и Восточной Европы. Среди них было много коммунистов. Среди всех этих левых политических эмигрантов активную работу проводили разведывательные органы Англии и особенно США. Американская военно-стратегическая разведка, так называемое Управление стратегических служб, имела свой европейский центр в Швейцарии. Его возглавлял Аллен Даллес. Летом 1944 года... стало очевидно, что часть стран Центральной и Восточной Европы будет освобождена советскими войсками. В то время американская разведывательная служба сосредоточила свое внимание на вербовке шпионов из числа эмигрантов, особенно из числа коммунистов. Целью всего этого была засылка этих людей на территории, освобожденные советскими войсками, для проведения там подпольной деятельности против коммунистических партий. Развив эту деятельность, шпионская организация установила контакт со мной.

Главным помощником и ближайшим сотрудником Даллеса в вербовке шпионов из числа политических эмигрантов был Ноэль Филд. Официально он являлся главой американской организации помощи в Швейцарии... В его обязанности как главы организации помощи входило оказание финансовой помощи политическим эмигрантам. Моя официальная вербовка как американского шпиона состоялась в конце ноября 1944 года в Берне. На этой встрече Даллес подробно объяснил мне свою политическую концепцию на период после войны. Он сказал мне, что коммунистические партии станут, по-видимому, правящими партиями в ряде восточных стран, которые будут освобождены советскими войсками. Поэтому работу в поддержку проамериканской ориентации и за проведение политики сотрудничества с США надо проводить прежде всего внутри коммунистических партий. Он спросил меня о моих возможностях проникнуть в коммунистическую партию Венгрии.

⁹⁸ Помимо самого Райка и Соньи в «группу» входили начальник генштаба и заместитель министра обороны генерал Палфи, бывший сотрудник югославского посольства в Будапеште Бранков (который после начала советско-югославского конфликта решил не возвращаться на родину), заместитель Соньи Салаи, полковник госбезопасности Бела Коронди, заместитель руководителя венгерского комитета по радиовещанию Юстуси Милан Огненович.

⁹⁹ <http://dare.uva.nl/document/106770>.

¹⁰⁰ Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 213–214.

После того, как я дал ему необходимую информацию, он поставил передо мной некоторые задачи. На этой встрече в конце ноября 1944 года между нами не было разногласий в вопросе о моем сотрудничестве, и я полностью был согласен с точкой зрения, изложенной Алленом Даллесом. Тем не менее он считал необходимым показать мне с целью запугивания мою расписку, данную ранее Ноэлю Филду... за полученную финансовую помощь. Я согласился, что после возвращения домой я буду сохранять с ним связь, причем моим псевдонимом будет имя «Петер», а его – «Вагнер»¹⁰¹.

14 сентября 1949 года в телеграмме Сталину Ракоши сообщил о предложении суда приговорить семерых обвиняемых к смерти, заметив, что с его точки зрения семь смертных приговоров – слишком много. В ответном послании от 22 сентября Сталин писал, что отказывается от своего первоначального мнения по Райку и считает, что его все же надо казнить, так как с учетом тяжести предъявленных обвинений любой другой приговор «не будет понят народом»¹⁰².

24 сентября народный суд в Будапеште объявил приговор по делу «группы Райка». Райка, Соньи и Салаи казнили 14 октября на виселице в одной из тюрем Будапешта. В 1956 году перезахоронение останков торжественно реабилитированного Райка станет для ЦРУ поводом для организации массового антикоммунистического восстания в Венгрии.

Ранее Сталин в переписке с Ракоши отметил, что если по делу Райка появятся материалы, затрагивающие другие компартии восточноевропейских стран, то их (партии) надо проинформировать. Ракоши передал своим коллегам из Восточной Европы добытый следователями компромат на 353 граждан Чехословакии, 71 австрийца, 40 немцев, 33 румына, а также граждан СССР, Польши и Болгарии.

Еще до процесса Райка в Польше Святло стал проводить аресты «филдистов», и для этого ему понадобился другой Филд – брат Ноэля Герман.

Так как Герман Филд, как уже упоминалось, в 1939 году помогал чешским беженцам через британскую организацию Czech Refugee Trust Fund, Даллес и Святло рассчитывали через него запустить маховик политических репрессий не только в самой Польше, но и в Чехословакии.

Между тем жена Ноэля Филда Герта примерно два месяца не предпринимала никаких усилий по поиску мужа, думая, что он очень занят обустройством на новом месте в Праге. Однако в июле 1949 года она связалась с Германом, и они решили вылететь в Прагу, чтобы разыскать там Ноэля. Герта и Герман встретились в Париже. В Праге Филды остановились в том же отеле «Палац» и стали безуспешно наводить справки о Ноэле, который словно сквозь землю провалился.

Герман решил вылететь в Варшаву, чтобы попытаться что-нибудь выяснить там. Из польской столицы Герман Филд на день хотел вернуться в Прагу, а затем вылететь в США через Лондон, где его ждала супруга-англичанка Кейт с двумя детьми. 22 августа 1949 года гражданин США, архитектор, 39-летний Герман Филд зарегистрировался в варшавском аэропорту на самолет «Чехословацких авиалиний» до Праги. При паспортном контроле у него отобрали паспорт, пообещав вернуть в самолете. Затем что-то не понравилось таможеннику в его чемодане, и Филда пригласили проследовать в специальную комнату досмотра. Больше Германа Филда никто не видел, а его фамилия исчезла из списка пассажиров рейса Варшава – Прага.

Жена Германа Кейт, не обнаружив мужа в самолете, прилетевшем в Лондон из Праги, немедленно обратилась в американское посольство в Лондоне с просьбой выяснить судьбу мужа. То же самое решила сделать Герта Филд в Праге 25 августа 1949 года. На следующий

¹⁰¹ Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 215–217.

¹⁰² <http://dare.uva.nl/document/106770>.

день Герта, так же как и ее муж, бесследно исчезла из отеля «Палац». 27 августа чехословацкая госбезопасность передала ее своим венгерским коллегам.

Посольство США в Варшаве получило от польских властей краткий ответ: Германа Филда на территории Польши нет.

На самом деле его уже активно допрашивал Святло. Мечта американского агента начала сбываться. На основании показаний Филда-старшего была арестована секретарь Якова Бермана Анна Дурач, а самого некогда всесильного куратора польской госбезопасности спас от неминуемой смерти лидер Польши Болеслав Берут. Вслед за Дурач в тюрьмы по приказам Святло были заключены сотни «филдистов».

Между тем главной целью Даллеса, пока еще не охваченной операцией «Раскол», оставалась Чехословакия. Ведь именно в Чехословакии коммунизм был «мягким» и пользовался поддержкой большинства населения, чего на тот момент нельзя было сказать ни о Венгрии, ни о Польше. В отличие от венгерских и польских коммунистов, которые до войны находились на нелегальном положении и подвергались преследованиям в своих странах, компартия Чехословакии до 1939 года была массовой легальной партией и мощной парламентской силой. Лидер КПЧ Готвальд принадлежал к политической элите страны, и с ним советовался даже президент Бенеш.

Хотя почти все лидеры чехословацкой компартии в годы войны находились в Москве и поэтому могли бы быть причислены к «москвичам», они в силу своего довоенного опыта не хотели никаких излишне жестких реформ в стране на пути к социализму. И в этом их полностью поддерживал Сталин.

Поэтому дискредитация социализма с человеческим лицом в Чехословакии имела для ЦРУ принципиальное значение. Для этого Святло и его венгерские коллеги активно искали связи «филдистов» и «группы Райка» с «единомышленниками» в Чехословакии.

На процессе в Будапеште Тибор Соньи среди прочего сказал следующее: «В том, что касается Чехословакии, у меня есть конкретные сведения о том, что там американской разведкой создана тайная организация, в частности, я имею в виду личность Павлика...»¹⁰³

Имя Гейзы Павлика выудили из Соньи в первые дни после ареста. Он назвал супругов Павлик связниками Филда в Чехословакии и активными троцкистами. Павлик действительно жил во время войны в Швейцарии и получал от Филда финансовую помощь.

В годы гражданской войны Павлик сражался в рядах Красной армии. Он участвовал в венгерской революции 1919 года, а до войны активно работал в компартии Словакии. После Мюнхенского сговора Павлик вместе со своей женой Шарлоттой эмигрировал в Швейцарию, где вошел в группу эмигрантов, получавшую от Нозля Филда финансовую помощь. После 1945 года Павлик вернулся в ЧСР и собирал там экономическую информацию для благотворительной организации Филда, причем делал это с санкции властей. Павлик был человеком общительным и остроумным, у него было много друзей, и, в конце концов, его назначили директором государственной туристической компании «Чедок».

Помимо Павлика Соньи назвал еще около 60 фамилий граждан ЧСР, которые были связаны с Филдом. Венгерская и польская госбезопасность требовали от чехословацких коллег немедленно приступить к арестам «чехословацких филдистов». Ведь если бы «подручные» Филда в ЧСР остались на свободе, это поставило бы под вопрос виновность их «коллег» в Польше и Венгрии, а значит, и всю операцию «Раскол».

24 июня 1949 года Ракоши передал Готвальду список 65 англо-американских шпионов в Чехословакии, среди которых были два члена политбюро ЦК КПЧ: министр внутренних дел Вацлав Носек и министр иностранных дел Владо (Владимир) Клементис¹⁰⁴. Для Даллеса

¹⁰³ Hodos G. Schauprozesse. Stalinistische Säuberungen in Osteuropa 1948-1954. Berlin, 1990. S. 107.

¹⁰⁴ Клементис родился в 1902 году. В 1921 году он поступил на юридический факультет пражского Карлова универ-

Носек был неудобен тем, что на посту шефа МВД не проводил в стране массовых репрессий, а работавшая под его контролем госбезопасность успешно боролась с американской разведкой. Клементис был еще более неудобен для США: он, что нечасто в то время встречалось среди коммунистов, имел блестящие светские и дипломатические манеры и пользовался уважением как профессионал у большинства своих западных коллег.

Руководство Чехословакии явно не проявило никакого желания арестовать переданных Ракоши «шпионов».

После получения от венгров досье с материалами допросов Соньи 30 июня 1949 года супругов Павлик все же арестовали, однако Готвальд и генеральный секретарь ЦК КПЧ Сланский решили образовать партийную комиссию для тщательного и объективного расследования всех обвинений. Комиссию возглавил Ладислав Копржива, отвечавший за кадровую политику партии. Вместе с ним работали шеф чехословацкой госбезопасности Веселый и его заместитель Карел Шваб.

Павлика передали венграм, но уже через месяц потребовали его возвращения на родину. Там Павлик отказался от всех признаний, которые из него выбила венгерская госбезопасность, и в Праге ему были склонны верить. Тогда для давления на КПЧ подключили «тяжелую артиллерию».

3 сентября 1949 года Ракоши направил Готвальду через специального представителя Биро личное секретное послание, в котором, в частности, говорилось: «Через две недели мы начнем суд над первой группой обвиняемых по делу Райка. Обвинительное заключение будет опубликовано через неделю. В связи с этим мы столкнулись со следующей трудностью: если мы в эту группу включим шпионов, направленных из Англии в Венгрию, то станут известны десятки чешских имен, которые Вы тоже знаете. Все эти люди сейчас на свободе, и все эти сведения окажутся неожиданными для чешской общественности. Можно предвидеть, что при подобных обстоятельствах эти люди, названные во время судебного процесса, будут решительно протестовать против того, что было сказано на суде. Это привяжет их к титоистам, которые, безусловно, не пожалеют никаких усилий, чтобы дискредитировать выдвинутые против них обвинения»¹⁰⁵.

Среди «чешских шпионов» и «титоистов» Ракоши опять упомянул министра иностранных дел Клементиса (его очень ценил Ян Масарик, заместителем которого Клементис работал до его трагической гибели в марте 1948 года), заместителя министра иностранных дел Артура Лондона, главу влиятельной партийной организации в Брно Отто Шлинга, заместителя министра внешней торговли Эжена Лебла и других. Было понятно, что Клементис должен был играть роль «венгерского Райка», тем более что, как и Райк, он тоже был министром иностранных дел.

К тому же Клементис был словаком, а это играло в комбинации Даллеса очень важную роль. Можно было представить его лидером «словацких сепаратистов» и в идеале попытаться вбить клин между чехами и словаками, а возможно, и вообще спровоцировать отделение Словакии от ЧСР.

Ракоши писал Готвальду, что размах заговора в ЧСР не меньше, чем в Венгрии, а людей, которые во время войны были на Западе, среди руководящего состава в Праге даже

ситета и сразу же включился в молодежное социалистическое движение. В 1924 году вступил в компартию. В 1931–1939 годах работал адвокатом в Братиславе, в 1936–1938 годах был депутатом чехословацкого парламента от КПЧ. В марте 1939 года по решению партии эмигрировал через Польшу и СССР в Париж. Оттуда он должен был выехать в США, чтобы вести партийную работу среди чехов и словаков в Северной Америке. Однако Клементис подверг критике советско-германский договор о ненападении и за это был в Париже исключен из партии. Вступил добровольцем в формирующиеся чехословацкие воинские части во Франции. В 1942–1945 годах под псевдонимом Петер Грон работал на лондонском чехословацком радио вместе с Яном Масариком. В 1945 году был снова принят в компартию и стал статс-секретарем (то есть заместителем министра) иностранных дел. В 1949 году был избран в ЦК КПЧ.

¹⁰⁵ Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 270.

больше, чем в Будапеште, и все они подозрительны. И венгерская госбезопасность даже боится делиться с чехословацкими коллегами информацией, опасаясь ее утечки американцам¹⁰⁶.

Проигнорировать совсем письмо Ракоши Готвальд не мог, но и «сдавать» указанных в послании Ракоши людей не хотел. 7 сентября 1949 года президент ЧСР отправил в Будапешт заместителя руководителя чехословацкой госбезопасности Карела Шваба. Ракоши сказал Швабу, что в интересах партии лучше арестовать несколько невиновных, чем не делать ничего против «филдистов» и «титоистов». Давление на Шваба оказал и генерал Белкин.

Давили на Готвальда и из Польши. 12 сентября 1949 года по настоятельной просьбе польского президента Берута шеф чехословацкой госбезопасности Веселый выехал в Варшаву. Там Святло познакомил его с материалами допросов польских «филдистов». После этого министр внутренних дел Польши Радкевич и куратор госбезопасности Берман потребовали от Веселый энергично разделаться с чехословацкими «филдистами». Радкевич убеждал чехословацкого коллегу, что мягкотелость недопустима, – надо арестовывать, допрашивать, и виновные непременно появятся. Польский президент Берут сказал Веселый, что Чехословакия – главная мишень западного империализма, и в этом он был абсолютно прав.

Перед лицом такого мощного давления в Праге было решено «сдать» венграм и полякам несколько второстепенных лиц.

Комиссия Копрживы по согласованию с Готвальдом рекомендовала арестовать несколько связанных с Филдом человек, среди которых не было высших руководителей. Тем самым КПЧ хотела «отделаться по минимуму» от назойливых требований поляков и венгров. Арестовали чиновника министерства информации Рудольфа Файгля и его гражданскую жену Власту Веселу¹⁰⁷. Были арестованы также бывший врач интербригад в Испании Алиса Кохнова, начальник отдела министерства внешней торговли Карел Маркус и еще семь функционеров среднего звена.

Комиссия Копрживы провела с помощью госбезопасности допросы других подозреваемых (которые либо знали Нозля Филда, либо имели какие-то дела с Германом Филдом и его фондом помощи чешским беженцам) и пришла к выводу, что никаких причин для их ареста нет.

Венгров и поляков такая «мягкость» чехословацких коллег не устраивала. Был возмущен и генерал Белкин: получалось, что он разоблачил огромную шпионскую сеть в Венгрии, а в Чехословакии ничего подобного не существовало. На Готвальда начали оказывать давление и из Москвы.

Готвальд сдался и 16 сентября 1949 года сам попросил Сталина прислать советских советников. Соответствующую телеграмму в Москву составил генеральный секретарь ЦК КПЧ Сланский. В ней говорилось, что разоблачение группы Райка в Венгрии выявило связи этой группы с некоторыми гражданами ЧСР. «Мы просим Центральный Комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) направить в Прагу несколько специалистов, по возможности тех, кто знаком с венгерским делом»¹⁰⁸.

Сталин и Берия с этой просьбой немедленно согласились, и в октябре 1949 года в Прагу прибыли генералы Макаров и Лихачев, которые под руководством Белкина проводили

¹⁰⁶ <http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/WP50IL.pdf>.

¹⁰⁷ Власта Весела родилась в 1911 году в семье портного в Брно. По благотворительной стипендии смогла закончить медицинский факультет университета. Будучи студенткой, вступила в молодежную коммунистическую организацию. В 1937 году уехала в Испанию, где работала врачом в республиканской армии. После поражения республики в 1939-м Весела была интернирована во Францию. После оккупации немцами южной Франции в ноябре 1942 года бежала в Швейцарию и жила в Цюрихе. Там она получала финансовую помощь от Филда, что и предопределило ее судьбу. В тюрьме Весела три раза объявляла голодовку и ушла из жизни с помощью снотворного, которое прописал ей врач.

¹⁰⁸ <http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/WP50IL.pdf>.

допросы арестованных по «делу Райка». Они сообщили в Москву о беспомощности чехословацкой госбезопасности, которая укомплектована либо неопытной рабочей молодежью, либо политически ненадежными кадрами из довоенных полицейских и жандармов¹⁰⁹.

В сентябре – декабре 1949 года были окончательно арестованы упоминавшиеся выше чехословацкие «филдисты». Критерием ареста служило не только знакомство с Филдом, но и пребывание в Испании, что якобы выявляло «троцкистов», или в Лондоне во время войны («английские шпионы»). Самыми высокопоставленными из арестованных были заместитель министра внешней торговли Эвжен Лебл (арестован 24 ноября 1949 года) и главный редактор центрального органа КПЧ «Руде Право» Вилем Новы. «Сдавать» высшие кадры Готвальд отказывался, а на роль «чехословацкого Райка» ни Лебл, ни Новы явно не «тянули».

Однако Лебл под давлением следователей стал называть имена высокопоставленных партийных руководителей, чтобы самому уйти в тень как относительно «мелкой сошке».

Несмотря на давление советских советников, глава чехословацкой госбезопасности Веселый как мог тормозил фабрикацию «дел». 13 апреля 1950 года Абакумов доложил Сталину, что Веселый пытался покончить жизнь самоубийством¹¹⁰.

Тем не менее, во второй половине 1949 года и Чехословакию захлестнула волна арестов противников нового строя – реальных и мнимых. Суды не справлялись, и аресты проводились по решению «пятерок». В них на уровне областей входили первый секретарь областной организации КПЧ, сотрудник областного аппарата КПЧ, отвечавший за безопасность, начальник областного подразделения госбезопасности, начальник областного управления МВД и сотрудник областного национального комитета по вопросам безопасности¹¹¹. На уровне страны «пятерку» возглавлял генеральный секретарь ЦК КПЧ Рудольф Сланский.

Сланский решил в сентябре 1949 года создать специальную следственную комиссию по расследованию деятельности «врагов» внутри КПЧ. Ее возглавил Карел Шваб – на тот момент руководитель отдела ЦК КПЧ по вопросам госбезопасности. Сланский настоял на том, чтобы этими делами занимались именно партийные органы, а не МВД. Лишь формально Швабу присвоили должность заместителя руководителя госбезопасности.

На 1 апреля 1949 года по политическим мотивам в Чехословакии были арестованы 6788 человек, к 1 апреля 1950-го – уже 9162.

31 мая 1950 года в Праге открылся процесс над чехословацкими «врагами народа». На скамье подсудимых находилось 13 человек, в том числе Ян Бухал (офицер госбезопасности), Милада Горакова (бывший депутат парламента от ЧНСП)¹¹², Войтех Дундр (бывший секретарь социал-демократической партии), Бедржих Гостичка (бывший секретарь народной партии), предприниматель, профессор университета, журналист и т. д. Обращает на себя внимание, что среди подсудимых не было коммунистов, преобладали скорее политические противники компартии. Никто из обвиняемых не занимал и крупных государственных постов. То есть, несмотря на давление из Будапешта и Варшавы, своих соратников Готвальд «сдавать» отказывался.

8 июня 1950 года четверо подсудимых, в том числе и Горакова, были приговорены к смертной казни и, несмотря на просьбы о помиловании 48-летней женщины со стороны Эйн-

¹⁰⁹ <http://dare.uva.nl/document/106770>.

¹¹⁰ <http://dare.uva.nl/document/106770>.

¹¹¹ *Ivanov M. Justicni vrazda aneb smrt Milady Horakove. Praha, 1991. S. 155.*

¹¹² Во время Второй мировой войны и нацистской оккупации Чехословакии Горакова принимала участие в подпольной антифашистской борьбе, в 1940 году была арестована гестапо и отправлена в концлагерь Терезин, в 1944-м переведена в тюрьму в Дрездене, где ее приговорили к восьми годам заключения. Освобождена после окончания войны. Горакова была избрана членом парламента, возглавила Совет чехословацких женщин, участвовала в работе Международной демократической федерации женщин, возглавляла делегацию своей страны на Международном конгрессе женщин в Париже. 27 сентября 1949 года она была арестована по обвинению в «буржуазном национализме» и «подготовке диверсионного заговора».

штейна, Черчилля и вдовы Рузвельта Элеонор, были казнены. Миладу Горакову повесили 27 июня в тюрьме Панкрац.

Чтобы как-то скомпенсировать давление извне после процесса Райка в Венгрии, руководство Чехословакии старалось продемонстрировать своим союзникам возросшую бдительность.

Стремительно ухудшались американско-чехословацкие отношения (ведь Филд был «американским агентом и соратником Даллеса»). 6 апреля 1950 года был арестован сотрудник Информационной службы США (ЮСИС) в Праге, гражданин Чехословакии, которого объявили членом «американского шпионского центра» в ЧСР¹¹³. После этого были закрыты библиотеки ЮСИС в Праге и Братиславе. Их директоров выслали из страны. Арестованный еще в марте 1948 года сотрудник американского консульства в Братиславе с двойным гражданством Джон Хваста был заново осужден в апреле 1950 года и вместо прежних трех лет заключения получил 10.

В январе 1950 года посол США настойчиво просил министра иностранных дел Клементиса прояснить судьбу Ноэля, Германа и Герты Филд.

Американцы тоже не скупились на враждебные по отношению к Праге действия. 1 мая 1950 года было закрыто консульство ЧСР в Чикаго и высланы из страны два сотрудника чехословацкого посольства. При этом госдепартамент не посоветовался с ЦРУ и выслал, в числе прочих, друга сбежавшего на Запад бывшего посла Чехословакии в США Славика, который был готов поставлять из посольства американской разведке конфиденциальную информацию.

В ответ на этот шаг ЧСР немедленно потребовала резко сократить персонал американского посольства в Праге. Вскоре у посла США Эллиса Бриггса¹¹⁴ вместо 80 сотрудников осталось 13.

Кстати, сам Бриггс так и не понял, почему именно его перебросили из Уругвая в «оазис за железным занавесом» (так он в своих мемуарах именовал посольство США в Праге): «Когда я спросил об этом Дина Ачесона, ставшего госсекретарем, он отделался туманными фразами типа „президент и я решили, что у вас есть необходимая квалификация“, не уточнив, какая конкретно квалификация имеется в виду»¹¹⁵. Но потом, выйдя из кабинета, Ачесон ухмыльнулся и сказал потрясенному Бриггсу правду: «Это все Трумэн. Я вам не стал говорить правду в офисе, думая, что вы можете среагировать слишком нервно. Я хорошо помню, как президент Трумэн сказал: „Кто мне нужен в Праге, так это жесткий сукин сын, который сможет противостоять этим комми“. Ачесон добавил: „Вот так вас и выбрали, но я не хочу, чтобы вы били президента Готвальда по ноге каждый раз, когда он попытается плюнуть вам в глаз“¹¹⁶. Бриггс пересек чехословацкую границу в последний день октября 1949 года.

Позднее он признавался, что военный и военно-воздушный атташе в посольстве США давали ему как послу 40 % всей работы. Готвальд же не только не пытался «плевать в глаз» Бриггсу, но, наоборот, вел себя корректно и в ряде случаев содействовал освобождению арестованных американских граждан.

Сократить штат посольства на 40 человек сначала предложил госдепартаменту сам Бриггс: с точки зрения посла, там было слишком много военных. Причем двоих он выгнал за «детские игры с разведкой»: сотрудники военного атташата хотели получить какие-то бумаги, спрятанные под камнем в одном из пражских парков. Они выехали в парк на машине

¹¹³ Faure J. Americky pritel. Praha, 2005. S. 99.

¹¹⁴ Бриггс родился в 1899 году. Находился на дипломатической службе с 1925 года. В течение последующих 37 лет был послом США в семи странах: Доминиканской республике, Уругвае, Чехословакии, Южной Корее, Перу, Бразилии и Греции.

¹¹⁵ Briggs E. Proud Servant. 1998. P. 270.

¹¹⁶ Briggs E. Proud Servant. 1998. P. 270.

с дипломатическими номерами в два часа ночи и при выемке «тайника» были задержаны сотрудниками госбезопасности¹¹⁷. Фотографии испуганных американцев в парке обошли все чехословацкие газеты и немало повеселили общественность.

Пентагон, обозленный унижением своих офицеров, настаивал на немедленном разрыве дипломатических отношений с Чехословакией. Однако госдепартамент по рекомендации Бриггса решил оставить посольство для наблюдения за развитием ситуации в стране. Ограничились тем, что сократили персонал посольства ЧСР в Вашингтоне тоже до 13 человек.

Бриггс искренне считал, что его коллеги из военного атташата поставляют из Чехословакии в Вашингтон не ценную разведывательную информацию, а всякую чушь и набор общих фраз.

К тому же американцы сами закрыли свое консульство в Братиславе, так как полагали, что дипломатического представительства в Вене (примерно в 30 километрах от словацкой столицы) вполне достаточно. Зато было закрыто консульство ЧСР в Нью-Йорке.

Сам Бриггс отмечал, что по причине отсутствия каких-либо контактов между посольством и чехословацкими гражданами американские дипломаты изучали местную прессу и готовили сообщения для «Голоса Америки».

При сокращении штата американского посольства Бриггса особенно возмущало поведение заместителя министра иностранных дел ЧСР Вавро Хайду, который вскоре был скомпрометирован американской разведкой как «агент США».

В апреле 1951 года отношения между США и ЧСР еще больше осложнились, когда был арестован корреспондент американского информационного агентства «Ассошиейтид Пресс» Уильям Отис. Отиса осудили на 10 лет за шпионаж, причем 4 июля 1951 года – в национальный праздник США. На процессе Отис монотонным голосом подтвердил все выдвинутые против него обвинения. В Чехословакии после этого не осталось никаких корреспондентов западных СМИ.

Между тем в Москве не удовлетворились процессом над Гораковой и ее «сообщниками». 5 июля 1950 года советские советники Лихачев и Макаров из Праги информировали Абакумова (а тот доложил Сталину), что получены компрометирующие материалы на министра иностранных дел Клементиса. После этого Политбюро ЦК ВКП(б) 14 июля приняло решение о направлении в Чехословакию на постоянной основе группы советников МГБ СССР, которую возглавил В. А. Боярский (заместитель начальника управления МГБ по Московской области).

Боярский стал жаловаться из Праги на Готвальда и Копрживу, которые не хотели создавать в Чехословакии специальное министерство госбезопасности. Советник убеждал Готвальда четыре часа, но тот упорно стоял на своем: политическая обстановка в ЧСР спокойна, нужды в таком «мощном» министерстве он не видит¹¹⁸. А вот Боярский докладывал в Москву, что у него создается обратное впечатление: против Чехословакии активно работают как американская, так и британская разведка, а также словацкая эмиграция и Ватикан (это было абсолютной правдой), а госаппарат «засорен чуждыми людьми». Тем не менее Готвальд не хотел даже расширять штатный состав существующего КНБ Чехословакии.

Однако давление группы Боярского на Готвальда возымело свое действие: 22 ноября 1950 года Боярский сообщил в Москву об аресте руководителя партийной областной организации в Брно (а фактически и во всей Моравии) Отто Шлинга. 11 ноября 1950 года Шлинга исключили из партии.

¹¹⁷ Briggs E. Proud Servant. 1998. P. 277.

¹¹⁸ <http://dare.uva.nl/document/106770>.

Этому событию предшествовало анонимное письмо из Брно, полученное генеральным секретарем ЦК КПЧ Сланским 8 ноября 1950 года¹¹⁹. Письмо было подписано «Йирка» и содержало обвинения против Шлинга.

Шлинг (еврей по национальности) был одним из самых способных и эффективных партийных работников нового поколения. Он родился в 1912 году в семье зажиточного предпринимателя. Учился в немецкоязычной гимназии. Шлинг поступил на медицинский факультет Карлова университета, но обучение не окончил: он уехал в Испанию, где участвовал в гражданской войне на стороне республиканцев (как военный врач). Во время Второй мировой войны жил в эмиграции в Англии, где был секретарем молодежной организации «Молодая Чехословакия». Именно Шлинг добился признания 17 ноября Международным днем студента в память о расправе немцев с молодыми демонстрантами в Праге 17 ноября 1939 года.

29 ноября 1945 года был кооптирован в состав ЦК КПЧ. Энергичный и жесткий Шлинг смог после 1945-го укрепить позиции КПЧ в Брно и Моравии, где до войны коммунисты были не особенно сильны: в самом городе Брно верховодили социал-демократы, а в моравской деревне при помощи католической церкви – Чешская народная партия. Шлинг был человеком требовательным, резким и нажил себе в Брно немало врагов.

Правда, деятельность Шлинга в период предвыборной кампании 1946 года была подвергнута критике, так как КПЧ получила в Брно меньше голосов, чем в среднем в Чехии.

Шлинг был человеком амбициозным, но одновременно и блестящим организатором, с готовностью откликавшимся на любые новаторские идеи. Например, в 1949 году он провел в Брно акцию «Молодежь руководит Брно», в ходе которой вся власть в городе на три дня была передана молодым.

С 1945 года Шлинг был депутатом парламента. Ранее была создана партийная комиссия, призванная расследовать довольно многочисленные жалобы моравских коммунистов, обвинявших Шлинга в диктаторских методах руководства и кадровых ошибках. Шлинга обвиняли, в частности, в незаконных арестах. Комиссия ЦК КПЧ признала наличие ошибок в работе областной парторганизации в Брно, но Шлинг свой пост сохранил. Однако в октябре 1950 года он отказался от депутатского мандата. Тучи над ним сгущались.

Боярский «обнаружил» письмо, которое Шлинг написал 17 апреля 1939-го офицеру чехословацкой разведки Эммануэлю Воске. В этом письме Шлинг якобы предлагал тому какую-то помощь.

В декабре 1950 года генеральный секретарь ЦК КПЧ Сланский обратился к Москве с просьбой дополнительно направить в Чехословакию еще четырех советников МГБ, и эта просьба была удовлетворена.

Арестованный Шлинг дал показания против члена ЦК КПЧ Марии Швермовой¹²⁰, вдове одного из основателей КПЧ Яна Швермы. В 1949-1950 годах Шлинг и Швермова состояли в интимных отношениях. Ян Шверма (и его вдова) были очень популярны в Чехо-

¹¹⁹ <http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/WP50IL.pdf>.

¹²⁰ Мария Швермова (урожденная Швабова) родилась в 1902 году в семье строительного рабочего в городе Теплице. Отец как активный социал-демократ подвергался преследованиям, не мог найти работу, и семье пришлось эмигрировать в Германию, где Мария ходила в школу, а затем работала на фабрике. В 1918 году вернулась в Прагу, где активно участвовала в социал-демократическом молодежном движении, за что преследовалась полицией. Поступив на юридический факультета Карлова университета, познакомилась там со студентом Яном Швермой, который стал ее гражданским мужем. В 1921 году вступила в компартию. В 1926-м Мария с мужем уехали в СССР, где, в числе прочего, работали на Коломенском паровозостроительном заводе. В 1931 году Мария представляла КПЧ в Коминтерне. С 1939 года Мария с мужем жили в Москве, где она работала на радио и помогала в госпиталях. Ее дочь Йирижина (Юрка) в 1943 году добровольцем ушла на фронт. После начала Словацкого национального восстания Ян Шверма вместе с Рудольфом Сланским были направлены в Словакию. 10 ноября 1944 года после подавления восстания Шверма умер от истощения, охлаждения и перегрузок в горах, куда отступили повстанцы. Многие обвиняли в гибели Швермы Сланского, который якобы украл у него теплые ботинки и вообще не проявил достаточно заботы об ослабшем товарище.

словакии, поэтому Сланский ограничился сначала тем, что попросил Швермову написать для ЦК объяснительную записку об ее связях с Шлингом. Было решено проверить и брата Швермовой Карела Шваба – как уже упоминалось, заместителя руководителя КНБ.

На закрытом заседании Президиума ЦК КПЧ от 4 декабря 1950 года было решено пока отстранить Швермову от работы (она являлась секретарем ЦК) и окончательно решить ее судьбу на пленуме ЦК в феврале 1951-го. На этом заседании президиума, как сообщил Боярский в Москву, Сланский вдруг заявил «Шлинг – это Райк»¹²¹. Министр госбезопасности ЧСР Копржива даже утверждал, что Шлинг убил собственную мать.

Теперь надо было создать для наконец-то найденного «чехословацкого Райка» «группу». 16 и 17 февраля 1951 года были арестованы Шваб (брат Швермовой, заместитель министра внутренних дел) и Прохазка – заместитель заведующего отделом ЦК КПЧ. Саму Марию Швермову арестовали прямо в день открытия Пленума ЦК – 21 февраля 1951 года. На Пленуме Готвальд объявил о раскрытии в партии «широкого заговора» с целью реставрации капитализма в стране.

Следует отметить, что Швермову скомпрометировал американский агент Святло, который сообщил своим чехословацким коллегам, что она была на связи с Германом Филдом (его Святло допрашивал в Польше).

Однако Даллеса Шлинг в качестве «чехословацкого Райка» не устраивал – американцам нужна была куда более крупная фигура.

Еще в 1949 году ЦРУ запустило в ход кампанию дискредитации министра иностранных дел ЧСР Клементиса. Когда Клементис приехал осенью 1949 года в Нью-Йорк на очередное заседание Генеральной Ассамблеи ООН, его пытались склонить к эмиграции. В западных газетах, словно по команде, появилась серия статей о том, что Клементис – независимо мыслящий государственный деятель, негодный русским, и что он наверняка будет арестован, как и его коллега Райк, сразу же по возвращении в Прагу. Фабриковались и материалы о разногласиях Клементиса с «твердолобым» «москвичом» Готвальдом.

Клементис каждый день звонил Готвальду по телефону и опровергал все эти слухи, которым не верил и сам Готвальд. В свою очередь, Готвальд сказал Клементису, что все слухи о его предстоящем аресте – вздор (эти слухи появились в «нейтральной» швейцарской прессе). В знак своего полного доверия Готвальд отправил супругу Клементиса Людмилу к мужу в Нью-Йорк с личным письмом, в котором заверял министра в неизменном дружеском уважении к нему.

Тогда ЦРУ прямо вышло на Клементиса и предложило ему вместе с женой «выбрать свободу». Министр наотрез отказался¹²².

Но под давлением советских советников Клементиса сняли с поста в марте 1950 года, а в январе 1951-го арестовали. 28 января 1951 года был арестован и заместитель Клементиса Артур Лондон.

14 марта 1950 года было официально объявлено об отставке министра иностранных дел Клементиса, что стало для американского посольства в Праге полной неожиданностью, хотя слухи об этом ходили и раньше¹²³. Бриггс считал, что причиной «исчезновения Клементиса с политической сцены» стали либо его «мелкие» разногласия с партийным руководством, либо последствия ареста чехословацкого «филдиста» Вилема Новы (члена ЦК и редактора «Руде Право», тайно арестованного в ноябре 1949 года). Бриггс не исключал, что вокруг Клементиса и Новы готовят дело типа «процесса Райка».

¹²¹ <http://dare.uva.nl/document/106770>.

¹²² Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 279.

¹²³ Foreign Relations of United States (FRUS), 1951, Eastern Europe <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1950v04/reference/frus.frus1950v04.i0010.pdf>.

Нового министра иностранных дел ЧСР Вильяма Широкого Бриггс характеризовал как человека высоких моральных принципов, способного выполнять данные иностранным партнерам обещания.

Между тем в тайном процессе по делу «чехословацких филдистов» фигурировали 11 человек (двое из них, включая Власту Веселу, покончили жизнь самоубийством в тюрьме). Павлик был приговорен за шпионаж к пожизненному тюремному заключению, остальным дали длительные сроки лишения свободы.

Арест Клементиса дал Даллесу предвкушение еще более крупного успеха. В феврале – марте 1951 года по Чехословакии поползли слухи о предстоящем аресте Сланского – второго после Готвальда человека в стране.

В апреле 1951 года арестованный Лебл написал на пишущей машинке свои признания на 49 страницах. Потом он неожиданно решил их «дополнить». В новой версии говорилось главное: заговорщики и шпионы в Чехословакии имели поддержку в лице генерального секретаря ЦК КПЧ Рудольфа Сланского.

Сланский был вторым человеком в стране и явным преемником Готвальда, чье здоровье постоянно ухудшалось. Следователь по делу Лебла Когоутек решил поделиться неожиданными показаниями подследственного с советским советником Галкиным. Тот посоветовался с начальством и дал Когоутеку «зеленый свет» на извлечение дальнейших показаний против Сланского. Лебл написал от руки новые показания на 22 страницах, с которых были сняты две копии¹²⁴.

Однако Готвальд отказывался верить компромату на Сланского. Сланский был его правой рукой в партии. Именно благодаря ему КПЧ превратилась в современную, четко отлаженную политическую партию, которая смогла мобилизовать сотни тысяч сторонников для демонстраций в феврале 1948 года, что и решило судьбу страны. Именно Сланский был архитектором февральской победы КПЧ, и Готвальд это очень ценил.

Сталин был с Готвальдом в оценке Сланского полностью согласен, хотя и регулярно получал от советников МГБ СССР в Праге разного рода компромат на последнего, который вытягивали из арестованных. 14 июля 1951 года Сталин направил Готвальду личное послание, в котором призвал осторожно относиться к показаниям, которые арестованные «враги» дают на Сланского¹²⁵. Сталин писал: «Мы получили компрометирующий материал на товарищей Сланского и Геминдера (заведующий международным отделом ЦК КПЧ – *Прим. автора.*). Мы считаем, что этот материал недостаточен для того, чтобы выдвигать против них обвинения»¹²⁶.

Вместе с тем Сталин писал, что Сланский допустил «немало ошибок», имея в виду, что он просмотрел назначение на высокие партийные посты таких «врагов», как Шлинг. В этом же письме Сталин предложил заменить главного советника от МГБ СССР Боярского на более «сильного работника». Боярского отозвали, и 26 июля 1951 года Готвальд попросил прислать ему замену как можно скорее.

Что касается компромата на Сланского, Готвальд был со Сталиным полностью солидарен и писал в ответном послании: «Я совершенно с Вами согласен, что на основании имеющегося материала невозможно обвинить упомянутых в нем товарищей, а еще меньше – сделать какие-то выводы. Этот материал вдвойне сомнителен, поскольку заявления исходят от осужденных преступников. Таково было мое впечатление, как только я узнал об этом деле»¹²⁷.

¹²⁴ <http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/WP50IL.pdf>.

¹²⁵ <http://dare.uva.nl/document/106770>.

¹²⁶ Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 288.

¹²⁷ Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 279.

Первый министр госбезопасности ЧСР (министерство все же было создано в мае 1950 года) Ладсилава Копржива вызвал к себе следователей, заслушал их данные по Сланскому, выразил свое недоверие и строго запретил в дальнейшем собирать компромат на генерального секретаря.

Даллес понял, что свалить Сланского трудно, но, наверное, все же возможно, и это стало бы самой крупной удачей операции «Раскол». Готвальд болел, американцы об этом знали, а более сильного и опытного работника, чем Сланский, у компартии Чехословакии не было.

Рудольф Сланский родился в 1901 году в деревне к юго-востоку от Пльзеня в семье богатого еврейского торговца. В стране ходили антисемитские слухи, что настоящая фамилия Сланского Зальцман, что абсолютно не соответствовало действительности. Вопреки желанию отца, который хотел видеть сына в коммерции, Сланский уже в 1921 году вступил в компартию Чехословакии. Партия направила его на работу в Оставу – один из крупнейших центров металлургии и машиностроения. Сланский был вместе с Марией Швермовой и Яном Швермой ярким сторонником большевизации КПЧ, в ходе которой Готвальд стал лидером партии. Однако тогдашний генеральный секретарь ЦК партии Богуслав Илек считал Сланского излишне радикальным и в 1928 году отозвал его из Остравы. Но уже через год в ходе большевизации КПЧ генеральным секретарем стал Готвальд, разделявший взгляды Сланского.

В 30-е годы Сланский публично защищал московские судебные процессы против противников Сталина. Партийная карьера Сланского развивалась успешно, и он возглавил ключевой организационный отдел ЦК, тем самым в его руках оказался весь партийный аппарат. Однако в 1935 году Сланскому досталось от Коминтерна за излишний радикализм, мешавший политике единого антифашистского фронта с прогрессивной буржуазией и социал-демократами, которую провозгласил в том же 1935 году VII конгресс Коммунистического Интернационала. Сланского сняли с поста в ЦК.

После оккупации Чехии и Моравии немцами в 1939 году Сланский, его жена Йозефа и сын Рудольф эмигрировали в Москву. Они жили в отеле «Люкс» и были свидетелями арестов многих иностранных коммунистов в ходе сталинских репрессий.

3 октября 1943 года семья Сланского пережила страшный шок. В этот день Йозефа Сланская (она работала диктором на московском радио) была неожиданно вызвана на службу, хотя у нее должен был быть выходной. Она оставила в парке восьмилетнего Рудольфа вместе с маленькой дочерью Надей, мирно спавшей в своей коляске. Когда она вернулась, детей не было, и только вместе с мужем они смогли обнаружить в парке усталого и заснувшего сына.

Тот рассказал, что после ухода матери на работу к ним подошла какая-то женщина и сказала, что мама, которую увезла «скорая помощь», поручила ей доставить Надю домой. Братик же должен пока подождать в парке. Рудольф-младший не поверил и спросил незнакомку, как зовут его мать, как она выглядит и где работает. Женщина правильно ответила на все вопросы, но Рудольф коляску из рук не отпускал. Тогда таинственная дама просто выхватила девочку из коляски и бросилась бежать.

Рудольф-старший обратился к Сталину, но девочку найти так и не удалось. После этого трагического происшествия характер Сланского сильно изменился. Он стал замкнутым, грубым, подозрительным и раздражительным. Готвальд посоветовал Сланским пережить горе и родить еще одного ребенка.

В 1944 году Сланский и Ян Шверма были направлены в Словакию, где должны были руководить Словацким национальным восстанием. В марте 1945 года Сланский стал генеральным секретарем партии, в то время как Готвальд сосредоточился на работе в правительстве. В народе считали (особенно после февраля 1948 года), что «добрый чех» Готвальд, в

отличие от «жестокоего еврея» Сланского, является сторонником мягкого ненасильственного пути к социализму. В этих слухах имелаась доля правды: Сланский действительно всегда был более жестким и бескомпромиссным политиком, чем Готвальд.

После беспорядков во время слета «Сокола» (июль 1948 года) и особенно во время похорон Бенеша (сентябрь 1948 года) Сланский стал сторонником максимально жесткого курса в борьбе против реакционеров. В конце 1950 года в Чехословакии было примерно 11 тысяч политических заключенных.

Поначалу арестованный Шлинг и «филдисты» говорили следователям, что хотели убить обоих вождей – Готвальда и Сланского. Когда в июне 1951 года поступили первые показания на самого Сланского, ни Сталин, ни Готвальд им не поверили. Готвальд прямо запретил следователям задавать арестованным любые вопросы относительно Сланского.

Тем не менее следователи чехословацкой госбезопасности с июня 1951 года по согласованию с советниками из МГБ СССР заносили в протоколы все материалы на Сланского. В конце июля 1951-го бывший заместитель министра иностранных дел Лондон на допросе неожиданно сказал следователю Йозефу Михалеку, что Сланский является лидером чехословацких троцкистов. Его подручным якобы стал Бедржих Геминдер (тоже еврей) – заведующий международным отделом ЦК КПЧ. Михалек отправился к руководителю следственной бригады Когоутеку, который пригрозил ему всяческими неприятностями, если показания Лондона против Сланского были выбиты силой. Сам Когоутек и его коллега Доубек наедине беседовали с Лондоном, и тот полностью подтвердил показания, зафиксированные более чем на 60 страницах. Лондон назвал Сланского главой заговорщического центра в Чехословакии.

Сталин между тем пригласил Готвальда (как ранее Ракоши) в Москву для доверительного обсуждения дела разоблаченных в ЧСР «заговорщиков» во главе со Шлингом. Однако президент ЧСР, сославшись на плохое здоровье (это было правдой), отправил в Москву своего зятя Алексея Чепичку. 23 июля 1951 года вопрос о Сланском обсуждался на заседании политбюро ЦК ВКП(б). Сталин, как сообщал Чепичка, опять взял Сланского и Геминдера под защиту. Он провидчески говорил, что здесь возможна провокация врагов (то есть американцев). Чепичка вернулся с письмом Сталина Готвальду, в котором говорилось: «Мы полагаем, как и раньше, что заявления осужденных лиц, не подтвержденные доказательствами, не могут служить основой для обвинения работников, хорошо известных партии своей положительной работой. Поэтому Вы правы, что проявляете осторожность и не доверяете опытным преступникам в том, что касается товарищей Сланского и Геминдера»¹²⁸.

Тем не менее Сталин спросил Чепичку, правда ли, что арестованные враги типа Лондона, Лебла и Шваба (брат Марии Швермовой) являются друзьями Сланского. Если это так, то оставаться на посту генерального секретаря Сланский не может.

Судьбу Сланского решил Артур Лондон. Бывший заместитель министра иностранных дел (еврей, родился в 1915 году) попал в жернова потому, что воевал в Испании и считался неформальным лидером «испанцев» (то есть чехословацких ветеранов гражданской войны в Испании). До 1949 года Лондон с женой-француженкой жил во Франции, был членом французской компартии. Сланский лично уговорил его переехать в Прагу и стать заместителем министра.

Лондон уже признался в том, что являлся главным представителем троцкистского IV Интернационала во всей Восточной Европе, «главным резидентом американской разведки в Чехословакии под руководством Филда, прямого сотрудника Аллена Даллеса».

Он говорил, что в конце июля 1951 года его следователь капитан госбезопасности Когоутек на допросе объявил об обнаружении в ЧСР большого заговорщического центра, который

¹²⁸ Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 289.

возглавляет один из лидеров КПЧ. При этом Когоутек, по воспоминаниям Лондона, перечислил всех членов руководства КПЧ, добавляя после каждой фамилии слова «это не он». Лондон понял, что неназванной осталась только одна фамилия – Сланского¹²⁹.

«Когоутек: „Ну, вы поняли, кого я имею в виду?“

Лондон: „Хотите сказать, Сланского?“

Когоутек: „Да, я говорю о Сланском“».

Как утверждал потом Лондон, все свои действия Когоутек согласовывал с советскими советниками, которых он называл «мои настоящие начальники» или «друзья».

Лондон оговорил Сланского отнюдь не потому, что его били. Скорее это был акт мести. Бывший заместитель министра был обижен на Сланского, так как считал, что именно он дал санкцию на арест его и других «испанцев». Теперь же после слов Когоутека у Лондона забрезжила надежда, что Сланский действительно мог по заданию американской разведки отправлять в тюрьмы честных коммунистов. А теперь его наконец-то разоблачили, возможно, с советской помощью. К тому же Когоутек показал Лондону протокол допроса бывшего заместителя министра внешней торговли Лебла от марта 1951 года, в котором также содержались обвинения против Сланского. Лондон решил, что Сланский уже арестован, иначе госбезопасность не осмелилась бы компрометировать второго человека в стране.

Лондон даже спросил Когоутека: «Так почему тогда раньше вы мне запрещали называть это имя, когда я пытался защитить себя?» Когоутек ответил: «Потому, что вы постоянно отрицали, что отвечали за троцкистскую группу и имели шпионские связи с Филдом. Теперь, когда вы подписали первые признания, партия считает, что мы должны идти дальше»¹³⁰. Дальше следователь якобы добавил: «Господин Лондон, ну сами подумайте, кто, по-вашему, отдал приказ о вашем аресте и аресте других добровольцев (ветеранов гражданской войны в Испании – *Прим. автора.*)? Мы ведь не могли сделать этого без приказа Сланского! Он принес вас в жертву, потому что думал, что если выбросит вас за борт, то спасется сам»¹³¹.

В своих воспоминаниях Лондон, конечно же, не упоминает еще одну причину, по которой оговорил Сланского, – он надеялся, что теперь избежит роли «звезды» предстоявшего судебного процесса и высшей меры наказания. На эту роль явно готовили Сланского.

На самом деле в конце июля 1951 года Сланский не только не был арестован, наоборот, вся страна 31 июля торжественно отмечала его 50-летие. Генерального секретаря наградили высшим чехословацким орденом Социализма. Готвальд направил Сланскому приветственную телеграмму, в которой, в частности, говорилось: «Дорогой товарищ! Вместе со всей нашей партией мы шлем тебе по случаю твоего 50-летнего юбилея большевистский привет... В первых рядах классовой борьбы... ты всегда последовательно боролся за проведение большевистской линии против оппортунистических вредителей и предателей... будучи всегда верным идеям Ленина и Сталина... Вся наша партия и наш трудящийся народ поздравляют тебя как своего верного сына и борца, преисполненного любовью к трудящимся и верностью к Советскому Союзу и великому Сталину»¹³².

Здравицы Сланскому пражское радио передавало в течение нескольких часов, прервав свою обычную программу. Видные драматические актеры читали отрывки из работ Сланского. Был издан в прекрасном кожаном переплете двухтомник избранных произведений генерального секретаря. Советское посольство в Праге не преминуло сообщить в Москву, что Сланский получил за свои труды фантастически огромный гонорар 1,2 миллиона крон.

¹²⁹ London A. Doznani. Praha, 1990. S. 236.

¹³⁰ London A. Doznani. Praha, 1990. S. 236.

¹³¹ London A. Doznani. Praha, 1990. S. 237.

¹³² Hodos G. Schauprozesse. Stalinistische Säuberungen in Osteuropa 1948-1954. Berlin, 1990. S. 128.

В конце августа 1951 года министр госбезопасности Копржива лично пришел на допрос к Лондону, чтобы убедиться, что тот действительно назвал Сланского главой антигосударственных заговорщиков в Чехословакии. Причем даже по воспоминаниям Лондона заметно, что министр все равно не верил в вину Сланского: «Копржива, казалось, был потрясен»¹³³. Но Лондон сказал, что сначала группой бывших «испанцев» – троцкистов руководил заместитель министра внутренних дел Йозеф Павел (к тому времени тоже арестованный), а затем руководство перешло непосредственно к Сланскому, который и расставил «троцкистов» на руководящие посты. Лондон: «Копржива слушал меня с ужасом... Копрживу постепенно задевают за живое мои ответы, и он начинает со мной полемизировать... Копржива вдруг кажется мне недовольным и выведенным из равновесия моими ответами. Несмотря на то, что я боюсь результатов своих действий, я тем не менее рад, что заставил его выслушать меня»¹³⁴.

Именно показания Лондона имел в виду Сталин, когда в июле 1951 года рекомендовал Готвальду не верить словам заключенных. Готвальд даже вызвал Копрживу и сказал ему, что Сталин рекомендовал снять его с поста министра госбезопасности, так как его подчиненные слишком уж доверяют показаниям врагов. Копржива был в смятении: если Сталин доверял Сланскому, то почему советники МГБ СССР в Праге с помощью своих чехословацких коллег настойчиво пытались скомпрометировать генерального секретаря?¹³⁵ Но Готвальд прямо приказал Копрживе прекратить получение компромата против Сланского во время допросов. Копржива спросил, как ему это обосновать, особенно перед советскими советниками. Готвальд велел Копрживе самому придумать какую-нибудь причину.

Готвальд ответил Сталину на его письмо (привезенное Чепичкой) и возражал против перемещения Сланского с поста генерального секретаря. Президент писал, что хорошо знает Сланского и полностью ему доверяет. К тому же заменить Сланского на посту фактического лидера партии просто некем (это как раз учитывал и Даллес, направляя удар). А если уж и обвинять Сланского в кадровых ошибках, то и он, Готвальд, также несет за них полную ответственность¹³⁶.

И все же Сталин, как упоминалось выше, порекомендовал снять Сланского с поста генерального секретаря за потерю бдительности. Поэтому Готвальд отложил в сторону подготовленный проект ответного письма и ответил Сталину, что согласен с его предложением, но намерен дать Сланскому другой важный пост. Ответ из Москвы был кратким: «Мы получили Ваше письмо. Согласны. Сталин».

Готвальд позвонил Сланским и попросил разрешения приехать к ним домой, как в добрые старые времена. Рудольф и Йозефа Сланские были польщены, и в тот вечер «Руда» и «Клема» (так называли друг друга Готвальд и Сланский) хорошо выпили. Будучи под хмельком, Готвальд не выдержал и с горечью произнес: «Они требуют, чтобы я снял тебя с твоего поста, и я уже не могу более откладывать этого». Готвальд подчеркнул, что специально распорядился отметить юбилей Сланского так помпезно, чтобы показать Москве заслуги «Руды» перед партией и страной. Но «их» это не убедило. Сланский, по воспоминаниям его жены, выразил понимание и предложил своему старому другу исполнить желание Москвы.

6 сентября 1951 года Сланский выступил с самокритикой на пленуме ЦК КПЧ, признав свою вину за то, что допустил на ответственные посты в секретариате ЦК врагов.

Однако Даллес пока не добился своей главной цели. Хотя Сланского и сняли с поста генерального секретаря, его не только не арестовали, но и назначили вице-премьером пра-

¹³³ London A. Doznani. Praha, 1990. S. 249.

¹³⁴ London A. Doznani. Praha, 1990. S. 250.

¹³⁵ <http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/WP50IL.pdf>.

¹³⁶ <http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/WP50IL.pdf>.

вительства. Это было, конечно, понижение, но тем самым Готвальд как раз рассчитывал на время вывести Сланского из-под огня возможных политических обвинений. Причем Готвальд не назначил никого на пост генерального секретаря, оставив эти функции временно за собой как за председателем партии. Тем самым ясно давалось понять, что переход товарища Сланского на другую «ответственную» работу – дело временное.

В Польше операция «Раскол» усилиями американского агента Святло разворачивалась более успешно. Святло в августе 1951 года лично арестовал руководителя польской компартии (то есть коллегу Сланского), популярного в народе Владислава Гомулку.

Поэтому Даллес решил приступить к развернутой компрометации Сланского в глазах Сталина.

Осенью 1951 года среди чешских эмигрантов в ФРГ стали усиленно распространяться слухи, что потрясенный лишением поста генерального секретаря Сланский вот-вот сбежит на Запад.

Эти ложные сведения распространялись через один из вышеупомянутых американских разведывательных центров в ФРГ (ОКАПИ)¹³⁷, входивший в сеть генерала Моравца. Конкретно Сланским занимался бывший майор чехословацкой армии Франтишек Остры. Остры (родился в 1913 году) был кадровым офицером довоенной чехословацкой армии и после оккупации Чехии и Моравии нацистами в марте 1939 года эмигрировал через СССР и Ближний Восток во Францию. Там он вступил в чехословацкие части, которые вместе с французской армией были разгромлены вермахтом в июне 1940 года. Остры попал в немецкий плен, но смог сбежать и пробраться в неоккупированную немцами южную Францию. В Марселе он получал финансовую помощь от Нозля Филда. Из Франции Остры попал в Испанию, где его арестовали франкисты, но потом выпустили. Через Гибралтар лейтенант Остры пробрался в Англию, где стал сотрудником военной разведки под руководством генерала Моравца.

После февраля 1948 года Остроного уволили из армии, и он горел желанием отомстить коммунистам. Деятельность американской разведки в отношении ЧСР курировал тогда Спенсер Лейрд Таггерт, уроженец Айдахо, мормон, который работал миссионером в Чехословакии еще до войны (в 1931–1934 годах) и знал чешский язык. Таггерт вступил в УСС во время войны и курировал там Чехословакию. Весной 1945 года Таггерта направили в Прагу со стратегическим заданием – не дать Чехословакии попасть в орбиту влияния Кремля¹³⁸.

Таггерт, как и американская разведка в целом, проспал «пражский переворот». Пока в феврале 1948 года в Праге разворачивались судьбоносные события, Таггерт вместе с женой путешествовал по Италии. Вернувшись в Прагу, он понял, что игра проиграна и все его друзья и контакты, на которых он делал ставку, потеряли свои места в госаппарате.

Таггерт работал в Праге под «крышей» посольства США с упоминавшимся выше военным атташе США Чарльзом Катekom (находился в ЧСР в 1945–1948 годах), который тоже хорошо говорил по-чешски. Семья Катек владела в Чикаго фирмой по перевозке вещей и специализировалась на доставке пианино. Во время войны Катек как резидент УСС по Чехословакии работал в Лондоне и был тесно связан как с Моравцем, так и с самим Бенешем. 26 января 1945 года Бенеш наградил майора армии США Катек высшим чехословацким орденом Белого Льва.

В Праге Катек был настолько уверен в протекции Бенеша, что даже особенно и не скрывал, чем конкретно он занимается в чехословацкой столице. Формально Катек якобы искал могилы погибших в Чехословакии американских военнослужащих – смехотворный

¹³⁷ Окапи – африканское животное, похожее на жирафа. Это название разведывательной организации дал Моравец: ведь окапи – это осторожное животное, предпочитающее, с точки зрения Моравца, ночной образ жизни.

¹³⁸ <http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/WP50IL.pdf>.

предлог, если учесть, что никакого реального сопротивления немцы американцам в Чехословакии не оказывали.

После февраля 1948 года Катеку пришлось покинуть Прагу, и он вместе с Таггертом и Моравцем развернул против ЧСР активную разведывательно-террористическую деятельность, упомянутую выше. Одним из агентов Моравца и Катека в ЧСР был Остры, передававший через курьеров-связников информацию Моравцу в Германию. Однако госбезопасность быстро перевербовала нескольких курьеров и скоро читала все, что Остры отправлял своим хозяевам в ОКАРІ. Бывший майор Остры как разведчик-профессионал начал что-то подозревать. В сентябре 1949 года ему удалось бежать из страны (ранее он запросил у своих американских хозяев ампулу с ядом, чтобы в крайнем случае избежать ареста).

Попав в ОКАРІ в Бенсхайм (штаб Моравца), Остры был неприятно поражен отношением американцев к тем, кто рисковал ради них жизнью. Только Моравец и его ближайшее окружение получали от американской разведки более или менее сносное жалование. Остальные имели право лишь питаться в столовой армии США и время от времени покупать товары в американских военных магазинах. Тем не менее Остры любил свою работу, сопряженный с ней риск и постоянную смену имен и фамилий (американцы вели его у себя как «Риджуэя»)¹³⁹.

Остры внимательно изучал чехословацкие газеты (это нормальная работа любого разведчика-аналитика) и в июле – августе 1951 года обратил внимание на то, что Сланского практически не поздравили с 50-летием братские коммунистические партии. Это особенно бросалось в глаза на фоне славословия в самой Чехословакии. Пришли лишь короткие формальные телеграммы из ГДР и Польши, но из Москвы от Сталина не было ничего.

Остры сразу понял, что Сланский попал в немилость, и его прогнозы подтвердились, когда 6 сентября 1951 года генерального секретаря сняли с поста. Остры немедленно решил «добить» Сланского, и у него родился план операции «Великий чистильщик» (Great Sweeper).

Необходимо было скомпрометировать Сланского связями с американской разведкой и либо побудить его к переходу на Запад, либо, в случае отказа, «сдать» компромат на бывшего генсека Москве.

Бывший гражданин ЧСР эмигрант Герберт Каудерс, завербованный ОКАРІ, сообщил Остроуму, что знает в Праге некую Даниэлу Канковскую, которая якобы является любовницей Сланского. Позднее, уже в 60-е годы Канковская призналась, что выдумала историю о своей связи со Сланским, чтобы набить себе цену.

Канковская и Каудерс называли Сланского «великим чистильщиком», так как генеральный секретарь имел репутацию жесткого борца против любых антипартийных элементов. Так у Острога и родилось название операции компрометации Сланского.

Операция была одобрена Моравцем. Совместно с Острым он решил передать через Канковскую «великому чистильщику» письмо, в котором, в частности, говорилось:

«У нас есть информация, что ваше положение осложнилось. Здесь выражаются глубокие опасения по поводу вашего будущего. Есть сведения из хорошо информированных кругов, что вас наметили для показательного процесса и вас ждет судьба Гомулки.

Надеемся, что вы получите это письмо вовремя. Мы предлагаем вам безопасный переход на Запад, гарантируем политическое убежище, безопасное жилье и поддержку, за исключением политической карьеры.

Если вы согласны, то мы готовы немедленно помочь вам с уходом. В знак согласия, пожалуйста, оторвите нижнюю часть письма и напишите на ней дату, когда вы будете готовы

¹³⁹ <http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/WP50IL.pdf>.

уйти. Дальнейшие инструкции вы получите по тому же каналу. Будьте осторожны и держите язык за зубами. Тот, кто передаст это письмо (Канковская – *Прим. автора.*), ничего не знает.

В доказательство, что эта операция действительно осуществляется при поддержке Запада, сообщение для вас будет передаваться по радиостанции «Свободная Европа» на волне 48.9 метра 10, 17 и 24 ноября и 1 декабря 1951 года, всегда в 19:53. Сообщение гласит: «Беда приходит неожиданно. Это сообщение от Подпоры („подпора“ – по-чешски „поддержка“ – *Прим. автора.*)»¹⁴⁰.

Письмо в Прагу Канковской должен был доставить курьер ОКАРІ Рудольф Невечерал. Невечерал (1922 года рождения) сбежал из ЧСР в марте 1951 года, после того как его обвинили в том, что он в пивной рассказывал антикоммунистические анекдоты. Американцы накормили и напоили беженца, и он сразу же согласился стать агентом американской разведки. Чтобы проверить нового агента, его два раза посылали в Чехословакию как курьера. В первый раз Невечерал без проблем вернулся обратно, а во второй навестил жену и детей, хорошенько подумал и решил явиться с повинной.

Дальше события развивались как в одном старом советском анекдоте, когда агент ЦРУ безуспешно пытался сдать бюрократам из КГБ, посылавшим его из одного кабинета в другой. Невечерал пришел в министерство обороны и отдал часовому заранее подготовленную записку, в которой говорилось, что у него есть важная информация военного характера. Часовой вызвал офицера, но тот сказал, что очень занят, а ответственный за такие дела коллега ушел в кафетерий на обед. Невечерала попросили снова зайти через пару часов. Невечерал решил тоже от души пообедать в ресторане на американские деньги, и когда он вернулся, его доставили в тюрьму Панкрац.

Там с ним говорил уже действительно компетентный человек, начальник 28-й секции госбезопасности (вражеская агентура) Ярослав Саксл. Невечерал немедленно согласился играть роль двойного агента и получил в госбезопасности кличку «Рудла». Но, когда Невечерал вернулся в Германию, американцам показалось подозрительным его слишком долгое пребывание в Праге (он должен был пробыть в Чехословакии шесть дней, а вернулся через 17), и его уволили из американской разведки. Невечерала охотно подобрала ОКАРІ, которую Моравец пытался сделать самостоятельной «чехословацкой» разведслужбой.

И все же сложно представить, что Остры и Моравец самостоятельно взяли на разведработу того, кого только что выгнали их американские хозяева. Скорее всего, Остры рассудил, что если Невечерал действительно завербован госбезопасностью, то это только поможет компрометации Сланского.

В ночь на 8 ноября 1951 года Невечерал с упомянутым выше письмом «великому чистильщику» перешел чехословацкую границу¹⁴¹. Помимо письма, которое он должен был передать Канковской, у него был пистолет и две ручные гранаты. 9 ноября письмо было уже в руках госбезопасности. Письмо было запечатано бумажной лентой, и сотрудникам госбезопасности пришлось потратить несколько часов (обычная техника перлюстрации того времени, когда конверт просто держали над паром, не действовала), чтобы незаметно вскрыть и сфотографировать его.

Сначала в госбезопасности не поняли, кто такой «великий чистильщик». Невечерал тоже этого не знал, он лишь сообщил, что его инструктировал говоривший по-чешски офицер американский разведки (Остры). Тогда решили подключить к делу советских советников. С помощью совместной дедукции чехи (заместитель руководителя госбезопасности Антонин Прхал) и русские (советник Смирнов) решили, что речь идет о Сланском,

¹⁴⁰ <http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/WP50IL.pdf>.

¹⁴¹ <http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/WP50IL.pdf>.

поскольку в письме упоминался Гомулка, занимавший в Польше до своего ареста такую же должность (как мы помним, Гомулка был арестован лично американским агентом Святло).

С самого начала многое в письме показалось сотрудникам госбезопасности подозрительным. Некоторые офицеры госбезопасности даже решили, что письмо сфабриковано русскими, чтобы проверить чехов на надежность (такая версия гуляет на Западе и по сей день). В конце концов, письмо перевели на русский язык и срочно отправили в Москву, где оно произвело эффект разорвавшейся бомбы.

К тому же сведения об интересе американской разведки к Сланскому подтверждались и другими источниками (Даллес всегда дублировал дезинформацию, как это было в случае с Венгрией в 1948-1949 годах). Еще 4 ноября 1951 года Отто Хауптер (имя и фамилия ненастоящие), которого в МГБ СССР считали своим надежным агентом в резидентуре ЦРУ в Мюнхене (как и Невечерал, он был двойным агентом, но на сей раз уже подставленным американцами), сообщил, что все готово к переброске Сланского на Запад.

Хауптер (еврей по национальности и гражданин ЧСР) был ранее арестован в Праге за шпионаж как агент американской разведки и дал согласие работать на госбезопасность и СССР. Ему организовали фиктивный «побег», и он вернулся в Мюнхен, где сразу же все рассказал американцам¹⁴². Хауптер сообщил в Москву, что именно он назначен «куратором» Сланского в американской разведке и 9 ноября 1951 года в ЧСР перейдет курьер с информацией для генерального секретаря.

Теперь, после прихода Невечерала, получалось, что сведения Хауптера подтвердились. 10 ноября 1951 года в Прагу прибыл новый обещанный ранее Сталиным главный советник по линии МГБ – полковник Алексей Бесчастнов¹⁴³.

22 ноября в столицу Чехословакии срочно прилетел личный представитель Сталина, член политбюро ЦК ВКП(б) Анастас Микоян.

Микоян передал Готвальду мнение Сталина, что Сланский должен быть немедленно арестован. Сначала он отказался пояснить мотивы этого требования, но, столкнувшись с сопротивлением Готвальда, все же был вынужден сказать, что арест должен помешать переходу Сланского на Запад, который должен состояться со дня на день. Готвальд отказывался верить в предательство своего друга, и Микояну пришлось вернуться в советское посольство и переговорить по телефону со Сталиным.

Когда Микоян вернулся к Готвальду, к разговору присоединился зять чехословацкого президента Чепичка, недавно побывавший по «делу Сланского» в Москве. Микоян сообщил, что Сталин настаивает на своей рекомендации, так как сведения о возможном бегстве Сланского представляются достаточно серьезными. Готвальд потребовал доказательств, но Микоян уклонился от ответа.

Готвальду пришлось скрепя сердце согласиться с требованием Москвы. Операция «Раскол» тем самым могла записать в свой актив самый крупный успех в борьбе против врага за «железным занавесом».

Американский военный атташе в Праге, который был не в курсе операции своих коллег в ФРГ, сообщал в Вашингтон 14 декабря 1951 года, что на дороге от Праги до Пльзени

¹⁴² *Стивен С.* Операция «Раскол». М., 2003. С. 296.

¹⁴³ Алексей Дмитриевич Бесчастнов родился в 1913 году в Подмосковье. Начинал трудовой путь на фабрике, затем перешел на комсомольскую работу. В 1932-1935 годах был секретарем Дмитровского райкома комсомола. В 1937 году был направлен на работу в органы госбезопасности. Во время войны организовывал партизанское движение на Кубани, воевал под Новороссийском и на Малой земле. Войну закончил в Берлине, расписавшись на стенах рейхстага. Затем работал в управлениях госбезопасности по Краснодарскому краю и Волгоградской области. Был назначен представителем МГБ в Польше. В Чехословакии находился до лета 1953 года. Во время венгерского кризиса 1956 года работал в Будапеште. Тогдашний советский посол в Венгрии Ю. В. Андропов, ставший в 1967 году председателем КГБ, назначил Бесчастного в 1974-м начальником 7-го управления КГБ. С 1980 года – в отставке. Скончался в 1998 году.

(центр западной Чехии) он насчитал не менее восьми блокпостов и что их создали, чтобы не допустить бегства на Запад «какого-то важного чеха».

Между тем 14 ноября 1951 года Невечерал с ведома госбезопасности доставил письмо Канковской, которая прочла его уже после того, как курьер откланялся. Канковская поговорила со своими друзьями, и один из них, офицер, сказал, что дело чести доставить письмо Сланскому. Он даже вызвался сделать это лично. Однако 23 ноября Канковская сожгла письмо, когда до нее дошли слухи, что ею вдруг заинтересовалась госбезопасность.

11 ноября главный советский советник по линии МГБ Бесчастнов якобы показал письмо, адресованное «великому чистильщику», Готвальду. Однако Чепичка позднее утверждал, что письмо Готвальду передала чехословацкая госбезопасность, причем гораздо позднее, буквально за считанные часы до ареста Сланского; по словам Копрживы – менее чем за сутки.

Госбезопасность в подтверждение возможного побега Сланского доложила Готвальду, что Сланский заказал себе у портного новый костюм и торопит с выполнением заказа. Советское посольство в Праге сообщало в Москву, что Сланский снял с банковского счета крупную сумму в 200 тысяч чехословацких крон (в то время их еще можно было поменять на Западе на доллары).

К тому же обещанное сообщение для Сланского на волнах радио «Свободная Европа» действительно было передано в эфир.

Американцы решили рассеять последние сомнения Готвальда и Сталина с помощью искусно разыгранного спектакля. Каждую ночь на американский военный аэродром под Мюнхеном доставлялись известные чехословацкие эмигранты, ожидавшие там прилета некоего «важного лица» с родины. Американские офицеры имени «гостя» не называли, но запущенные ранее разведкой США слухи делали свое дело – все были уверены, что вот вот из-за «железного занавеса» прибудет самый высокопоставленный перебежчик – второй человек Чехословакии Рудольф Сланский¹⁴⁴. Весь этот спектакль разыграли Моравец, Катек и Остры.

Как только Готвальду проиграли записанное на магнитофонную пленку сообщение радио «Свободная Европа», он сдался и сказал, что уже не возражает против ареста Сланского.

Министр госбезопасности Копржива собрал руководство министерства, пригласив двух советских советников. Русские заявили, что в их руках есть неоспоримые доказательства связи Сланского с западными разведцентрами.

23 ноября 1951 года Клементу Готвальду исполнилось 55 лет. Со всей страны делегации привозили первому президенту-рабочему подарки. Семья Сланских долго думала над тем, что же подарить близкому другу, и решила заказать одному художнику пейзаж родной деревни Готвальда – Дедице. Картина была готова вовремя, и Рудольф и Йозефа Сланские хотели лично вручить ее Готвальду.

Однако из Пражского Града (резиденции главы государства) Сланским сообщили, что президенту нездоровится и он не будет принимать гостей. Тем не менее Сланский быстро выяснил, что других товарищей по руководству партии президент принимает. Но тут их пригласил к себе на ужин премьер-министр Запотоцкий, что немного улучшило настроение Сланского и его супруги.

В этот же день Готвальд вызвал к себе Запотоцкого и Копрживу и в присутствии Бесчастнова нехотя сообщил им, что Сланского надо арестовать сегодня же. Запотоцкий был потрясен – ведь уже пригласил Сланских к себе домой. Премьер хотел отменить свое при-

¹⁴⁴ Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 298.

глашение, но Бесчастнов сказал, что это может насторожить Сланского и привести к его побегу за границу.

Запотоцкий давал ужин в честь советской экономической делегации. Помимо премьера присутствовали только что прибывший в Прагу новый посол СССР Лаврентьев, министр иностранных дел Широкий, руководитель Госплана Доланский. Когда Сланские прибыли к премьеру, они с удивлением узнали, что будут сидеть не за главным столом, а в одной из соседних комнат¹⁴⁵. Конечно, это был дурной знак. Причем Запотоцкий рассказал Сланскому, что посетил Готвальда, и бывший генеральный секретарь еще раз убедился, что президент здоров. Правда, советский посол был со Сланскими подчеркнуто любезен.

Сланские хотели уйти с ужина пораньше, однако Запотоцкий задержал их, показывая различные картины в своей резиденции. Он отпустил друга и его жену только после полуночи, и то по настоянию Йозефы, ссылавшейся на больную печень мужа. Как только Сланские сели в машину с водителем, Запотоцкий, как и было условлено заранее, сообщил об этом по телефону Копрживе. Группа сотрудников МГБ ЧСР выехала в резиденцию Сланского и обезоружила его личную охрану.

Когда Сланские в полночь 24 ноября 1951 года подъехали к своей вилле, они с удивлением обнаружили, что она погружена во мрак, а у ворот их не встречает, как обычно, телохранитель. Выходя из машины, Йозефа в темноте споткнулась, и Сланский сердито приказал охраннику выяснить, что случилось с освещением. Как только они зашли в дом, их ослепил яркий свет. На Сланского и его жену сразу надели наручники. В доме было полно вооруженных автоматами сотрудников госбезопасности. Йозефа в ужасе закричала, и ей зажали рот так, что она едва не задохнулась. Сланский, убежденный атеист, лишь повторял: «Господи, Господи...». Жена навсегда запомнила его необычайно грустные глаза. На Сланского надели капюшон, заткнули ему рот кляпом и затолкали его в машину. Йозефу отвезли в один из домов госбезопасности под Прагой, где к ней вскоре присоединился 16-летний сын Рудольф. Маленькая дочка Мария (которая родилась после похищения в Москве Нади) была отправлена в детский дом.

Самого Сланского доставили в Рузинскую тюрьму, где сидели ранее арестованные «заговорщики», в том числе и Артур Лондон. Теперь бывший генеральный секретарь ЦК КПЧ стал узником номер 2359/865 и «главой антигосударственного центра».

Сланский искренне не понимал, чем был вызван его арест. 26 ноября 1951 года он написал письмо в Президиум ЦК КПЧ: «Я знаю, что мой арест, безусловно, вызван серьезными причинами, правда, мне неизвестными. Но в том, что касается подозрений относительно меня, что я совершил какие-то преступления против партии, то они, очевидно, вызваны ужасной ошибкой. Никогда в моей жизни я не предавал партию и не наносил ей сознательно вреда. Я никогда не шел на сделки с врагом.

Я хотел бы просить вас об одной милости: не осуждать меня заранее как врага, я не враг. Я твердо уверен, что вы убедитесь в несостоятельности выдвинутых против меня обвинений»¹⁴⁶.

Между тем Сланский в тюрьме отказывался сначала в чем-либо признаваться. 31 января 1952 года он попытался покончить жизнь самоубийством. Он попросился в туалет и, когда следователь отвлекся и вышел, чтобы вызвать конвой, запер дверь кабинета изнутри. Сначала Сланский хотел найти пистолет следователя и застрелиться¹⁴⁷, а потом пытался повеситься на оконной раме, используя провод от системы сигнализации. Его нашли уже без

¹⁴⁵ *Slanska J. Zprava o mem muzi. Praha, 1990. S. 136.*

¹⁴⁶ *Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 302.*

¹⁴⁷ В этот день следователь Коштал вместе с советскими советниками смотрел хоккей и оставил пистолет в пальто, висевшем в соседнем кабинете.

сознания, но вовремя сделали укол и искусственное дыхание¹⁴⁸. Тюремного врача Йозефа Зоммера, который спас Сланскому жизнь, наградили, выдав премию в 15 тысяч крон.

С тех пор на допросах Сланского приковывали за ноги цепью к стене, куда было вмонтировано специальное кольцо. Это произвело на бывшего генсека такое угнетающее впечатление (он все время бормотал: «Я как собака, как собака...»), что его воля была надломлена, и он стал давать нужные следователям показания.

Утром после ареста Сланского, в 10 часов, Готвальд собрал руководство страны и зачитал сфабрикованное американцами письмо, которое, по словам президента, и заставило пойти на такие меры. Хотя это и крайне невыгодно с политической точки зрения, сказал Готвальд, народу все же придется объявить, что второй человек в стране был главой антигосударственного заговора.

Выступлением Чепички, взявшим слово после Готвальда, Даллес остался бы очень доволен. Чепичка сказал, что уже давно поступает информация об организации Западом масштабного заговора против социалистических стран, и теперь этому нашлось конкретное подтверждение. Другие члены руководства КПЧ сразу стали вспоминать о «подозрительном» интересе Сланского к военным вопросам или о его нежелании видеть в стране советников МГБ СССР¹⁴⁹. Однако Готвальд все еще не верил в «преступность» Сланского: да, тот делал ошибки, но у кого их нет? В отличие от своего зятя Чепички, Готвальд разглядел и причину того, почему арестованные (особенно Лебл и Лондон) оговорили Сланского без всяких мер физического воздействия. Президент считал, что они хотят оговорить более крупные фигуры, чтобы вывести из-под удара самих себя.

Но письмо из-за границы все меняло, и Готвальд поставил на голосование вопрос об одобрении ареста Сланского. Одобрение было единогласным.

На другом совещании, 25 ноября 1951 года, Запотоцкий сказал, что письмо не адресовано конкретно Сланскому, но, судя по всему, именно он и был адресатом. Письмо самого Сланского из тюрьмы на Президиуме ЦК КПЧ не рассматривалось. С ним ознакомили Готвальда, Чепичку и Запотоцкого. Сотрудники госбезопасности передали бывшему генеральному секретарю устный ответ президента: Сланскому следует прекратить писать глупые письма и начать давать показания о своей антигосударственной деятельности.

Вся первая половина 1952 года ушла у следователей госбезопасности и их советских советников на переписывание протоколов показаний «заговорщиков», арестованных еще до Сланского. Теперь надлежало выстроить всю «паутину» заговора вокруг фигуры Сланского и описать «связи» того или иного арестованного с главой антигосударственных сил.

Американцы могли торжествовать победу, тем более что после ареста «главы заговорщиков» Сланского в ЧСР стали задерживать десятки его сторонников и просто знакомых. Всего арестовали более 200 человек. Был арестован, например, заместитель Сланского и заведующий международным отделом ЦК Бедржих Геминдер¹⁵⁰ – старый партиец и опытный работник Коминтерна. В тюрьме как «люди Сланского» оказались и заместитель министра внешней торговли Рудольф Марголиус, заместитель министра обороны Бедржих Рейцин, начальник экономического отдела канцелярии президента Людвик Фрейка, заместитель министра финансов Отто Фишль и уже упоминавшийся выше редактор «Руде Право» по международным вопросам, знакомый Нозля Филда Андре Симоне.

¹⁴⁸ *Стивен С.* Операция «Раскол». М., 2003. С. 303.

¹⁴⁹ <http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/WP50IL.pdf>.

¹⁵⁰ Геминдер родился в 1901 году в Остраве. Его мать рано умерла, а отец покончил жизнь самоубийством. Геминдер учился в коммерческом училище в Германии и был членом компартии с момента ее основания в 1921 году. Он долго жил в Москве, где работал в пресс-секции Коминтерна, а после роспуска Коммунистического интернационала работал в международном отделе ЦК КПСС. Геминдер плохо говорил по-чешски, гораздо лучше зная немецкий язык.

Арестовали и брата Сланского Рихарда (посла в Иране), двух его шуринов вместе с семьями.

Как и Лебл, Лондон да и сам Сланский, все эти люди были евреями, что и предопределило еще одну сторону готовящегося показательного процесса. Если Райка и его «сообщников» в Венгрии в 1949 году в основном выставили агентами американцев и «титоистов», то к 1952 году Тито стал гораздо меньше интересовать Сталина, и критика югославского руководства несколько поутихла.

В 1952 году гнев Сталина был направлен в основном против евреев, что было следствием «предательства» Израиля в глазах советского лидера. Ведь именно СССР был самым активным сторонником образования еврейского государства в Палестине, и именно бывшие военнослужащие Красной армии с фронтовым опытом составили костяк армии Израиля и обеспечили ему относительно легкую победу в войне против арабских стран в 1948 году. Через Чехословакию Израилю было передано самое современное оружие.

Однако вместо благодарности по отношению к Москве, на которую оправданно рассчитывал Сталин, Израиль стал верным союзником США, и советско-израильские отношения сильно испортились. Поэтому в 1952 году в СССР были закрыты почти все еврейские организации, и Сталин готовил выселение евреев из крупных городов.

В духе этих веяний советские и чехословацкие следователи в Праге вменяли «группе Сланского» помимо работы на США (через связку Филд – Даллес) еще и «буржуазный еврейский национализм» и «сионизм». При этом в «группе Сланского» были и неевреи: словак Клементис, заместитель генерального секретаря ЦК КПЧ при Сланском чех Йозеф Франк и брат Марии Швермовой Карел Шваб, тоже чех.

Теперь следователи стремились доказать, что израильские представители установили еще в 1948 году «преступные связи со Сланским и другими обвиненными, систематически вмешивались во внутренние дела Чехословакии, добиваясь выгодных для Израиля и грабительских для Чехословакии торговых соглашений, и организовали тайный, противоречащий национальным интересам вывоз из страны оружия для израильской армии»¹⁵¹.

Сланский поначалу особенно возмущенно отвергал именно обвинения в сионизме и прямо говорил следователям, что такие обвинения напоминают ему мировоззрение нацистов. Когда его пытались обвинить в том, что он продвигал на ответственные посты в ЦК и партаппарате евреев, Сланский ответил, что дело не в том, что эти люди евреи, а в том, что они боролись в рядах движения Сопротивления в годы войны¹⁵². А тот, кто этого не понимает, – расист.

Сланского допрашивали непрерывно, лишая его таким образом сна. Сокамернику Сланского Богдану Бенде дали задание постоянно затевать с бывшим генеральным секретарем беседы, чтобы он не мог заснуть и в камере.

К марту 1952 года Сланский смирился со своей участью и стал подписывать все показания. Но по-прежнему следователям приходилось буквально психологически выбивать из него каждое признание. Сланский часто кричал: «Я не делал этого. Не делал!» Иногда он в бессильной ярости от постигшей его несправедливой участи бился головой об стену.

Однако он еще не оставлял мысли добиться правды на суде. Артура Лондона стали готовить к «очной ставке» со Сланским, причем и показания Сланского, и ответы на них Лондона были продиктованы следователем заранее, и Лондон должен был просто выучить их наизусть и повторить при «очной ставке».

¹⁵¹ http://www.jewukr.org/observer/jo24_43/p0103_r.html.

¹⁵² <http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/WP50IL.pdf>.

Но на очной ставке Лондон был потрясен, когда Сланский «отошел» от текста и заявил, что Лондон в заговоре не участвовал, так как подолгу жил за пределами Чехословакии¹⁵³. Однако Лондон не оплатил Сланскому благородством на благородство и продолжил повторять заученный текст, в том числе и про свою «заговорщицкую деятельность», которую он, естественно, осуществлял под руководством Сланского.

К августу 1952 года показания всех арестованных были соединены друг с другом (скоординированы имена, даты, места «явок» и т. д.), и группа следователей под руководством Бесчастнова представила Готвальду сценарий предстоящего судебного процесса. Комиссия Президиума ЦК КПЧ в составе Чепички, министра госбезопасности Бацилека, министра информации Копецкого, секретаря ЦК Новотного и министра юстиции Райса назначила в октябре 1952 года прокурором на процессе Йозефа Урвалака и членов суда. Всем им заранее были переданы вопросы, которые следовало задавать обвиняемым, и уже готовые ответы, которые сами обвиняемые должны были заучить наизусть.

Обвинительное заключение составлял лично Бесчастнов.

Заклученных «группы Сланского» стали хорошо кормить, водить на продолжительные прогулки и делать им инъекции кальция. Они должны были произвести на публичном суде хорошее впечатление на общественность. Незадолго перед процессом министр госбезопасности Бацилек, словак по национальности, вызвал всех будущих подсудимых в кабинет директора рузинской тюрьмы Праги, где призывал их, апеллируя к их партийной совести, держаться на суде заранее продиктованных следователями показаний¹⁵⁴.

Была устроена репетиция процесса, где следователи выступали в роли судей. Этот «процесс» был записан на магнитофонную пленку и проигран членам Президиума ЦК КПЧ. Была разработана даже система сигналов между председателем суда и представителями госбезопасности, которые должны были таким образом дать понять председателю суда, если кто-либо из обвиняемых начнет отклоняться от заранее согласованного текста. В этом случае председатель суда должен был немедленно объявить перерыв¹⁵⁵.

Сам процесс против «руководства антигосударственного заговорщицкого центра во главе с Рудольфом Сланским» открылся в Праге 20 ноября 1952 года. Помимо Сланского на скамье подсудимых находились Владимир Клементис (бывший министр иностранных дел), Бедржих Геминдер (бывший заведующий международным отделом ЦК КПЧ), Людвик Фрейка (бывший руководитель экономического отдела канцелярии президента), Йозеф Франк (бывший заместитель генерального секретаря ЦК КПЧ), Бедржих Рейцин (бывший заместитель министра обороны), Карел Шваб (бывший заместитель министра государственной безопасности), Артур Лондон (бывший заместитель министра иностранных дел), Вавро Хайду (бывший заместитель министра иностранных дел), Эвжен Лебл (бывший заместитель министра внешней торговли), Отто Шлинг (бывший руководитель областного комитета КПЧ в Брно), Андре Симоне (бывший редактор газеты «Руде Право») и Рудольф Марголиус (бывший заместитель министра внешней торговли).

Проблем на процессе не возникло. Все обвиняемые признали себя виновными в том, что были агентами американской и английской разведки, а также международного сионизма. Жена Марголиуса вспоминала, что ее муж говорил о своих «преступлениях» безучастным монотонным голосом, и она даже подумала, что он находится под воздействием психотропных препаратов. Во время войны Геда и Рудольф Марголиусы, едва поженившись, оказались в нацистских лагерях. Именно после освобождения Рудольф стал убежденным коммунистом, ведь именно коммунисты внесли главный вклад в разгром Гитлера.

¹⁵³ *London A. Doznani. Praha, 1990. S. 274.*

¹⁵⁴ *Hodos G. Schauprozesse. Stalinistische Säuberungen in Osteuropa 1948-1954. Berlin, 1990. S. 135.*

¹⁵⁵ *Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 303–304.*

Под американской разведкой на процессе Сланского имелись в виду Даллес и Филд.

Например, прокурор велел Артуру Лондону: «Расскажите нам о своих связях с американским агентом Ноэлем Филдом».

Лондон сказал: «С Ноэлем Филдом, известным американским агентом, я наладил связь в 1947 году в Женеве, в Швейцарии... Под прикрытием акций помощи и поддержки американской организации „Юнитариан Сервис Комити“ американская разведывательная служба пыталась с помощью различных элементов из Восточной Европы проникнуть в страны народной демократии и развернуть там подрывную и шпионскую деятельность. Филд на основе выплаченных им финансовых дотаций и предоставления помощи различного вида отдельным лицам налаживал контакты и знакомства, создавал доверительные связи, приближал этих лиц к себе и создавал условия для их использования при выполнении заданий американской разведки. Таким образом, Филд получил важные источники для проведения шпионской деятельности против стран народной демократии, что было выявлено и на процессе Райка в Венгрии. Такую сеть агентов для американской разведки Филд создал из ряда лиц, которые после своего возвращения в страны народной демократии проникли на значимые должности в государственном и партийном аппарате...»

Прокурор: «Вы говорили с кем-либо о своей шпионской связи с Филдом?»

Лондон: «Да, я говорил о нем несколько раз со Сланским, Геминдером, а позднее с Карлом Швабом. При этом Карел Шваб в этих разговорах хитрыми намеками давал мне понять, что знает о моей связи с Филдом, и прямо мне сказал, что только благодаря Сланскому, Геминдеру и ему, Швабу, мое сотрудничество с Филдом остается для меня без последствий».

Прокурор: «Это означает, что Сланский, Геминдер и Шваб хранили вас как своего соучастника и спасли, таким образом, от разоблачения?».

Лондон: «Да, это так. Это еще больше связало меня со Сланским, и поэтому я стал еще более активным исполнителем его преступной политики против Чехословакии»¹⁵⁶.

Бывшего заместителя министра госбезопасности Шваба обвиняли в том, что он саботировал выявление связей Филда в Чехословакии после процесса Райка в Венгрии.

Прокурор: «Как вы вместе со Сланским саботировали расследование вражеской деятельности американского шпиона Ноэля Филда в Чехословакии?»

Шваб: «Американский шпион Ноэль Филд, выявленный при процессе в Венгрии, рассказал на допросе, что создал шпионскую сеть в Чехословакии, и что эта сеть развернула обширную деятельность...»

Председатель суда: «Как вы покрывали сведения о Филде?»

Шваб: «Так как Сланский и я не могли скрыть эти показания (Филда), Сланский приказал, чтобы расследование против отдельных лиц (шпионского) центра было лишь формальным и чтобы всех при этом проинформировали о размахе деятельности Филда, и они с помощью этой информации смогли бы подготовиться к своей будущей защите»¹⁵⁷.

Таким образом, даже из показаний подсудимых было видно, что Сланский пытался противостоять давлению венгров и не дал развернуть после процесса Райка массовые репрессии в Чехословакии. Другое дело – о чем на суде, конечно, не говорили, – что в этом Сланский пользовался полной поддержкой со стороны Готвальда.

В первый же день процесса судья зачитал сфабрикованное американцами письмо «великому чистильщику». Сланский ответил, что с письмом не знаком, но оно, конечно же, его полностью изобличает. Причем именно это письмо убедило многих даже скептиче-

¹⁵⁶ London A. Doznani. Praha, 1990. S. 304.

¹⁵⁷ London A. Doznani. Praha, 1990. S. 308.

ски настроенных свидетелей процесса, что Сланский, наверное, в чем-то все-таки действительно виноват.

Куратором обвиняемых со стороны британской разведки на процессе был представлен депутат британского парламента от лейбористской партии Конни Зиллиакус, «матерый шпион», «мастер политического жонглирования», «курировавший» не только Чехословакию, но и Польшу.

Зиллиакус, родившийся в 1894 году в Японии, и его отец, швед по национальности, на момент начала Первой мировой войны жили в Финляндии и активно выступали за ее отделение от Российской империи. Зиллиакус-младший посетил после 1917 года Россию, где выражал симпатии по отношению к Октябрьской революции. Именно русский опыт и привел его в ряды лейбористской партии. Как и Филд, до войны Зиллиакус работал в секретариате Лиги Наций и ушел со службы в знак протеста против бездействия лиги перед лицом оккупации Чехии и Моравии Гитлером в марте 1939 года. Во время Второй мировой войны Зиллиакус работал на министерство информации Великобритании и писал статьи антифашистского характера. В 1949 году он голосовал в парламенте против ратификации договора НАТО и был исключен за это из лейбористской партии. В конфликте между Сталиным и Тито Зиллиакус твердо встал на сторону СССР.

Кандидатуру левого лейбориста Зиллиакуса подбросил чехословацким коллегам американский агент Святло. Зиллиакус имел контакты с Гомулкой, процесс против которого Святло готовил в Польше.

Тем самым Даллес компрометировал тех левых политиков на Западе, которые искренне хотели наладить отношения с социалистическими странами и мешали американцам в их «крестовом походе» против СССР и его союзников.

Сланский говорил на процессе о Зиллиакусе: «...Зиллиакус специализировался как империалистический агент на вражеской деятельности именно в этих странах (социалистических – *Прим. автора.*), где он на публике выступал в маске левого социал-демократа, чтобы замаскировать свои истинные вражеские намерения... Поэтому он, например, поддерживал постоянную связь с империалистическим агентом Гомулкой»¹⁵⁸.

Подсудимые столь старательно играли свои роли в определенной степени и потому, что им были обещаны за это тюремные сроки, а не смертный приговор. Все члены «группы Сланского» надеялись, что чудовищная ошибка вскоре вскроется и их реабилитируют. Следователи говорили, что самое суровое наказание достанется Шлингу и Сланскому (20 лет). И похоже, что следователи и сами в это верили. Когоутек даже разубеждал Лондона, который полагал, что всех повесят: «Да это просто невозможно! Ну не могут же повесить вас всех! Некоторых уж точно оставят в живых... И даже если тюремные сроки, к которым вас приговорят, будут высокими, главное – при всех политических процессах остаться в живых. Не теряйте надежды...»¹⁵⁹.

На процессе было много «общественности», среди которой присутствовали переодетые сотрудники госбезопасности. Газеты подробно освещали процесс, создавая у многих иллюзию объективности.

Например, газета ЦК КПЧ «Руде Право» так описывала Сланского: «Трусливые предательские глаза поблескивают на морщинистом лице под свисающими рыжими волосами, оглядывая в какую-то долю секунды зал. Он идет медленной походкой, садится на скамью подсудимых, и на мгновение кажется, что он раскаивается... Он кивает головой, отвечая „да“ на вопрос, признает ли он себя виновным. Без каких-либо эмоций, непостижимо спокойным, вызывающим отвращение голосом начинает говорить о своих страшных преступлениях. Их

¹⁵⁸ Hodos G. Schauprozesse. Stalinistische Säuberungen in Osteuropa 1948-1954. Berlin, 1990. S. 137.

¹⁵⁹ London A. Doznani. Praha, 1990. S. 322.

перечисление показывает, что этот один негодяй причинил больше зла, чем сотни закоренелых уголовников»¹⁶⁰.

На седьмой день процесса опрос 14 обвиняемых и 33 свидетелей был закончен. Никаких «сбоев» в показаниях на суде не было. Тем не менее 11 подсудимых, включая Сланского, 27 ноября 1952 года были приговорены к смертной казни. Это был самый кровавый приговор в сравнении со всеми аналогичными процессами в социалистических странах. Жизни сохранили только Лондону, Леблу и Хайду. Причем именно первые двое и оговорили Сланского после своего ареста.

Сланский в своем последнем слове заявил: «Я не заслуживаю иного конца своей преступной жизни, чем тот, который предлагает государственный обвинитель»¹⁶¹.

Никто из осужденных не обжаловал приговор. Сланскому перед казнью разрешили свидание с женой. Когда ее уводили, прикованный к стене бывший генеральный секретарь кричал и пытался вырвать цепь¹⁶².

За день до казни – вечером 2 декабря 1952 года – увидела мужа и Геда Марголиус. Они сидели в тюремной комнате для свиданий, и их разделяла густая решетка. Рудольф выразил последнее пожелание: сменить их маленькому сыну фамилию, чтобы он не страдал из-за него. Они вместе выкурили сигарету, и перед расставанием Рудольф сказал: «Верь процессу, прошу тебя. Не думай обо мне, думай о сыне. Найди ему другого папу. Не оставайтесь одни...»

Так как предстояло быстро повесить 11 человек, то в тюрьме соорудили две виселицы, и, пока одного из осужденных готовили к смерти, бездыханное тело другого уже вынимали рядом из петли. Сланского казнили последним, и перед смертью он лишь произнес очень спокойным голосом: «Спасибо вам. Я получил то, что заслужил». Смерть Рудольфа Сланского была констатирована врачом 3 декабря 1952 года в 5:42 утра. Шел легкий снег.

Тела казненных кремировали. Было решено, что никакого захоронения не будет. Пепел сложили в обычный мешок из-под картошки и дали его одному из водителей госбезопасности, чтобы он вывез его за пределы Праги и закопал где-нибудь в поле. Но водитель и его сопровождающие решили не утруждать себя тяжелой работой и просто рассыпали пепел на заснеженном поле.

321 сотрудник госбезопасности ЧСР был отмечен премиями за вклад в разоблачение «группы Сланского». Размер бонусов колебался от 2 до 30 тысяч крон. Начальника следственной группы майора Доубека произвели в подполковники, а его заместителей капитанов Когоутека и Коштала – в майоры. Кроме них в звании повысили еще 154 человека. Более 60 сотрудников МГБ ЧСР были награждены орденами и медалями. Чехословацкими орденами наградили в 1953 году и двух советских советников по линии МГБ – полковников Г. Ф. Морозова и Г.А. Сорокина¹⁶³.

До самого конца социалистического строя в ЧССР никто так и не узнал, что решившее судьбу Сланского провокационное письмо «великому чистильщику» было сфабриковано американской разведкой.

Между тем в ОКАРІ Таггерт, Моравец, Катек и Остры не скрывали своего восторга от того, что с помощью одного листа бумаги им удалось уничтожить верхушку своих врагов в Чехословакии, да еще и руками самих коммунистов. К тому же КПЧ лишилась массовой поддержки в народе, показав всему миру, что партией долгое время руководил предатель и сионистский агент.

¹⁶⁰ *Стивен С.* Операция «Раскол». М., 2003. С. 308.

¹⁶¹ *London A. Doznani.* Praha, 1990. S. 322.

¹⁶² <http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/WP50IL.pdf>.

¹⁶³ <http://dare.uva.nl/document/106770>.

Таггерт сообщил о полном успехе операции «Раскол» Даллесу в Вашингтоне. Тот, подумав немного, ответил: «Я бы с удовольствием взял на себя ответственность за этот успех».

Между тем арест Сланского, как ни парадоксально, вызвал чувство облегчения и большие надежды у части чехословацкого общества. Сланского (ко всему прочему, еврея, а антисемитские предрассудки были в Чехии и Словакии еще довольно распространены) считали виновным в жестком курсе, который к началу 50-х годов стал приносить большой вред и в экономической области.

Задания первого пятилетнего плана в промышленности на 1949 год были перевыполнены. Во многом это произошло вследствие национализации строительного сектора, который теперь действительно стал работать лучше. Компартия, пользуясь известным выражением Сталина, заболела «головокружением от успехов», и в феврале 1950 года и так напряженный план был еще повышен на 5,5 %¹⁶⁴. Но и этот повышенный план в 1950 году был выполнен досрочно. В этом году ЧСР произвела промышленной продукции на 50 % больше, чем до войны, и это при том, что население страны после выселения немцев уменьшилось на 3 миллиона человек.

Правда, уже тогда стала сказываться довольно высокая себестоимость продукции. Предприятия гнались за валовым объемом производства, а не за соблюдением финансовой дисциплины. К тому же поставки советского сырья шли бесперебойно, и СССР, как подсказывал опыт прошлых лет, мог в случае чего и подождать с оплатой. Сталина начала раздражать безалаберность чехословацкого руководства, особенно премьера Запотоцкого. В июле 1951 года советский лидер с нескрываемым сарказмом спросил в Москве зятя Готвальда Алексея Чепичку, пишет ли Запотоцкий по-прежнему романы и хватает ли у него времени на выполнение своих непосредственных обязанностей.

В 1950 году в чехословацкую экономику направили инвестиций на 14 миллиардов крон, в том числе в промышленность – 6,7 миллиарда¹⁶⁵.

Промышленное производство в 1950 году составило 132 % от уровня 1948 года, что было блестящим результатом. Причем ЧСР удавалось в одинаковой мере наращивать как выпуск средств производства (133 % от уровня 1948 года), так и предметов потребления для населения (131 %). Доля национального дохода, направляемая на материальное общественное потребление, даже выросла – с 62,7 % в 1948 году до 67,6 % в 1950.

Готвальд говорил об этом так: «Означает ли развитие тяжелой промышленности снижение объема производства легкой промышленности ниже уровня потребностей нашего населения? Нет, ни в коем случае. Мы опять видим это по итогам 1950 года. Хотя в этом году производство тяжелой промышленности выросло на 15,6 процента, одновременно выросло на 10,8 процента производство легкой промышленности, а производство продуктов питания – даже на 24,9 процента»¹⁶⁶.

Правительство Чехословакии пошло на ускоренный рост заработной платы, который обгонял рост производительности труда, что было чревато в условиях регулирования цен излишним ростом покупательной способности населения и, как следствие, – товарным дефицитом. В то время как объем выпуска промышленной продукции в 1950 году увеличился на 15 % (таких бурных темпов роста тогда в Европе больше не наблюдалось), фонд заработной платы вырос на 27,4 %¹⁶⁷.

¹⁶⁴ История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 502.

¹⁶⁵ Рапош П. Чехословакия: путь к социализму. М., 1988. С. 89.

¹⁶⁶ Готвальд К. Избранные произведения. Том 2. М., 1957. С. 404.

¹⁶⁷ История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 502.

Попытка правительства как-то затормозить рост зарплаты привела в конце 1951 года к рабочим антиправительственным демонстрациям в Брно. Они были вызваны решением отменить традиционные рождественские бонусы – аналог советской «тринадцатой зарплаты».

Во многом устойчивое и поступательное развитие чехословацкой промышленности было вызвано бесперебойными поставками сырья из СССР. Уже в 1949 году Советский Союз взял на себя удовлетворение основных потребностей ЧСР в железной и марганцевой руде, хлопке, нефти и зерне. Шли из СССР и горнодобывающие и сельскохозяйственные машины, которые в промышленно развитой Чехословакии никогда не производились.

В свою очередь, Чехословакия нарастила поставки в только что оправившийся от войны Советский Союз проката, станков, обуви, тканей.

В 1950 году было заключено новое советско-чехословацкое торговое соглашение, которое предусматривало увеличение товарооборота в полтора раза. Обе стороны договорились предоставлять друг другу безвозмездно научно-техническую документацию. На советских «ноу-хау» в Чехословакии наладили выпуск землеройных снарядов, угольных комбайнов, крупных речных судов. Чехословацкая документация позволила освоить производство в СССР некоторых типов кузнечно-прессовых машин, железобетонных изделий, некоторых видов обуви.

В 1950-м доля социалистических стран во внешней торговле ЧСР впервые превысила половину (55 %), и можно было констатировать, что американский бойкот ЧСР не достиг своих целей.

Однако, как и предвидела компартия, в стране начал вырваться опасный разрыв между крупной механизированной промышленностью и отсталым мелкотоварным сельским хозяйством.

32,4 % всех крестьянских хозяйств в 1949 году имели площадь до 1 га, 13,7 % – от 1 до 2 га, 23,3 % – от 2 до 5 га. Ни о какой серьезной товарности здесь говорить не приходилось. И только 11 489 хозяйств (0,8 % от общего числа) располагали 50 гектарами и больше¹⁶⁸. Если в 1936 году 28 % производимой на селе продукции шло на личное потребление крестьян и 72 % – на рынок, то в 1949-м эти показатели равнялись соответственно 40 и 60 %. Крестьяне стали лучше питаться, но вот для бурно растущих промышленных городов продуктов скоро могло и не хватить.

Причем не имевшие никакой техники крестьяне часто использовали для полевых работ дойных коров, что привело к резкому сокращению надоев (на 700 литров в год на корову). Из 1,9 миллиона коров 45 % работали на пахоте.

Но правительство пока не шло на кооперирование мелких частных хозяйств по политическим мотивам. Проблему роста жизненного уровня в городах компартия во многом решала за счет все того же Советского Союза и других стран. В 1951 году в страну было ввезено в 10 раз больше хлеба, чем в 1937, в 26 раз больше масла. Если до войны Чехословакия мяса вообще не импортировала, то в 1951 году завезли 51 тысячу тонн. Однако этот путь был ненадежным и ставил ЧСР в слишком сильную зависимость от цен на продовольствие на мировых рынках, не говоря уже о возможном политическом давлении со стороны Запада.

В 1949 году Национальное собрание приняло закон о сельскохозяйственной кооперации, и к маю 1949 года в стране было создано 208 единых сельскохозяйственных кооперативов (ЕСХК). Однако эти кооперативы сохраняли частную собственность на землю, и их члены вели совместно только второстепенные работы (типа ухода за садами и посевами). Осенью 1949 года делегация чехословацких крестьян (306 человек) посетила передовые советские колхозы и убедилась, что они не напоминают ГУЛАГ и люди живут там

¹⁶⁸ Недорезов А. И. Аграрные преобразования в народно-демократической Чехословакии. М., 1954. С. 161.

неплохо. По итогам поездки тиражом в 140 тысяч экземпляров в ЧСР вышла книга «Великий пример».

Государство пыталось заинтересовать кооператоров материально. По советскому образцу были созданы машинно-тракторные станции, в которые из бюджета в 1949-1952 годах было вложено 16 миллиардов крон. МТС предоставляли на льготных условиях технику для сельхозработ, но только при совместной обработке земли (собственно, по-другому в условиях дикой чересполосицы использование тракторов было и невозможно). Использование машин сократило финансовые расходы членов кооперативов на 39 % и высвободило 62 % рабочего времени.

Однако массового наплыва в кооперативы все равно не было, а компартия старалась не допускать нарушения принципа добровольности. В 1949 году на съезде партии Готвальд провозгласил: «Вопрос ставится следующим образом: без перехода нашей деревни к социализму социализм у нас не может быть построен, а переход деревни к социализму невозможен без блока, без союза рабочего класса с основными массами мелких и средних крестьян»¹⁶⁹. Но пока это была неразрешимая задача: крестьяне не хотели идти в кооперативы, и во имя политического союза с ними приходилось отказываться от кооперирования, а это ставило под угрозу продовольственное снабжение рабочих.

Мало того, с целью укрепления союза с малоземельными крестьянами (а таких было большинство) для хозяйств с наделами до 20 га снизили обязательные нормы государственных поставок.

Неплохо развивались государственные хозяйства (госхозы), которые за счет прогрессивных форм ведения хозяйства дали в 1950 году 30 % потребляемой в стране свинины и 10 % товарного хлеба¹⁷⁰. Причем товарность по зерну в госхозах составляла 89 %. Высокая товарность была еще только у кулаков¹⁷¹, которым принадлежали почти все трактора на селе (7962 штуки) и которые давали 25 % всего товарного зерна в стране. Кулаки успешно обогащались, сдавая в аренду своим соседям скот и машины. За день работы машины кулаки требовали у арендаторов, чтобы они сами отработали три-четыре дня в кулацком хозяйстве.

Государство осуществило принудительный выкуп тракторов и других машин у кулаков: всего было выкуплено 16 тысяч тракторов, 20 тысяч жнеек и 18 тысяч молотилок. Часть машин получили МТС, часть (наименее сложных в эксплуатации) – напрямую кооперативы.

Чтобы облегчить крестьянам постепенное знакомство с преимуществами коллективного труда, в ЧСР были образованы кооперативы (ЕСХК) четырех типов.

В ЕСХК первого типа крестьяне совместно вели сев и уборку, но участки сохранялись в частной собственности, и межи между ними не распахивались. Фактически эта была лишь форма сезонной взаимопомощи. В ЕСХК второго типа межи распахивались, и все работы велись совместно сразу на всей площади. Урожай распределялся пропорционально затраченному труду и внесенному земельному паю. Животноводство велось индивидуально.

В ЕСХК третьего типа совместно велось уже не только растениеводство, но и животноводство. В личной собственности оставалась лишь некоторое количество скота и приусадебные участки. Основной доход распределялся по затраченному труду, но часть – все же по внесенному в кооператив паю. Наконец, высшей формой был кооператив четвертого типа, где весь доход распределялся только в зависимости от личного трудового участия.

Таким образом, реальными кооперативами можно было считать лишь ЕСХК третьего и четвертого типов, но их в 1949-1951 гг. практически не существовало. Весной 1950 года их было всего несколько десятков, а к концу года – 1809 (столько же, сколько и ЕСХК первого

¹⁶⁹ Недорезов А. И. Аграрные преобразования в народно-демократической Чехословакии. М., 1954. С. 181.

¹⁷⁰ История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 506.

¹⁷¹ «Кулаками» считались все, кто имел более 20 га земли.

типа). Если в ЕСХК I затраты на производство 1 центнера зерна составляли 57,6 кроны, то в ЕСХК III и IV – 46,1 кроны. Урожайность зерна в кооперативном секторе в целом была на 20 % выше, чем в индивидуальном.

В 1951 году борьбу против «кулаков» решили ужесточить. Их исключали из ЕСХК, технику государство стало отбирать у них уже бесплатно. Кроме того, «кулакам» запретили продавать их землю, чтобы они не смогли «сбежать» из своего эксплуататорского класса. За невыполнение госпоставок крестьян начиная с 1951 года уже могли не только штрафовать, но и конфисковывать у них собственность. С августа 1950 до марта 1951 года были наказаны 48485 крестьян, 82 % которых имели максимально 20 гектаров и лишь 18 % – больше.

«Рабочие прокуроры» (рабочие, которые заканчивали годичные курсы прокуроров) приговаривали «кулаков» и к запрету находиться в местах прежнего проживания.

25 июня 1951 года три министра (безопасности, внутренних дел и юстиции) издали направленную против «кулаков» совместную директиву о борьбе против саботажников снабжения населения сельскохозяйственной продукцией. Например, органы госбезопасности в рамках акции «Мясо» контролировали грузовые машины, чтобы не допустить продажи деревенскими богатеями, не выполнившими госпоставки, мяса на черном рынке.

2 июля 1951 года в местечке Бабицы были убиты три сотрудника местного национального комитета. Убийство осуществила группа людей, связанная с границей. Среди них были и «кулаки», и священники. Группа якобы хотела вывезти из страны пражского архиепископа Берана. Сейчас бытует версия, что эту антигосударственную террористическую группу организовал сотрудник госбезопасности Ладислав Малы, хотя в архивах никаких данных о том, что он действительно являлся сотрудником госбезопасности, так и не нашли. Малы был убит при перестрелке с сотрудниками госбезопасности, вышедшими на след группы. Причем он активно отстреливался, что явно было бы глупо для сотрудника госбезопасности.

В любом случае убийство в Бабицах стало поводом для начала акции «К» (то есть «Кулак»). Помимо судебных процессов, три министра опять издали в конце октября 1951 года совместную директиву, одобренную ЦК КПЧ. В ней органам внутренних дел и госбезопасности предписывалось активнее применять к «кулакам» такую меру наказания, как выселение в другие районы страны. Запрет на пребывание в районе прежнего проживания могли издавать как суды, так и местные национальные комитеты. Комитеты составляли списки «сельских богачей», и им на 10-30 % увеличивали норму сдачи продуктов в счет госпоставок. Примечательно, что некоторые национальные комитеты отказались составлять такие списки и в любом случае в 1952 году людей переселяли лишь в пределах одной и той же области.

До ноября 1952 года переселили по всей стране лишь 58 семей. Но потом в ходе общего ужесточения ситуации в стране в связи с «делом Сланского» акция «К» заработала на полную мощность. В ноябре – декабре 1952 переселили 193 семьи (129 – в Чехии), за первый квартал 1953 – 353 (из них только 58 словацких), за второй квартал – 618 семей. Потом акция «К» была фактически сведена на нет. В первой половине 1953 года на переселение по линии МВД было израсходовано 12 миллионов крон.

Землю выселенных передавали сельхозкооперативам.

Несмотря на явно «узкое» место в виде отсталого сельского хозяйства, где пока большого наплыва в кооперативы не наблюдалось, руководство ЧСР совершило в апреле 1951 года серьезную ошибку, решив в очередной раз повысить задания пятилетнего плана.

10 апреля 1951 года Пленум ЦК КПЧ утвердил новые цифры. Теперь предстояло увеличить к концу 1953 года (последний год пятилетки) промышленное производство не на 57 % по сравнению с 1948 годом, а на 98 % (!). Причем в тяжелой промышленности рост намечался прямо фантастический – 130 % (ранее 70 %). Объем продукции легкой промышленности должен был увеличиться на 70 % (ранее 50 %). Еще более ускоренными темпами следо-

вало индустриализировать Словакию: рост промышленности там планировался на уровне 168 % вместо 75 %¹⁷². При этом промышленность в Словакии и так выросла в 1950 году на 44 % по сравнению с 1948-м.

Количественные задания при поставках советского сырья были выполнимы. Однако предстояло заново освоить десятки видов ранее вообще не производившейся в ЧСР промышленной продукции. Для этого требовались мощные инвестиции, а дополнительных источников капиталовложений явно не просматривалось. Выход имелся только один – население должно было затянуть пояса.

При этом то, что удавалось правительству до 1952 года, не могло не вызывать уважения. При громадных капиталовложениях в экономику Чехословакия сохраняла бездефицитный бюджет и стабильную национальную валюту.

Готвальд в 1951 году описывал финансовую политику следующим образом: «Вы знаете, что начиная с 1948 года мы вообще не добивались займа в капиталистическом мире, а всякую попытку иностранного капитала внедриться в нашу национализированную промышленность мы решительно отвергли и будем отвергать и впредь. Однако мы не увеличивали и наш внутренний долг в целях новых капиталовложений. Все знают, что со времени освобождения мы не выпустили еще ни одного внутреннего государственного займа. Наши увеличенные капиталовложения мы покрываем главным образом за счет превышения доходов над расходами в нашем государственном бюджете. Уже самый бюджет предусматривает многомиллиардные суммы на капиталовложения. Помимо этого и сверх этого из государственного бюджета в фонд национализированной промышленности за 1949-1950 годы уже направлено свыше 60 миллиардов крон, что означает весьма существенное увеличение капиталовложений в нашу промышленность за счет государственного бюджета. Уже из этого мы видим, что состояние наших финансов здоровое, что с 1948 года мы работаем со значительной прибылью, которую по-хозяйски используем. Сбалансированный с превышением доходов бюджет вместе с наличием достаточных фондов товаров определяет также и стабильность нашей денежной системы. Наконец, в 1950 году был благоприятен и наш платежный баланс. Наш внешнеторговый платежный баланс за этот год является активным; актив составляет около 3,8 миллиарда крон»¹⁷³.

Страна набрала огромные темпы роста. Если в 1950 году промышленное производство выросло на 16 %, то в 1952 – на 18 % (в Словакии – на 20,9 %). Правительство не стало снижать зарплату, и инвестиции шли за счет разбухания денежной массы, что все-таки привело к дефициту в магазинах. Летом 1951 года пришлось снова ввести недавно отмененные карточки на хлеб и ряд других товаров. На промышленные товары сильно выросли цены, и некоторые из них (даже радиоприемники) стали почти недоступны для многих.

Народ связывал это с «жестким курсом» Сланского, хотя причина была в банальной технологической отсталости сельского хозяйства и в росте стандартов потребления ранее бедных городских слоев населения.

Объем сельскохозяйственной продукции к концу 1951 года вырос по сравнению с 1948 на 18 %, но все еще был ниже довоенного уровня на 12 %¹⁷⁴. В течение 1951 года появилось более тысячи ЕСХК третьего и четвертого типа (всего их стало 3138), но этого все равно было явно недостаточно для перелома ситуации с продовольственным снабжением городов.

По стране ползли подпитываемые радиостанцией «Свободная Европа» ложные слухи, что Советский Союз прекратил после февраля 1948 года поставки зерна в Чехословакию (мол, теперь это не нужно, ведь коммунисты уже одержали победу).

¹⁷² История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 509.

¹⁷³ Готвальд К. Избранные произведения. Том 2. М., 1957. С. 407–408.

¹⁷⁴ История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 511.

Готвальд комментировал это следующим образом: «Реакционные шептуны распространяют также слухи, что имеющиеся у нас затруднения с мукой и хлебом были вызваны якобы тем, что Советский Союз прекратил поставки зерна. Нет более грубой лжи! Я могу здесь раскрыть секрет, сказав, что нашей торговой делегации, посетившей Москву летом 1950 года для переговоров о заключении долгосрочного пятилетнего торгового соглашения, было предложено такое количество регулярных поставок зерна, что она первоначально даже отклонила его, полагая, что продажа и потребление хлеба, хлебных изделий, муки и мучных изделий будут спокойно развиваться на уровне первых трех кварталов (1950 года – *Прим. автора.*), прошедших после ликвидации карточной системы, и что мы сможем обойтись и меньшим импортом хлеба. Лишь после прямых указаний из Праги наша торговая делегация приняла первоначальное советское предложение о регулярных поставках зерна в течение пяти лет. Но и потом, когда стало ясно, что и это большое количество зерна будет для нас недостаточно, советское правительство пошло нам навстречу, и Советский Союз значительно увеличил поставки на этот год (1950-й – *Прим. автора.*) по сравнению с первоначальным предложением.

Так получилось, что до урожая 1951 года мы были обеспечены поставками из Советского Союза в 600 тысяч тонн зерна, которое частью уже поставлено, а частью регулярно поставляется. Если к этому прибавить, что мы до будущего урожая обеспечили ввоз из Советского Союза 308 тысяч тонн кормового зерна (ячменя и кукурузы), то вы увидите, что ввоз из Советского Союза в 1950-1951 годах превышает поставки из СССР в 1947-1948 годах, когда нам угрожал голод»¹⁷⁵.

На самом деле проблема с хлебом состояла лишь в резко возросшей покупательной способности населения, которое сметало с полок магазинов все, что не продавалось по карточкам, то есть не было нормировано, – и прежде всего хлеб и муку. К тому же в 1950 году правительство отменило карточки почти на все товары и на 31 % расширило торговую сеть, где товары продавали без нормирования. Более чем на 60 видов продовольствия цены были снижены.

Карточную систему на хлеб и мучные изделия отменили уже осенью 1949 года. При этом цены на хлеб в свободной торговле повышены не были и оставались одними из самых низких в мире. До середины 1950 года снабжение хлебом было нормальным. Однако, по оценке Готвальда, в последнем квартале 1950-го положение стало «катастрофическим».

Отсталые крестьянские хозяйства произвели в этом году для товарного использования примерно 938 тысяч тонн зерна, однако на мельницы поступила лишь 261 тысяча тонн. Остальное зерно крестьяне успешно скармливали скоту. Причем, так как цены на хлеб в торговле были низкими, а продажа не нормировалась, свиней и коров стали кормить и булочками из городских магазинов. Таким образом, вместо того, чтобы поставлять муку в города, село стало ее оттуда скупать.

Готвальд так описывал сложившуюся ситуацию: «Случилось то, что зерно скармливали скоту, и притом не только в деревне, но и в городах, где его расходовали на откорм гусей, кур, кроликов и различной домашней живности. При очень осторожном подсчете мы можем сказать, что в 1950 году были скормлены сотни тысяч, повторяю, сотни тысяч тонн зерна. К тому же в ноябре, декабре (1950 года – *Прим. автора.*) и январе имел место, как вам известно, несколько раз повторявшийся усиленный спрос потребителей на хлеб и особенно муку, так что все это, вместе взятое, явилось причиной того, что, хотя на 1950-1951 годы у нас и было больше зерна, чем раньше, мы все же переживаем затруднения со снабжением населения»¹⁷⁶.

¹⁷⁵ Готвальд К. Избранные произведения. Том 2. М., 1957. С. 419.

¹⁷⁶ Готвальд К. Избранные произведения. Том 2. М., 1957. С. 420.

В 1953 году уровень сельскохозяйственного производства в Чехословакии достиг лишь 88 % довоенного.

Таким образом, чешские гуси активно питались советским зерном, хотя потребление продуктов людьми в самом СССР было гораздо ниже, чем в Чехословакии. По сравнению с довоенным периодом годовое потребление некоторых продуктов на душу населения в Чехословакии в 1950 году выросло следующим образом: масла – с 3 до 4,85 кг, сала – с 4,4 до 4,5 кг, сахара – с 20 до 25 кг, мяса – с 30 до 34,9 кг, пшеничной муки – с 96,8 до 137,4 кг, обуви – с 2,2 до 3,47 пар, сигарет – с 800 до 1230 штук. В 1950 году в чехословацких магазинах было продано 242 000 велосипедов, 12 700 холодильников, 15000 стиральных машин, 214000 радиоприемников, 17 200 кухонных комбайнов, 33600 швейных машин, 29300 пылесосов, 15000 электрических плит. О подобном советские люди на тот момент не могли даже и мечтать, хотя и в СССР потребление с каждым годом устойчиво росло. Готвальд обрисовал ситуацию так: «В общем за год продано столько товаров, а оборот достиг таких размеров, что довоенные торговцы, как говорится, „облизали бы себе пальчики“»¹⁷⁷.

В 1950-1952 годах в ЧСР были ликвидированы ремесленники и частники в сфере обслуживания, которых объединили в кооперативы¹⁷⁸.

Но, несмотря на все попытки американцев, частично более чем успешные, дестабилизировать Чехословакию, экономика страны продолжала в 1952 году развиваться быстрыми темпами.

В 1952-м производство в промышленности ЧСР выросло на 18 % (в 1950-м – на 16 %), а за четыре года пятилетки (1949-1952 годы) – на 82 % и почти вдвое превысило уровень 1937 года – на 97 %¹⁷⁹. При этом по-прежнему росла не только тяжелая промышленность (плюс 108 % за четыре года), но и легкая (50 %) и пищевая (69 %) отрасли.

Словакия показывала еще более ошеломляющие темпы промышленного роста: республика превзошла довоенный уровень в 4,2 раза, а уровень 1948 года – в два раза.

Тем не менее в промышленности накапливались диспропорции, которые лишь ритуально в 1952 году относили на счет деятельности заговорщиков во главе со Сланским. На самом деле анализ Готвальда был абсолютно объективным.

Во-первых, в Чехословакии, даже несмотря на советские поставки, попросту не хватало сырья для столь динамично развивавшихся металлургии и машиностроения.

В довоенной Чехословакии с ее цикличным капиталистическим производством промышленность то росла, то падала, и такой нужды в сырье не было. Например, в 1913-1937 годах добыча каменного угля в стране выросла на 2,4 миллиона тонн и на столько же – всего за четыре года первой пятилетки. Добыча бурого угля в 1913-1937 годах вообще сократилась на 5 миллионов тонн, в то время как в 1949-1952 годах она подскочила сразу на 9 миллионов тонн.

Такой рост диктовался ускоренным развитием электроэнергетики, без которой была невозможной модернизация довольно устаревшей чехословацкой промышленности. И здесь были достигнуты феноменальные успехи. Если в 1937 году в стране было выработано 4 миллиарда киловатт-часов электроэнергии, то в 1952-м – 11 миллиардов. Но металлургия, машиностроение и, наконец, возросшая обеспеченность жителей электробытовыми приборами требовали все новых мощностей, а для них не было энергетического сырья.

Во-вторых, в Чехословакии еще не был отлажен механизм планирования. До войны в стране не производилось полностью ни одной сложной машины. Комплектующие закупались в западных странах, которые с 1948 года фактически бойкотировали поставки. Требова-

¹⁷⁷ Готвальд К. Избранные произведения. Том 2. М., 1957. С. 410.

¹⁷⁸ http://is.muni.cz/th/104952/pedf_m/DIPLOMKA.pdf.

¹⁷⁹ Готвальд К. Избранные произведения. Том 2. М., 1957. С. 443.

лось срочно наладить производство на собственных заводах. Но здесь молодые и неопытные чехословацкие плановики не всегда могли сопрягать нужды разных предприятий. И если одно предприятие нужную деталь делало, то другое запаздывало или вообще не получало такого задания, в результате чего не поставлялась потребителям вся машина в целом.

Для более четкого планирования в конце 1951 года было решено разделить министерство промышленности на отдельные отраслевые министерства по образцу СССР. Создавалась единая система народно-хозяйственного учета сырья и готовой продукции. Однако реформа структуры (сама по себе правильная) не могла компенсировать недостаток опытных плановиков.

Тогда в 1952 году решили провести эксперимент с так называемым встречным планированием¹⁸⁰. Теперь планы составляли как министерства («сверху»), так и подчиненные им предприятия («снизу»), и затем они согласовывались. Но интересы у предприятий были чисто местнические, и они планировали отнюдь не то, что было нужно для страны в целом, а то, что можно было легче произвести. От встречного планирования пришлось быстро отказаться.

Но главной трудностью Чехословакии, которая тормозила все развитие страны, по-прежнему была отсталая аграрная экономика.

3 июня 1952 года было принято постановление Президиума ЦК КПЧ и правительства ЧСР о развертывании массового кооперирования в деревне. Конечно, не обошлось без административного нажима, хотя он не носил такого жесткого характера, как в СССР. К осени в стране было уже 8636 ЕСХК, в том числе примерно 5 тысяч третьего и четвертого типов. В 48 % всех сел были распаханы межи между некогда частными участками. Всего в кооперативы второго – четвертого типов вошло 289401 хозяйство с общей площадью 2 337425 гектаров¹⁸¹.

Однако за этими цифрами скрывалась по-прежнему все еще невысокая доля кооперированного сектора в общем объеме аграрного производства. В 1952 году кооперативы дали стране всего 27 % зерна, 52 % масличных культур, 11 % картофеля, 30 % говядины, 47 % свинины и 18 % мяса птицы.

Поэтому, в отличие от промышленности, картина в сельском хозяйстве ЧСР 1952 года все еще оставалась смешанной. Урожайность пшеницы, ржи, овса, картофеля была выше, чем в 1948 году, а сахарной свеклы, льна и хмеля – ниже. Довоенный уровень урожайности был уверенно превзойден лишь по зерновым культурам.

В области животноводства поголовье по всем видам, кроме кур (минус 5 %), выросло по сравнению с 1948 годом: крупного рогатого скота – на 24 %, поросят – на 74 %, овец – на 131 %. Но по сравнению с 1937 годом все еще меньше было не только кур, но и коров. Говядины и свинины страна производила больше, чем в 1937 году, а яиц и молока – меньше.

Однако образование кооперативов, отдача от которых ожидалась в 1953 году, внушало большую надежду, так как теперь можно было существенно увеличить механизацию сельского хозяйства. Даже в 1952-м механизация полевых работ выросла по сравнению с 1951-м с 27 % до 31 % всех работ, хотя чехословацкие МТС еще не были столь специализированы, как советские. Если в СССР МТС выполняли до 170 видов различных полевых работ, то в ЧСР – лишь 48.

Очень большими и ощутимыми для каждого были успехи Чехословакии в социальной сфере.

В 1937 году из тысячи грудных детей умирало 117, в 1952 году – 60. Смертность от туберкулеза (болезни бедных и плохо питающихся людей) снизилась по сравнению с 1937

¹⁸⁰ История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 512.

¹⁸¹ Готвальд К. Избранные произведения. Том 2. М., 1957. С. 448.

годом на 43 %¹⁸². Количество мест в больницах выросло на 81 %, и теперь медицинская помощь была бесплатной. Один врач приходился уже не на 1218 жителей, как в 1937 году, а на 820. По профсоюзным путевкам в санаториях и домах отдыха ежегодно отдыхали 300 тысяч человек, чего вообще никогда не было до войны.

Население поверило новой власти, и уверенность в будущем вкупе с выросшими пособиями на детей привела к росту рождаемости в стране – с 0,27 % (прирост населения в 1937 году) до 1,13 % в 1952. Государство потратило на пенсии и пособия в 1952 году 53,9 миллиарда крон – в 10 раз больше, чем до войны.

В целом и чехи, и словаки получили возможность жить более комфортной жизнью.

Если в 1937 году телефон был только в 34 % чехословацких деревень, то в 1952 – в 98 %. В 1937 году радиоприемники были у 1034 тысячи граждан, в 1952 – у 2717 тысяч (+163 %). В 1937-м 18 чехословацких театров посетило 3 миллиона человек, а в 1952 году уже 58 театров – 10 миллионов¹⁸³. Кинотеатров в 1937 году было 1837 (84 миллиона зрителей), в 1952 – 3526 (128 миллионов). Библиотек вместо 13100 стало 21800, а книг было издано вместо 32 миллионов 90 миллионов экземпляров.

В детские сады ходило в 1952 году 165 500 детей (88700 – в 1937). Учителей в начальных школах было не 41 тысяча, как в 1937 году, а 60 тысяч. В профтехучилищах на рабочие специальности учились 82 тысячи учеников (в 1937 году – 60 тысяч). Студентов стало 38 тысяч (18 тысяч в 1937 году). Причем все виды образования были бесплатными.

Чехи и словаки в целом хорошо питались, но слишком бурный рост денежной массы вместе с пока еще не завершенным кооперированием на селе вынуждал правительство сохранять карточную систему. Альтернативой отмене карточек был бы рост цен, чего компартия стремилась избежать.

Страна по-прежнему ввозила много продовольствия (ЧСР импортировала продукты и до войны), причем в 1952 году – уже только из социалистических стран. В 1952-м было импортировано 48 % от потребленной в ЧСР пшеницы, 5 % мяса, 39 % – птицы, 7 % сала, 25 % сливочного масла, 14 % яиц.

В целом, как было отмечено на состоявшейся в декабре 1952 года Общегосударственной конференции КПЧ, страна хорошо развивалась и имела все основания для оптимистического взгляда в будущее.

¹⁸² Готвальд К. Избранные произведения. Том 2. М., 1957. С. 454.

¹⁸³ Готвальд К. Избранные произведения. Том 2. М., 1957. С. 455.

Глава 2. Межсезонье: Чехословакия в 1953-1963 годах

5 марта 1953 года умер Сталин, и вся Чехословакия гадала, приведет ли это к переменам внутри страны. Но о том, что перемены, по крайней мере кадровые, будут таким серьезными, вряд ли кто-либо догадывался.

В Советском Союзе перемены последовали практически немедленно. Было закрыто антисемитское «дело врачей» и реабилитированы все арестованные по нему. Затем последовала более широкая амнистия. В Москве явно начиналась политическая оттепель.

На похороны Сталина в Москву 8 марта 1953 года вылетел Готвальд. С похорон Сталина Готвальд вернулся 11 марта в плохом самочувствии. Сначала он жаловался на простуду, однако болезнь явно была гораздо более серьезной. Здоровье президента оставляло желать лучшего уже довольно давно. Одно время (особенно после февраля 1948 года) Готвальд довольно сильно злоупотреблял спиртным. Возможно, он очень переживал, что пришлось арестовать и казнить своего близкого друга Сланского, и заливал горечь алкоголем. По крайней мере, так считают многие врачи.

14 марта 1953 года доктора, в течение нескольких дней упорно боровшиеся за жизнь пациента № 1 своей страны, бессильно опустили руки. Пару раз они запускали остановившееся сердце Клемента Готвальда, но в какую-то секунду оно сжалось в последний раз и навсегда остановилось. Лидер социалистической Чехословакии, первый президент-рабочий, умер от разрыва аорты.

На Западе появилась абсолютно бредовая версия, что Готвальда отравили в Кремле. Зачем и кто это сделал, естественно, не сообщалось. Были данные, что Готвальд якобы болел сифилисом, который впервые обнаружили у него советские врачи, когда в 1944 году в Москве он перенес инфаркт. Якобы недолеченный в молодости сифилис дал осложнения на сердце, затруднив работу сердечного клапана¹⁸⁴.

Готвальд был сильно потрясен смертью Сталина, которого искренне и глубоко уважал. Поэтому, несмотря на предостережения лечащих врачей, президент Чехословакии вылетел в Москву. Врачи знали о проблемах Готвальда с сердцем, которые особенно обострились при резкой смене атмосферного давления, и ни в коем случае не рекомендовали президенту летать самолетом. Однако Готвальд обязательно хотел успеть на похороны Сталина.

Вскрытие тела Готвальда проводили совместно советские и чехословацкие врачи.

Сразу же была отмечена версия «врачей-вредителей», так как личным врачом Готвальда с осени 1946 года был убежденный коммунист, ученик И. П. Павлова профессор Владимир Гашковец, которого мужу подобрала Марта Готвальдова. Осенью 1952 года, явно под давлением советских советников из МГБ, Гашковца арестовали. В Москве, видимо, решили найти «врачей-вредителей» и в Праге. Готвальд сопротивлялся аресту Гашковца практически две недели, а потом в сердцах крикнул: «Нате, возьмите!»

В 1954 году Гашковца все же осудили за содействие смерти Готвальда. В частности, его обвиняли в том, что он приказал покрасить спальню президента ядовитой краской. В 1955 году врача выпустили на свободу, но политически реабилитировали лишь в 1968. Скончался он в 1971 году.

¹⁸⁴ <http://www.radio.cz/cz/rubrika/historie/nemoc-a-smrt-klementa-gottwalda>.

Похороны Готвальда состоялись 19 марта 1953 года, причем его тело было облечено в генеральскую форму, тем самым подчеркивалось, что хоронят верховного главнокомандующего¹⁸⁵.

Тело Готвальда было забальзамировано и выставлено на всеобщее обозрение в мавзолее у Национального памятника на пражском холме Витков¹⁸⁶. Еще раньше, в 1949 году, город Злин был переименован в Готвальдов. Именем Готвальда были названы сотни улиц в чехословацких городах. В 1966 году улица Готвальда появилась и в Москве (в 1992 году она была переименована в улицу Чайнова).

В Чехословакии никогда не было серьезного культа личности Готвальда. Он не обладал диктаторскими полномочиями. Решения в партийном и государственном руководстве всегда принимались коллегиально и до марта 1953 года. Не случилось концентрации власти и после смерти Готвальда.

Президентом страны стал бывший премьер Антонин Запотоцкий, правительство вместо него возглавил Вильям Широкий. Первым секретарем ЦК КПЧ (как и в СССР после смерти Сталина, пост генерального секретаря ЦК КПЧ был переименован в пост первого секретаря ЦК) был избран Антонин Новотный.

Новотный родился 10 декабря 1904 года в Праге (точнее, в то время это была деревня Летняны на северо-восточной окраине Праги) в семье каменщика, выучился на слесаря и трудился как обычный рабочий. Мать умерла, когда Антонину было всего четыре года, и его вместе с тремя другими детьми воспитала тетка¹⁸⁷. В 1919 году Новотный вступил в рабочую спортивную федерацию (рабочий спорт был тогда в Чехии массовым) и в 17 лет стал капитаном спортивной команды. Уже будучи лидером страны, Новотный охотно вспоминал о своей спортивной юности и успехах на различных соревнованиях, например спартакиаде в Брно.

В 1921 году Новотный вступил в КПЧ и стал продвигаться по партийной лестнице в пражской организации. При этом по характеру он был замкнутым человеком и сторонился вне партийной работы общества людей. У его никогда не было близких друзей. Серьезный молодой человек считал, что дружба мешает политической деятельности, ведь друзьям поневоле оказываешь протекцию и прощаешь им ошибки.

В декабре 1929-го он женился на Божене Фридрихове (родилась 26 февраля 1910 года), которую знал еще с детства. Божена (ее отец тоже был рабочим) была скромной женщиной и большую часть времени проводила дома, особенно после того как в 1930 году у нее родился сын. Они познакомились с Антонином в рабочей спортивной федерации, где Божена тоже была капитаном команды.

Как и муж, Божена сторонилась больших компаний – ей всегда было хорошо вдвоем с Антонином. Он был и навсегда остался ее первым, единственным и самым любимым мужчиной. Они редко и неохотно ходили в кино или театр, а позднее – на разного рода официальные приемы, – им было лучшего всего в компании друг друга. Ни Антонин, ни Божена терпеть не могли разводов и тем более внебрачных отношений среди своих знакомых. Отношение супругов Новотных к таким людям сразу резко менялось, и не в лучшую сторону.

Практически все 20-е годы Новотный не вел слишком активной партийной работы, так как продолжал трудиться слесарем и политикой занимался только после окончания обычного рабочего дня. Лишь в 1930 году он стал настоящим партийным работником: его избрали председателем районной пражской парторганизации Карлин-предмestье, и он честно и

¹⁸⁵ http://is.muni.cz/th/145152/ff_m/Diplomka-kompletni_verze.pdf.

¹⁸⁶ Возведенный на холме Витков в 1938 году Национальный памятник первоначально именовался Памятником Национального освобождения и восхвалял подвиги чехословацких легионеров на фронтах Первой мировой войны. Летом 1948 года там были выставлены останки президента Эдварда Бенеша.

¹⁸⁷ *Kosatík P. Osm žen z Hradu. Praha, 1993. S. 232.*

самоотверженно работал на этом скромном посту пять лет. И здесь Новотный старался поддерживать со всеми товарищами ровные отношения, не выделяя никого из своих знакомых. При этом он все еще оставался рабочим – слесарем на складе кооператива «Пчела».

В 1935 году Новотный был делегатом от КПЧ на VII конгрессе Коминтерна. После возвращения из Москвы он стал сотрудником областного секретариата КПЧ в Праге. В 1937-1938 годах был секретарем партийной организации в южноморавском городе Годонине. Жена осталась в Праге и сильно скучала. Муж навещал ее каждое воскресенье. После запрета компартии в 1938 году Антонин Новотный вернулся на склад «Пчела», где работал теперь механиком по холодильным установкам. Весной 1941 года он едва не погиб, когда взорвался баллон с аммиаком, – Новотный получил ожоги 2-й и 3-й степени, повреждения легких и даже временно лишился речи. Жена боялась, что муж уже не поправится, но все обошлось¹⁸⁸.

Во время оккупации будущий президент Чехословакии участвовал в партийной работе. В сентябре 1941 года немцы арестовали его и отправили в концлагерь Маутхаузен. Для Божены это был самый ужасный период ее жизни: она не видела каждый день любимого мужа, а сына не брали ни в одну школу. Вся собственность Новотного была конфискована гестапо. Божена вновь стала работать рабочей в летном институте в своих родных Летнянах. Помогал знакомый пекарь, часто дававший ей чуть больше хлеба, чем полагалось по карточкам.

После освобождения американскими войсками 5 мая 1945 года Новотный в 1945-1951 годах возглавлял самую сильную в стране пражскую организацию КПЧ. С 1946 года входил в ЦК партии. Однако Новотного очень не любил генеральный секретарь ЦК КПЧ Сланский: он считал бывшего рабочего слишком ограниченным, малообразованным, хотя и исполнительным функционером. Сланский решил заменить Новотного на посту лидера самой крупной парторганизации в стране Отто Шлингом – молодым лидером моравских коммунистов в Брно. В 1950 году Сланский отослал Новотного на партийную учебу, и предполагалось, что на свой пост тот уже не вернется.

Но все изменилось после ареста Шлинга в октябре 1950 года. Новотного срочно отозвал с партийной учебы Готвальд, и Антонин вновь встал во главе пражских коммунистов.

После ареста Сланского Новотный стал секретарем ЦК и фактически исполняющим обязанности генерального секретаря. Готвальд ценил Новотного за то, что тот был простым рабочим без всяких «фанаберий», к различного рода «уклонам» в партии не примыкал. На него можно было положиться, так как карьеристом и интриганом Новотный не был.

Новый премьер-министр Вильям Широкий (словак) родился в 1902 году в Братиславе. По профессии железнодорожник, он уже в 19 лет вступил в компартию. Быстро сделал партийную карьеру и уже в начале 30-х годов был членом ЦК КПЧ. Современные чешские СМИ утверждают, что Широкий был агентом НКВД и информировал Москву о деятельности Готвальда. В 1935 году был избран депутатом парламента, а прямо перед войной возглавил партийную организацию КПЧ в Словакии. Осенью 1938-го был вынужден эмигрировать. Работал в руководящих органах партии в Париже и Москве. В 1941 году был направлен на подпольную работу в Словакию, где его арестовали. В начале 1945 года Широкий смог бежать из заключения и перешел фронт.

С 1945 года Широкий был депутатом парламента и одним из самых близких соратников Готвальда. В 1945-1953 годах работал вице-премьером, а с 1950-го – еще и министром иностранных дел. В 1945-1954 годах был также лидером Коммунистической партии Словакии.

«Первым лицом» нового коллективного руководства Чехословакии образца 1953 года был, бесспорно, президент Антонин Запотоцкий. Его знали все и любили многие – за про-

¹⁸⁸ Kosatik P. Osm zen z Hradu. Praha, 1993. S. 234.

стоту и доступность. Вторым человеком, а значит, потенциальным преемником Запотоцкого на высшем государственном посту считался Широкий. Новотного же мало кто знал даже в лицо. Первый секретарь держался в тени, и в газетах довольно редко появлялись его фотографии.

Антонин Запотоцкий (родился в 1884 году) являлся в своем роде потомственным социал-демократом: его отец Ладислав был одним из организаторов учредительного съезда чешской социал-демократии в 1878 году. Младший Запотоцкий активно участвовал в молодежном социал-демократическом движении уже с 16 лет. Два года спустя молодой каменщик стал постоянным корреспондентом рабочей газеты. Страсть к писательскому творчеству он сохранил на всю жизнь. Социал-демократическая газета «Свобода» в Кладно печатала и боевые революционные стихи молодого рабочего. Например, такие:

...Вперед на бой за святые права!
Вперед нас зовет молодой крови жар!
Не испугает нас ни решетка, ни меч палача.
Нам ничего не надо даром.
Мы хотим лишь достойную человека жизнь,
И красный рассвет освещает нам путь.

В 1904 году Запотоцкий стал одним из основателей профсоюза каменщиков. Он добротнo одевался, как типичные европейские социал-демократические политики: носил пиджак, галстук, жилет и накрахмаленный стоячий воротничок.

В 23 года Антонин Запотоцкий стал районным секретарем партии в самом боевом рабочем районе Чехии – Кладно. Там же в семье металлурга и домохозяйки родилась в 1890 году его будущая жена Мария Скленичкова.

Мария увидела молодого страстного оратора на одной из демонстраций и сразу же влюбилась, хотя, как она вспоминала позднее, в тот момент даже не могла себе представить, что станет женой Антонина. Искра между молодыми людьми пробежала позднее, когда они в 1909 году танцевали друг с другом на рабочем балу. Марии нравилось, что уже солидный по местным меркам политик постоянно шутил и улыбался и не задирал нос. Когда они вместе шли по Кладно, Мария поражалась, что Антонин знает по именам чуть ли не всех детей, которые им встречались. Запотоцкий, как выяснилось, всегда вникал в семейное положение своих товарищей по партии или профсоюзу и помогал, чем мог¹⁸⁹.

Девушка не работала, но вела домашнее хозяйство, так как ее мать тяжело заболела на нервной почве. Мария и Антонин теперь часто встречались.

Через некоторое время Мария поняла, что беременна, и доверилась отцу, который, естественно, не был в восторге. Тем более что в то время женщина считалась совершеннолетней (то есть готовой к браку) лишь начиная с 24 лет, а Марии еще не было и двадцати. Но отец (тоже Антонин) дал свое благословение и так расхваливал свою дочь жениху, что у Марии на глаза навернулись слезы. 22 сентября 1910 года Антонин и Мария поженились. Свадьбу тогда уже редактор социал-демократической газеты Запотоцкий отмечал скромно, в кругу товарищей: на столе были колбаса, огурцы и вино. В тот же день молодые уехали в Прагу, где Запотоцкий отвел жену в Национальный театр. В отличие от Новотного, Запотоцкий, писатель и поэт, любил театр и старался не пропускать ни одной новой постановки.

По характеру Запотоцкий тоже был полной противоположностью Новотному. Первый Антонин просто не выносил одиночества и как истинный политик очень любил «купаться

¹⁸⁹ Kosatik P. Osm zen z Hradu. Praha, 1993. S. 191.

в толпе». Разговоры с людьми словно бы заряжали его неиссякаемой энергией. Жене пришлось смириться с тем, что партийная работа всегда была у супруга на первом месте.

В 1911 году в семье Запотоцких родилась дочь Маня, а годом позже еще одна дочка, Иржина. Дети были очень слабыми и весили всего чуть больше двух килограммов. Мария очень боялась, как бы они не заболели туберкулезом, который тогда был очень широко распространен в рабочих семьях.

В 1912 году Антонин с гордостью показал жене комнату, где в том же году проходила Пражская конференция РСДРП, отметив, что здесь выступал сам Ленин. Увидев, что Марию это известие не очень впечатлило, он подробно объяснил ей разницу между большевиками (ленинцами) и меньшевиками.

В 1914 году Запотоцкого призвали в австро-венгерскую армию, и он воевал на сербском, русском и итальянском фронтах Первой мировой войны. Жене он писал всегда раз в неделю, и только однажды Марии пришлось ждать письма целых три недели – выяснилось, что Антонин с ранением руки лежал в лазарете.

Вернувшись домой 12 ноября 1918 года, Запотоцкий немедленно стал агитировать рабочих последовать русскому примеру и взять власть в свои руки. Муж и жена активно участвовали в первых выборах в парламент только что возникшей Чехословацкой республики в 1919 году.

Летом 1920-го Запотоцкий тайно выехал в Москву на второй конгресс Коммунистического интернационала. Там он встретился с Лениным, о чем написал позднее очерк в кладненской рабочей газете «Красная заря».

Между тем семья партийного работника жила очень бедно. Мария пекла лепешки из ячменной муки (на пшеничную денег не хватало) и варила свиную кровь с картошкой. Мужа дома часто не было: он весь ушел с головой в партийную работу.

В декабре 1920 года власти отобрали у рабочих Кладно их Народный дом, в ответ на то, что те объявили всеобщую забастовку и при активном участии Запотоцкого попытались взять власть в Кладно в свои руки. Был образован революционный совет по русскому образцу, и порядок на улицах Кладно поддерживали вооруженные рабочие патрули. Большинство жителей города восторженно приветствовали «рабочую республику Кладно». Запотоцкий предлагал двинуться с оружием на Прагу, но Кладно окружили войска и полиция, подавившие рабочие протесты. Были арестованы более полутора тысяч человек, в том числе и Запотоцкий.

Пока Запотоцкий писал в пражской тюрьме стихи (одно стихотворение он специально посвятил Марии и дочерям), его жена была избрана от Кладно на учредительный съезд КПЧ. Ее мужа (она ласково называла его «Тоником») как одного из вождей кладненского восстания приговорили к 18 месяцам тюремного заключения.

Мария тем временем пыталась спасти дочь Маню, болевшую туберкулезом в открытой форме. Товарищи по партии помогли деньгами, и девочку удалось устроить в санаторий, где ее вылечили.

В 1922 году Запотоцкий вышел из заключения по амнистии и узнал, что его кандидатура предложена на пост генерального секретаря только что возникшей компартии. Но на то, чтобы снять квартиру в Праге, у семьи не было денег, и целых два года Запотоцкий бывал дома только по выходным. Лишь в 1923 году Мария и Антонин переехали в столицу, где жили прямо в штаб-квартире КПЧ (в этом доме была всего одна двухкомнатная квартира для генерального секретаря партии). Антонин, когда у него выдавалось свободное время, охотно помогал жене по хозяйству. На фронте он был, в числе прочего, поваром и неплохо готовил. Еще он сам ходил на рынок за продуктами, причем сохранил эту привычку и на посту президента.

В 1924 году Запотоцкого снова осудили за Кладно на основании нового закона о защите республики, принятого лишь в 1923 (таким образом, закон применили ретроспективно). Вместе с остатком своего первого тюремного срока Антонину предстояло провести за решеткой 15 месяцев. Запотоцкий перешел на нелегальное положение, и компартия выдвинула его кандидатом в депутаты парламента, ведь статус депутата давал иммунитет. Запотоцкий скрывался почти год и все это время избегал встреч с женой, которую тоже могли привлечь к уголовной ответственности за доноительство. Он встречался лишь с дочерьми, которые в целях конспирации называли его «дядя», а о маме говорили как о сестре¹⁹⁰.

С 1925 по 1938 год Антонин Запотоцкий был депутатом парламента ЧСР. Жена между тем тяжело заболела, и врач посоветовал найти просторное светлое жилье. Но никто не хотел сдавать квартиру пусть и депутату, но революционеру-коммунисту. В конце концов, Запотоцкие вступили в жилищный кооператив и переехали в собственную двухкомнатную квартиру.

Дочь Маня унаследовала от отца творческую жилку и хотела стать, выражаясь современным языком, дизайнером дамской одежды. Маня была единственной девочкой, окончившей текстильную профессиональную школу, и хотела уехать работать на всемирно известные шелковые мануфактуры во французский город Лион. Но в посольстве СССР в Праге ей посоветовали ехать в СССР, где очень нужны были специалисты по современной женской одежде. И в 1930 году Маня нелегально выехала в Советский Союз, чем ее отец страшно гордился.

В 1928 году Антонин, теперь уже вместе с женой, снова участвовал в Москве в работе конгресса Коминтерна. Мария в то время не только была активным членом компартии, но и работала в чехословацком обществе друзей СССР. В Москве как делегат конгресса она жила очень скромно – на 11 рублей в сутки. Помогало то, что они с мужем питались в относительно неплохой столовой конгресса. Но супругов поразило, с какой неистовой страстью борются люди в России за новую жизнь: каждая сэкономленная копейка шла тогда на индустриализацию страны.

Позднее, когда Мария навещала Маню в СССР, она не уставала поражаться – страна расцветала буквально с каждым днем, и на смену нужде и лишениям действительно приходило то светлое будущее, которое обещали людям коммунисты. Еще вчера на этой старой московской улочке стояли скособоженные дома, а сегодня – уже современная станция метрополитена.

В 1929 году, когда Клемент Готвальд стал лидером КПЧ, Антонин Запотоцкий возглавил Красные профсоюзы, а после 1945-го – единое Революционно-профсоюзное движение страны. Именно организованные профсоюзами массовые демонстрации рабочих и служащих в поддержку компартии сыграли решающую роль в победе КПЧ в феврале 1948 года. В ЦРУ тогда были потрясены способностью «красных» в Чехословакии в любой момент вывести на улицу десятки тысяч людей.

После оккупации Чехии и Моравии нацистами в марте 1939 года Запотоцкий две недели скрывался у дочери Иржины, пока гестапо настойчиво искало его по домашнему адресу. Потом он тайно перебрался в советское полпредство в Праге, получил советское гражданство и хотел легально выехать вместе с женой в СССР. Но немцы разрешения на выезд не дали, а попытка нелегального перехода границы закончилась арестом Запотоцкого 11 апреля 1939 года: шофер, который вызвался довезти его до границы, оказался агентом гестапо.

¹⁹⁰ Kosatik P. Osm zen z Hradu. Praha, 1993. S. 204.

С марта 1940 года и до конца войны Запотоцкий находился в концлагере Заксенхаузен под Берлином. Марии разрешили вместе с внучкой навестить мужа в пражском гестапо, и гестаповцы даже позволили Антонину выйти на улицу, чтобы поиграть с ребенком¹⁹¹. Перед расставанием Антонин сказал жене, чтобы она ни в коем случае не пыталась заниматься подпольной деятельностью: гестапо постоянно следило за ней и дочерью.

Тем не менее Мария вместе с дочерью была членом нелегальной группы и разносила по Праге листовки и выпуски подпольного «Руде Право». 8 ноября 1941 года обе они были арестованы гестапо. Марию отправили в женский концлагерь Равенсбрюк. В 1941–1945 годах через Равенсбрюк прошли 150 тысяч заключенных, из которых в лагере умерли или были убиты 92 тысячи. Женщины работали каждый день (шили одежду, ремонтировали обувь и т. д.), а питание состояло в основном из брюквы и эрзац-кофе. Но до 1944 года существование Марии было еще сносным, так как чешки жили в одном бараке и активно помогали друг другу. Немцы до поры до времени в это лагерное самоуправление не особо вмешивались.

Но с конца 1944 года немцы построили в лагере новую газовую камеру и стремились уничтожить всех старых или больных узниц, чтобы зря не кормить их. Отбор в газовую камеру эсэсовцы именовали «селекцией». В начале 1945 года на «селекцию» была отобрана и Мария Запотоцкая, но ее спасли и спрятали в другом блоке.

После освобождения лагеря Красной армией 30 апреля 1945 года Мария на обычном грузовике вместе с другими узницами отправилась домой. На чехословацкой границе изможденные женщины с воодушевлением запели «Интернационал». Став в 1953 году президентом, Антонин продолжал вести свой обычный скромный образ жизни, что разительно отличало его от Бенеша, любившего роскошь и знаки внимания. «Рабочий президент» часто ходил без охраны по Праге и лично проверял качество продуктов в овощных или мясных магазинах. Его узнавали, и Запотоцкий с удовольствием общался с людьми, как всегда, со своей фирменной широкой улыбкой на лице.

Один раз он случайно столкнулся в Татрах с советскими туристами, и те немедленно предложили президенту выпить с ними «татранского чая» (так называли местный самогон). Супруга протестовала, но муж с лукавой улыбкой отобрал рюмку... у нее, а сам с удовольствием выпил с «советскими товарищами».

Всю свою жизнь Запотоцкий искренне и бескорыстно любил Советский Союз как родину тех идей, которым он сознательно посвятил всю свою нелегкую жизнь.

До конца своей жизни Запотоцкий на основе личного опыта писал полудокументальные-полухудожественные книги об истории рабочего движения в Чехии. Он не хотел оставлять людям скучные партийные воспоминания и поэтому избрал форму беллетристики. В его книгах за некоторыми образами отчетливо угадываются он сам и его верная Мария. В 1947 году, находясь в отпуске в Югославии, Запотоцкий написал свой первый роман «Встанут новые бойцы», затем последовали «Бурный 1905 год» (1949 года издания), «Красная заря над Кладно» (1951), «Рассвет» (1956) и «Барбара» (1957). С полным на то правом Запотоцкий был членом Союза писателей ЧСР.

Новое коллективное руководство ЧСР было полно решимости, как и в СССР, улучшить жизнь населения своей страны и нормализовать отношения с Западом.

Но, несмотря на то, что уже в своем первом выступлении новый председатель Совета Министров СССР Г. М. Маленков предложил США, по сути дела, политику разрядки, американцы не торопились пожать протянутую из Москвы руку.

¹⁹¹ Kosatik P. Osm zen z Hradu. Praha, 1993. S. 210.

Невзирая на успех операции «Раскол» в Чехословакии, США не смогли к 1953 году реализовать свою главную цель в отношении Восточной Европы – организовать там массовые народные восстания против коммунистов.

Еще в 1950 году американцы решили усилить против социалистических стран психологическую или политическую войну (political warfare).

10 июля 1950 года СНБ США принял документ под названием «План национальной психологической войны» (директива СНБ 74)¹⁹². Цель психологической войны формулировалась следующим образом: «Планируемое использование пропаганды и прочих невоенных действий государством для выдвижения идей или продвижения информации, предназначенной для оказания влияния на мнения, позиции, чувства и поведение зарубежных групп таким образом, чтобы реализовать национальные цели (США)».

Для достижения этой цели в директиве СНБ содержалось 30 конкретных задач, в том числе и ослабление контроля СССР над своими восточноевропейскими союзниками.

Тем же летом 1950-го госдепартамент дал задание группе из 21 профессора американских университетов под руководством Макса Милликана из Массачусетского технологического института разработать конкретные методы психологической войны против восточноевропейских стран. 15 февраля 1951 года профессора выдали «на гора» свои рекомендации. Им были присвоены гриф «Совершенно секретно» и характерное наименование «План „Троя“» (то есть пропаганда должна была сыграть печальную роль «троянского коня» в разрушении социалистического лагеря). Основной упор план «Троя» делал на развертывании массовой радиопропаганды.

Президент Трумэн на основании этих рекомендаций учредил 4 апреля 1951 года государственный орган по координации и планированию психологической войны против социалистических стран – Совет по психологической стратегии (Psychological Strategy Board, PSB). Директором совета стал бывший профессор университета Гордон Грей. Также в него входили представители госдепартамента, министерства обороны, ЦРУ, Объединенного комитета начальников штабов. Совет работал под контролем СНБ и получил на 1952 год неплохой бюджет в 85 миллионов долларов¹⁹³.

В октябре 1951 года СНБ принял директиву NSC 114/2 («Программа США по национальной безопасности»), в которой содержалось указание усилить психологическую войну с целью «конечного освобождения восточноевропейских народов и их воссоединения со свободным миром».

Главным шагом американцев по усилению психологической войны стало образование радиостанции «Свободная Европа», которая начала свое вещание именно на чешском языке 1 мая 1951 года.

До этого античехословацкой пропагандой занималась чехословацкая служба радиостанции «Голос Америки». К 1949 году «Голос Америки» вещал на 29 языках, в том числе один час в день на чешском. В 1953 году «Голос Америки» тратил 6,5 миллиона долларов на пропаганду против СССР, 4,1 – против Восточной Европы, 2,4 миллиона – против КНР и 9 миллионов шло на пропаганду в странах «свободного мира» (в некоторых из них США не любили еще больше, чем в Москве).

Материалы для передач против ЧСР готовили ЦРУ и американское посольство в Праге. Однако госдепартамент считал использование «Голоса Америки» для открыто подрывной пропаганды не очень удобным, так как радиостанция была государственной, и правительство США несло всю ответственность за содержание ее передач. В частности, правительство

¹⁹² Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 131.

¹⁹³ Fame J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 132.

ЧСР не раз заявляло посольству в Праге решительный протест против подрывных радио-программ.

Радиостанция «Свободная Европа» формально была «независимой» и «частной» и поэтому могла не стесняться в распространении абсолютно лживых или подстрекательских сведений. Формально это радио действовало в рамках упомянутого выше Национального комитета за свободную Европу (который возглавлял Аллен Даллес). Штаб-квартира радиостанции расположилась в небоскребе «Эмпайер Стейт Билдинг» в Нью-Йорке, но вещание шло из Мюнхена.

Столицу Баварии американцы выбрали исходя из нескольких причин. Во-первых, Мюнхен находился на самой границе «железного занавеса», и передачи станции можно было хорошо слышать в Восточной Европе. Во-вторых, несмотря на формальный суверенитет, ФРГ по состоянию на 1951 год была американской полуколонией и делала все, что ей скажут в Вашингтоне, а Бавария находилась в американской зоне оккупации. В-третьих, в Европе можно было легче, чем в США, подобрать сотрудников и корреспондентов из числа эмигрантов.

Целый год, начиная с 1 мая 1951 года, «Радио Свободная Европа» (РСЕ) вещало только против Чехословакии. В мае 1952-го началась пропаганда и против Польши.

Чехословакию в ЦРУ по-прежнему считали самым слабым звеном социалистического лагеря. Стратеги американской разведки, прежде всего Даллес, верили, что население страны до сих пор привержено «западным ценностям», поэтому его можно легче поднять на открытые выступления против властей. К тому же после 1948 года на Западе оказалось много довольно известных на родине эмигрантов, которые благодаря своему опыту политической и парламентской деятельности представляли собой идеальные кадры для радиостанции.

Большая часть передач на Чехословакию носила информационный характер и была посвящена «разоблачению официальной пропаганды». Новости передавались каждый час. Была и специальная программа «Письма корреспондентов РСЕ», в которой обычно передавали впечатления вырвавшихся из ЧСР беженцев. Существовала и рубрика новостей о других странах «за железным занавесом», а также обзор (естественно, благоприятный) положения «свободного мира», прежде всего США. Для «неграмотных» чехов и словаков передавали и ликбез «Азы демократии».

Все финансирование и набор кадров для РСЕ шли по линии ЦРУ. Радиостанция использовалась и для передачи кодированных сообщений американской агентуре в Чехословакии или для компрометации противника, как в случае со Сланским.

В соответствии с установками психологической войны РСЕ во всех своих программах должно было внушить слушателям всего несколько «истин»:

- вся власть в восточноевропейских странах принадлежит Москве, а местные коммунисты являются лишь безвольными советскими марионетками;
- коммунизм – это отнюдь не привлекательная идеология, а набор безжизненных или враждебных человеческой природе формул;
- население Восточной Европы должно надеяться на скорое освобождение с помощью США как лидера «свободного мира» (причем не исключался и силовой вариант, в связи с чем РСЕ много говорило об американской военной мощи);
- передавались угрозы конкретным «функционерам коммунистических режимов», чтобы побудить их умерить свою деятельность в пользу государства.

РСЕ скоро стали слушать практически по всей Чехии. Попытки глушить эту радиостанцию только повышали ее авторитет среди населения. К тому же, например, в районе Пльзени РСЕ вещала на волне, близкой волне Пражского радио, поэтому при глушении страдали и официальные радиопередачи.

Однако восстание или хотя бы беспорядки в Чехословакии «Свободной Европе» до 1953 года вызвать так и не удалось.

К концу 1952 года ЦРУ оценивало деятельность РСЕ как довольно эффективную, но пока еще очень далекую от реализации целей психологической войны.

Однако в эти же годы (1951-1952) едва не развалился с таким трудом созданный ЦРУ Совет свободной Чехословакии. Эту эмигрантскую организацию раздирали противоречия между чехами и словаками. Последние во главе с бывшим лидером словацкой Демократической партии Леттрихом чувствовали себя ущемленными: в исполнительном комитете совета было 12 чехов и только шесть словаков¹⁹⁴. К тому же совет раздирали и идеологические противоречия. Он механически объединил как ярых антикоммунистов, покинувших родину еще до 1945 года, так и тех, кто сотрудничал с коммунистами в рамках Национального фронта в 1945-1948 годах. Первые считали вторых «предателями».

Наконец, как и в любой эмигрантской организации «генералов без армии», совет раздирала борьба за власть. Словак Штефан Осуский считал себя гораздо более опытным политиком, чем председатель Совета Петра Зенкла. Осуский был старым интриганом и еще в 1939 году пытался стать вместо Бенеша главой чехословацкого эмигрантского правительства. Причем как человек, «не запятнанный» сотрудничеством с коммунистами, он имел мощное лобби в американском конгрессе, где в то время блистал Маккарти. Наконец, что стало для американцев не менее важными факторами, Осуский свободно говорил по-английски и был человеком более податливым, чем самоуверенный и склонный к снобизму Зенкл.

Раздраженный интригами Осуского Зенкл в 1951 году вышел из совета и основал собственную организацию – Национальный комитет за свободную Чехословакию. К Зенклу перешли основные деятели «послефевральской эмиграции» (в том числе и брат президента Бенеша Войта). Но американцев этот раскол никак не устраивал.

В мае 1952 года ЦРУ и госдепартамент заставили враждующие группы снова объединиться. Отныне в обновленном Совете свободной Чехословакии было целых три руководящих органа (чтобы любой амбициозный политик получил «солидную должность»). В исполнительный комитет теперь вошло целых 26 человек. Его сопредседателями стали чех Зенкл и словак Леттрих. В центральный комитет вошли другие «выдающиеся» деятели с высокими «бывшими» постами. Возглавил этот комитет Осуский. Наконец, в контрольный комитет вошли вообще все члены Совета свободной Чехословакии.

¹⁹⁴ *Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 141.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.